

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 4 (10)

Part 2

Academic Journal

Series:

Political Science. History. International Relations.

Area Studies. Oriental Studies

Moscow
2017

ВЕСТНИК РГГУ

№ 4 (10)

Часть 2

Научный журнал

Серия

«Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Москва

2017

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван-Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валье, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кёльна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сакаи (Ун-т Чую, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения.

Зарубежное регионоведение. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.В. Гуцин, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Журавлева, зам. гл. ред., д-р ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), Е.С. Мелкумян, зам. гл. ред., д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), Е.Н. Жукова, отв. секретарь, канд. полит. н. (РГГУ), Е.А. Алексеева, отв. секретарь (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.А. Гордеева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), М.Н. Грачев, д-р полит. н., канд. филос. н., проф. (РГГУ), С.В. Гришачев, канд. ист. н. (РГГУ), Е.В. Барышева, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России)

Ответственные за выпуск: Е.Н. Жукова, канд. полит. н. (РГГУ),

И.Б. Антонова, канд. пед. н., доц. (РГГУ),

С.В. Клягин, д-р филос. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

«Эхо революции»: рефлексия, дискуссии, критика

Н.В. Иллерицкая

Великая российская революция 1917 г.
в трудах современных историков (историографический обзор) 169

А.Ю. Бахтурина

Изменение административных границ Прибалтийских губерний
весной — летом 1917 г. 177

Е.А. Косован

«Всюду они ставили своей целью свержение советской власти»:
украинская эмиграция и протестное движение
в УССР в 1920-е — первой половине 1930-х гг. 186

Историческое знание в поисках аутентичности

В.И. Дурновцев

Исторический источник как объект природы и культуры 195

П.П. Шкаренков

Репрезентация императорской власти на Западе во II–V вв.:
риторика, идеология, политика 207

В.П. Буданова

Готицизм историка Иордана: становление
и парадоксы «готского мифа» 225

А.С. Усачев

Где переписывались книги для вологодского
архиепископа Ионы (Думина)? 235

Н.В. Ростиславлева

Историческое знание в Германии XIX века:
между философскими вызовами и историзмом? 244

Историческое знание как инструмент гуманитарной экспертизы

Г.Г. Еришова

Поиск идентичности современными общинами майя:
возвращение к истокам? 255

И.Е. Корнеев

XXII летние олимпийские игры 1980 г.:
новые историографические тенденции 266

Историческое образование: зарождение, становление, перспективы развития

Е.И. Пивовар, А.Б. Безбородов, Т.И. Хорхордина
Зарождение и становление отечественного высшего историко-архивного образования: 1930-е – первая половина 1940-х гг. ... 272

А.Б. Безбородов
Московский государственный историко-архивный институт во второй половине 1940-х гг. – 1991 г.: вглядываясь в людей и дела минувших лет 282

А.Б. Безбородов, А.В. Корчинский, О.В. Павленко, П.П. Шкаренков
Историческое знание и профессиональное гуманитарное образование 290

А.Б. Безбородов, А.В. Корчинский, О.В. Павленко, П.П. Шкаренков
Культурная история как основа исторического образования гуманитариев 300

Международные интеграционные процессы: социокультурные и экономические аспекты

М.А. Гордеева
Вызовы европейской интеграции 306

Б.И. Шевченко
ЕАЭС: противоречия интеграционного взаимодействия 313

Книжная полка

С.В. Тужилин
Роль внутригерманского сопротивления в борьбе против нацизма 320

А.Р. Акрамов
Перечитывая заново. «Советская историография» 20 лет спустя 328

Г.М. Нарсия
Толерантность как социокультурный проект 336

Abstracts 341

Сведения об авторах 349

CONTENTS

“Echo of revolution”: reflection, discussion, criticism

N. Illeritskaya

The great Russian revolution of 1917 year in the works
of modern historians (historiography review) 169

A. Bakhturina

Changes in the administrative boundaries of the Baltic provinces
in the spring and summer of 1917 177

E. Kosovan

“Their aim was to overthrow the Soviet regime throughout the country”:
the Ukrainian emigration and the protest movement
in the Ukrainian Soviet Socialist Republic during
the 1920s and early 1930s 186

Historical knowledge in quest of authenticity

V. Durnovtsev

Historical source as an object of nature and culture 195

P. Shkarenkov

Representation of Imperial Power in the West in the II–V Centuries:
Rhetoric, Ideology, Politics. 207

V. Budanova

Historian Jordanes Gothicism. Formation
and paradoxes of “Gothic myth” 225

A. Usachev

Where were manuscripts for the Vologda archbishop
Iona (Dumin) copied? 235

N. Rostislavleva

Historical knowledge in Germany of 19th century:
between philosophical challenges and historicism 244

Historical knowledge as a tool of humanitarian expertise

G. Ershova

The search of identity of contemporary Maya communities:
back to origin? 255

I. Korneev

1980 summer Olympics: new historiographical tendencies 266

History education: the origin, formation, prospects of development

<i>E.I. Pivovarov, A.B. Bezborodov, T.I. Khorkhordina</i> Initiation and Development of National History and Archives Education in Russia: the 1930s – the Second Half of the 1940s	272
---	-----

<i>A. Bezborodov</i> Moscow State History and Archives Institute in the Second Half of the 1940s through 1991: Contemplating the People and the Deeds of the Past Years	282
--	-----

<i>A. Bezborodov, A. Korchinskiy, O. Pavlenko, P. Shkarenkov</i> Historical knowledge and professional education in the Humanities	290
---	-----

<i>A. Bezborodov, A. Korchinskiy, O. Pavlenko, P. Shkarenkov</i> Cultural history as a basis for historical education in the Humanities	300
--	-----

International integration processes: the socio-cultural and economic aspects

<i>M. Gordeyeva</i> Challenges of European integration	306
---	-----

<i>B. Shevchenko</i> The EEU: the contradictions of integration and interaction	313
--	-----

Bookshelf

<i>S. Tuzhilin</i> The Role of the German Resistance in the Struggle Against Nazism	320
--	-----

<i>A. Akramov</i> Rereading again. “Soviet historiography” 20 years later	328
--	-----

<i>G. Narsiya</i> Tolerance as a social and cultural project	336
---	-----

Abstracts	341
-----------------	-----

General data about the authors	351
--------------------------------------	-----

«Эхо революции»: рефлексия, дискуссии, критика

Н.В. Иллерицкая

Великая российская революция 1917 г. в трудах современных историков (историографический обзор)

В статье делается попытка выявить и проанализировать изменения в трактовке центральной проблематики революционных событий в России в 1917 г. в трудах современных академических историков. В качестве основных историографических источников привлекаются тексты известных историков-профессионалов обобщающего характера, поскольку они наиболее репрезентативны с точки зрения подведения исследовательских итогов и обозначения перспектив в разработке актуальной проблематики истории России начала XX в. Автор статьи ставит перед собой задачу определить наличие приращения научного знания в выделенных текстах в методологии общей историографии. Основное внимание сосредоточено на аналитической и прогностической функциях историографии.

Ключевые слова: Великая российская революция 1917 г., историки-профессионалы, современное интеллектуальное пространство, историографические источники, приращение научного знания.

Подготовка к 100-летию юбилею Великой российской революции 1917 г. породила огромное количество публикаций самого разного уровня исполнения и назначения. В этом бурном потоке почти потонули труды историков-профессионалов, которые презентовали результаты своей сложной и важной работы по решению наиболее актуальных проблем современного историописания, связанных с революционными событиями 1917 г. Именно поэтому в представленном обзоре я сконцентрирую свое внимание на историографических источниках, которые вышли из-под пера высших профессионалов, признанных специалистов по политической истории России начала XX в.

Как известно, политическая история долго была наиболее консервативной областью исторической науки, поэтому интересно проанализировать, какие изменения произошли в ее академической сфере в связи с особой актуализацией событий революционного процесса 1917 г. Исходя из этой задачи, я сочла наиболее репрезентативными для ее решения тексты статей Ю.А. Петрова, В.В. Шелохаева и В.П. Булдакова, носящие обобщающий характер и опубликованные в 2017 г. в преддверие юбилея в специализированных научных изданиях.

Первой в этом ряду по проблемно-хронологическому принципу, принятому в историографии, следует рассматривать статью Ю.А. Петрова «Россия накануне Великой революции 1917 года: современные историографические тенденции»¹. Статья посвящена анализу трудов историков, рассматривающих политические, социальные, экономические и гуманитарные проблемы, породившие российскую революцию 1917 г. Автор сосредотачивается на новых идеях, сформулированных профессиональным сообществом историков. Как известно, наиболее «пострадавшей» от советской историографии в контексте вызревания российской революции 1917 г., была проблематика Первой мировой войны и Февральской революции: их представляли только как катализатор и прелюдию Великого Октября. Поэтому именно эти проблемы и их новационная интерпретация в современной историографии делаются центральными в статье Ю.А. Петрова.

Первая мировая война теперь рассматривается как эпохальное событие, приведшее к социально-экономической и политической трансформации Евразии². В исследованиях современных историков начинает преобладать мнение, что причины российской революции 1917 г. коренятся в сложности модернизационных процессов в России. В связи с этим внимание исследователей, как отмечает автор, в настоящее время концентрируется на изучении состояния политической жизни в стране накануне революции 1917 г.³ Не обходит вниманием Ю.А. Петров распространение в последние годы в исторической науке конспирологической версии истории российской революции 1917 г. Однако он подчеркивает архаический характер данной версии в понимании исторических процессов и, поэтому, ее научную бесперспективность⁴.

Основное внимание Ю.А. Петров сосредотачивает на качественных изменениях, которые произошли в самой исследовательской парадигме, что повлекло за собой появление новых направлений в историографии, таких как: изучение поведенческих стереотипов населения, исследование эволюции сознания различных социальных слоев и повседневной жизни России в годы войны и революции⁵. Историки окончательно отвергли взгляд на православную

церковь как на оплот контрреволюции. Автор подчеркивает, что современная историография все чаще обращается к проблеме России как функционирующего полиэтнического государственного образования эпохи модерна, поэтому в центральную проблематику исторического знания переместилась тематика окраин и регионов страны.

Отличительной чертой статьи Ю.А. Петрова является то, что он не замыкается в рамках отечественной историографии и обобщает наработки зарубежной русистики. Автор подчеркивает, что одной из основных тенденций современной западной историографии является стремление рассматривать революцию как часть кризиса империи, вызванного Мировой войной, и завершившегося только с окончанием Гражданской войны. В таком ракурсе наполняются новым содержанием темы готовности России к войне, социально-экономическая и внутренняя политика последних лет империи. Активно разрабатываются такие ранее слабо изученные аспекты, как морально-психологическое состояние российского общества, политика по отношению к «жертвам войны», историческая память россиян о Первой мировой войне⁶.

Таким образом, по мнению автора, тема России кануна Великой революции 1917 г. и для отечественной исторической науки, и для зарубежной русистики – тема традиционная, но отнюдь не исчерпанная и открывшая в последнее время множество новых граней: жизнь России в эпоху «великих потрясений» ждет своих новых исследователей.

Статья Ю.А. Петрова привлекает внимание широтой охвата источников, однако она сконструирована в классической модели проблемной историографии, т. е. демонстрирует нарративистский методологический подход. Автор в назывно-перечислительном порядке констатирует вклад различных историков в разработку новой версии пролога российской революции 1917 г., однако не анализирует интеллектуальный контекст, который сделал возможным подобную научную трансформацию. Это снижает историографическую значимость статьи, поскольку смысл любого текста может быть понят только в контексте.

Тему пролога Великой российской революции продолжает статья В.В. Шелохаева «Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи)»⁷. В тексте статьи определена цель: показать состояние современной отечественной историографии российских политических партий на переломном этапе их эволюции – в 1917 г. Автор совершенно справедливо начинает с тех исследовательских итогов, которые были достигнуты в исторической науке к началу 90-х гг. XX в. В советской историографии, как известно, в качестве

методологического основания бытовала ленинская классификация политических партий, которая была малопродуктивна для выяснения положения дел в политическом спектре российских партий. Поэтому, как подчеркивает В.В. Шелохаев, советские историки освещали весь период революционных трансформаций 1917–1920 гг. с позиций «победителей» и «побежденных»⁸.

Эмигрантская историческая литература осталась в плену «синдрома побежденных», а зарубежная историография основывалась, в первую очередь, трудами эмигрантских авторов. В конце 1980-х гг. ситуация стала постепенно меняться, но качественный перелом в историографии наступил лишь во второй половине 1990-х гг. в ходе подготовки и реализации многотомного проекта «Политические партии России. Документальное наследие»⁹. Анализ источников, которые вошли в это фундаментальное документальное издание, показал, что политические партии России имели сугубо интеллигентский, неклассовый характер. Этот новационный вывод стал общепризнанным в отечественной и зарубежной историографии. В.В. Шелохаев справедливо отмечает, что именно интеллигентский характер партий предопределил непримиримую политическую и идеологическую борьбу между ними и внутри них по проблеме будущего России. Революция 1917 г. лишь предельно обострила эту ситуацию¹⁰.

Многослойную конструкцию политических партий России автор обоснованно предлагает подразделять на партии консервативные, либеральные и социалистические. С его точки зрения, существенный прорыв был сделан тогда, когда исследователи отказались от тенденциозных рассуждений по поводу характера и деятельности этих партий и перешли к осмыслению их места в событиях революции 1917 г.

В результате обобщения современных историографических наработок в области исследования российской многопартийности, В.В. Шелохаев приходит к следующим выводам:

1. Революция 1917 г. привела к качественному изменению конфигурации российской многопартийности. В Феврале 1917 г. с политической сцены исчезли консервативные партии и организации: революция стала завершающим этапом в их истории;
2. После Февраля 1917 г. наметились существенные изменения в либеральном партийном лагере. Либеральные партии правого фланга и «центра» заметно радикализировались, пытаясь подстроиться под новую политическую реальность. Осталась только одна эффективная либеральная политическая партия – Конституционно-демократическая. Члены кадетской партии делали все возможное, чтобы не дать революции развиваться дальше, но остановить национальную катастрофу не смогли;

3. Февральская революция и последующие события значительно изменили социалистические партии и организации: произошло резкое разделение их на умеренные и радикальные. Развитие революции 1917 г. превратило социалистов-революционеров и социал-демократов в непримиримых политических противников;
4. После Февральской революции ускорился процесс формирования национальных партий и организаций на фоне сокращения числа общероссийских партий;
5. Революция заставила политические партии пересмотреть их программы и тактические установки. Октябрьский переворот стал совместным делом леворадикальных партий, а не одних только большевиков¹¹.

В результате В.В. Шелохаев приходит к прорывным для современной историографии выводам: российская революция 1917 г. показала неустойчивость российской многопартийности. На победу смогли рассчитывать только партии, опиравшиеся на традиционное массовое сознание народа. Партии парламентского типа вынуждены были сойти с политической сцены¹².

В.В. Шелохаев не игнорирует прогностическую функцию историографии. Он пишет, что, несмотря на достижения последних лет, логика развития науки требует дальнейших усилий историков в деле изучения российской многопартийности. К чему же должны истории приложить усилия в первую очередь? По мнению автора статьи, исследователям предстоит большая поисковая работа по введению в научный оборот новых источников из региональных архивов и местной периодической печати. Это значит, что предлагается экстенсивное развитие исторической науки, когда приращение научного знания осуществляется за счет расширения источникового пространства и этот вектор развития рассматривается как основной, с чем трудно согласиться. Правда, в заключении статьи, есть предложение обратиться к методологии новой политической истории (хотя в самом тексте упоминания этого термина нет, но можно предположить по смыслу), которая актуализирует процессы принятия партийных решений, их мотивацию и аргументацию, связи с электоральными слоями и т. п., т.е. работает в пространстве истории и политологии. Реализацию такого подхода можно только приветствовать, ибо он потребует от историков применения современных междисциплинарных методов исследования, что, в свою очередь, в перспективе выведет изучение темы на неклассическую рефлексивную модель исторического знания.

Как развитие обозначенных в предыдущих статьях сюжетов можно рассматривать статью В.П. Булдакова «Революция 1917 г.: мифы, которые мы выбираем»¹³. Статья вызывает большой интерес.

Привлекает внимание сама постановка проблемы, а сверхзадача, сформулированная автором, звучит очень актуально: «Автор показывает, что всякая революция связана с определенным набором мифических представлений о прошлом и будущем»¹⁴. С эти трудно спорить, тем более что автор дает свое определение мифа: это «переживаемая реальность»¹⁵. Однако далее из текста следует, что В.П. Булдаков пытается разоблачить миф демократической революции. В создании этого мифа автор обвиняет и современников, и сторонников «рационального» объяснения революционных событий в историографии, и историков-эмигрантов. Сам автор исповедует циклическое понимание истории, объясняя это весьма оригинально – относительной неизменностью человеческой природы и тем, что «непросвещенные» массы мыслят образами утраченного «светлого прошлого»¹⁶.

Российская империя, по мнению В.П. Булдакова, может быть представлена как устойчиво-неравновесная систему авторитарно-патерналистского типа. Такой организм не демонстрирует инновационность, но способен на мобилизационные усилия в экстремальных обстоятельствах, когда народ должен реагировать на всеобщую угрозу. Российская империя старалась черпать опыт управления в традициях прошлого. Царь жил прошлым, что и привело к столь успешному перевороту в 1917 г. Империя оказалась во власти малых возмущений, слухов и сплетен, т. е. «феминизированный» тип волнений охватил всю страну. В России тяга к демократии возникла в связи с потребностью «демократизации» самодержавия. Народ же остался почитателем власти, понятно сформированной по принципу «большой семьи», которой нужен был только «хороший отец», т. е. правитель¹⁷.

Основной миф, считает В.П. Булдаков, который обеспечил крах послефевральских действий, связан с тем, что русская интеллигенция верила в формальную демократию, т. е. в политическую многопартийность. Многопартийность в России воспринималась как синоним демократии, но, по мнению автора, была лишь показателем развала прежних принципов авторитарно-патерналистского существования. Партии в России были опасны тем, что в целом они создавали «подстрекательскую» среду. Все интеллигентские партии (а все политические партии и были интеллигентскими) в большей или меньшей мере оказывались утопичными в самых своих основаниях. Поэтому партии усугубляли социальный хаос, который непереносим для людей традиционной культуры¹⁸.

Статья В.П. Булдакова написана выразительным языком, местами даже чересчур хлестко, автор весьма критичен по отношению к практикам современного отечественного историописания.

В связи с этим возникает надежда, что в предложенном тексте будут продемонстрированы методологические подходы новой исторической науки. Но по мере углубления в конструкцию статьи выясняется, что в действительности автор не исходит из тезиса, что миф – это иррациональный способ освоения окружающего мира. Как известно, в современных интеллектуальных реалиях мифу приписывается поведенческий характер и мифологизируется эмоциональная жизнь человека. Но автор статьи понимает миф просто как искажение действительности. С такой постановкой вопроса сталкиваешься в самом начале статьи, когда В.П. Булдаков определяет основное занятие профессионального историка – держать оборону против нескончаемого мифотворчества, хотя, он понимает, что это практически безнадежно. И он прав, ибо историк может аргументировать свои доводы бесконечным множеством фактов, т.е. предлагать рациональные конструкции, а люди психологически предрасположены верить в простые объяснения, бытующие в массовом сознании.

В.П. Булдаков справедливо замечает, что человек склонен навязывать событиям былых лет логику современности. Для историка-профессионала это непростительный грех, но для людей, не обремененных профессиональной подготовкой, это обычный способ взаимодействия с прошлым. С этим трудно не согласиться. Однако автор, являясь историком-профессионалом, неоднократно сам разрешает себе проводить прямые аналогии между событиями 1917 г. и современностью (в частности с 1991 г.), т. е. впадает в грех модернизации. Кроме того, В.П. Булдаков призывает историков научиться беспристрастно смотреть в лицо революционной действительности (как будто это возможно). То есть историк, как следует из текста статьи, в лучшем случае может быть участливым «соглядатаем» и никак не больше. Поэтому миф, в такой интеллектуальной конфигурации, может заслонить собой историческую реальность, поэтому историю можно представить как коловращение мифов, а мифы изживают себя только путем самоистощения. И единственным противоядием против мифотворчества остается, по мнению В.П. Булдакова, наука история¹⁹.

Так что же получается в итоге? Историографический анализ текста статьи дает возможность сделать вывод, что его интеллектуальная конструкция остается в пределах классической рефлексивной модели и вся новизна сводится к изменению фактографической конфигурации.

Таким образом, в современном историографии истории Великой российской революции 1917 г. сделан шаг вперед: переформатирована сама тематика российской революции 1917 г.; достигнута

репрезентативность источниковой базы за счет переосмысления и введения в научный оборот новых документальных источников. Это привело к переопределению исследовательских задач и дальнейших ориентиров разработки проблематики российской революции 1917 г. Изменился образ революционных событий. Но все эти достижения сделаны за счет экстенсивного освоения интеллектуального пространства. Образ российской революции 1917 г. несколько скорректирован, а не наполнен новыми смыслами. Так что историков ждет впереди большая и интересная работа, важная для самопознания и самоопределения современного общества.

Примечания

¹ *Петров Ю.А.* Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // *Российская история.* 2017. № 2. С. 3–16.

² Там же. С. 3.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 5–9.

⁶ Там же. С. 9–12.

⁷ *Шелохаев В.В.* Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // *Российская история.* 2017. № 2. С. 32–42.

⁸ Там же. С. 33.

⁹ Непосредственно периоду революции 1917 г. посвящены: *Меньшевики в 1917 году.* В 3 т. М., 1994–1997; *Правые партии. Документы и материалы.* В 2 т. Т. 2. М., 1998; *Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии.* В 6 т. Т. 3. М., 1998; *Съезды и конференции Конституционно-демократической партии.* В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000; *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы.* В 3 т. Т. 3. Ч. 1, 2. М., 2000; *Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы.* В 3 т. Т. 1. М., 2000.

¹⁰ *Шелохаев В.В.* Указ. соч. С. 39.

¹¹ Там же. С. 36–39.

¹² Там же. С. 40.

¹³ *Булдаков В.П.* Революция 1917 года: мифы, которые мы выбираем // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Научный журнал.* 2017. №1. С. 39–62.

¹⁴ Там же. С. 39.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 40.

¹⁷ Там же. С. 40–43.

¹⁸ Там же. С. 45.

¹⁹ Там же. С. 58.

Изменение административных границ Прибалтийских губерний весной – летом 1917 г.

В статье рассмотрена деятельность Временного правительства и Советов рабочих и солдатских депутатов на территории Прибалтийских губерний в связи с изменением административно-территориальных границ Эстляндской и Лифляндской губерний весной – летом 1917 г. Рассматриваются инициативы различных общественно-политических кругов по изменению границ губерний. Показана связь движения за новые границы с образованием новых органов управления и отстранением от власти прибалтийского немецкого дворянства. Анализируются противоречия между Советами прибалтийских губерний и Северо-Западной области в связи с проектами создания областных объединений Советов.

Ключевые слова: Прибалтийские губернии, Временное правительство, Эстония, Латвия, административно-территориальное деление, областные объединения Советов, революция 1917 года

Распад Российской империи произошел после прихода большевиков к власти в октябре 1917 г. В историографии в числе причин указывается несогласие общественно-политических элит формируемых национальных государств с социально-экономической программой большевиков. Но первые шаги по созданию национальных государств были сделаны еще в период деятельности Временного правительства, когда о резкой трансформации социально-экономической системы речь еще не шла.

Одна из проблем, которая возникает при изучении национальной политики Временного правительства и национальных проблем 1917 г. в целом, это проблема определения этнической территории народов России. Формирование представлений об этнических границах народов Российской империи началось задолго до революции. По замечанию Т. Карьяярма, уже в конце XIX столетия «наблюдается более дифференцированный подход с выделением

отдельных регионов империи. Эстляндию стали рассматривать отдельно от этнической России. При этом термином «Эстляндия» обозначали не только Эстляндскую губернию (Северную Эстонию), но и эстонские уезды Лифляндской губернии (Южная Эстония), город Нарву в Санкт-Петербургской губернии, а позже и территорию в Псковской губернии, где проживал народ сету. Таким образом, формировались представления об этнической территории эстонцев с общим названием Эстония»¹. На территории Прибалтийских губерний в феврале – октябре 1917 г. идет активный процесс определения этнических территорий проживания эстонцев и латышей и новых административно-территориальных границ, ставший важным шагом на пути к национальной государственности.

Население региона было смешанным: коренными народами являлись эстонцы, латыши, литовцы; русские, поляки, немцы, евреи, шведы и др. народы переселялись в Прибалтику на протяжении веков и составляли меньшинство населения. Административно-территориальное деление не совпадало с этническими границами проживания коренных народов: эстонцы проживали в Эстляндской и Лифляндской губерниях, латыши – в Лифляндской, Курляндской губерниях, в западных уездах Витебской губернии; литовцы, кроме Виленской и Ковенской губерний, также проживали в Сувалкской губернии, входившей в состав Царства Польского. По подсчетам В.М. Кабузана в Лифляндской губернии проживало около 1% эстонцев. В самой Эстонии в начале XX в. отмечалось преобладание эстонцев, связанное с небольшим количеством переселенцев из других регионов, в отличие от Латвии, где росла численность русских, составившая к 1914 г. 19,3 %².

Наиболее развитой была Лифляндская губерния, где Рига являлась одним из крупнейших промышленных центров. Виленская и Ковенская губернии были аграрными.

Весной – в начале лета 1917 г. в Прибалтийских губерниях разворачивается борьба за определение будущих административных границ проживания эстонского и латышского населения.

В Тарту весной 1917 г. активизировалось движение за объединение всех эстонских территорий в единую национальную губернию. 9 марта в Ревеле (Таллине) был создан Ревельский союз эстонских обществ. На его первом собрании было предложено включить северную Лифляндию, т. е. Южную Эстонию в состав Эстляндской губернии. В марте 1917 г. лидер эстонской народной партии прогрессистов Я. Тыниссон был избран Тартуским городским головой. 11–13 марта в Тарту состоялось всеэстонское совещание представителей эстонских буржуазных обществ. Высказано мнение

о создании в Южной Эстонии самостоятельной северо-лифляндской губернии. Сторонники создания новой губернии, среди которых преобладали члены эстонской народной партии прогрессистов, не исключали возможности превращения Тарту в губернский город и этим в определенной степени объяснялось их стремление к образованию в Южной Эстонии новой административно-территориальной единицы. 13 марта было достигнуто компромиссное решение: от лифляндской губернии отделить ее северную часть, временно создав из нее самостоятельную губернию³.

Параллельно эстонские общественные деятели в Юрьеве и Ревеле в конце марта 1917 г. подготовили проект реорганизации местного управления земских учреждений в Эстляндии и эстонской части Лифляндии. Проект был направлен Временному правительству и к 29 марта, по сообщениям периодической печати, ожидалось его утверждение⁴.

Деятели Петроградского эстонского республиканского союза (К. Лутс, Ю. Сльямаа, А. Вальнер) 26 марта организовали перед Таврическим дворцом манифестацию жителей эстонской национальности в поддержку требования самоуправления, а также демонстрацию солдат-эстонцев запасного батальона Гвардейского Кексгольмского полка. Существуют различные мнения о численности и масштабах демонстрации в Петрограде в марте 1917 г. Называется цифра 40 тыс. участников. Состав Кексгольмского полка в сентябре 1917 г., включая лазаретную службу и другие вспомогательные единицы, составлял около 4,5 тыс. человек. Эстонское население Петрограда, по различным данным, составляло 40–50 тыс. человек. Примечательно, что в газетных сообщениях об этой демонстрации упоминались только «эстонцы воинских частей Петрограда». Из лозунгов демонстрантов, относящихся непосредственно к проблемам Эстонии, выделялись два: «Автономия Эстонии» и «Долой баронов»⁵. Сопоставление различных данных позволяет говорить о том, что число участников демонстрации несколько завышено. Но тем не менее 30 марта 1917 г. на заседании Временного правительства впервые обсуждался вопрос об организации административного управления и самоуправления в Эстляндской губернии. В мае 1917 г. Временное правительство издает постановление «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии», в котором определялись принципы установления границ между эстонскими и латышскими территориями. Говорилось, что «принадлежность приграничных волостей к эстонской или латышской народности определяется особой согласительной комиссией», которая состоит из представителей Лифляндской и Эстляндской

губерний⁶. При этом в постановлении подчеркивалось, что до издания положения о новом административном устройстве Прибалтийского края управление Эстляндской губернией в новых границах находится в ведении губернского комиссара Временного правительства и его двух помощников. Декларировалось создание губернского земского совета из представителей уездов и городов. Совет должен был вместе с губернским комиссаром осуществлять руководство «делами местного самоуправления» и «делами обще-административного управления»⁷. Постановление не только меняло границы Эстляндской губернии, но формировало там органы местного самоуправления. Его основные статьи затрагивали именно вопросы организации управления. Права эстонского самоуправления были расширены в сравнении с дореволюционными земскими учреждениями, т. к. выборное самоуправление становилось совместно с комиссаром Временного правительства фактической администрацией края.

Параллельно с Временным правительством и лидерами национальных либеральных партий границы Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний определяли Советы рабочих и солдатских депутатов. Следует отметить, что в исторических областях Латвии за формирование национальной территории более активно выступали местные Советы, где очень скоро установилось лидерство социал-демократов. 5 марта 1917 г. собрание ревельских латышских рабочих и интеллигентов принимает резолюцию об автономии Латвии, а в марте – апреле 1917 г. Видезмский временный земский совет в Риге, Курземский земский совет в Тарту и Латгальский земский совет высказывались за объединение исторических латвийских территорий⁸. На заседании латышской демократической партии 7 апреля 1917 г. было принято обращение к Временному правительству, где говорилось: «Латышский край, а именно Курляндия, латышская часть Лифляндии, латышские части Витебской и Ковенской губернии должны объединиться в одну политическую, административную и экономическую единицу под наименованием Латвия, в которой должна быть введена полная автономия: законодательная, административная, финансовая и политическая». Также подчеркивалось, что автономная Латвия должна стать демократическим государством в составе федерации. Особую тревогу вызывало положение Курляндии. В обращении подчеркивалось, что она не должна отойти к Германии, т. к. это будет «равносильно смерти латышского народа»⁹. Примечательно, что также предлагалось до созыва Учредительного Собрания, создать земский совет, который взял бы в свои руки управление Латвией. Во многом

это требование было вызвано внутренней борьбой между органами самоуправления немецкого прибалтийского дворянства и новыми политическими силами. Стремление отстранить от власти в крае прибалтийских немцев было очень великого. Латышские общественно-политические деятели использовали для этого революционную риторику, объявляя существующие учреждения в Прибалтийских губерниях «глубоко реакционными», представляющие опасность «для свободной России», несущие угрозу революции¹⁰.

Аналогичные решения принимались на местах уже в марте 1917 г. В постановлении земского съезда латышской части Лифляндской губернии в Вольмарке говорилось: «Необходимо объединить в одно административное целое всю населенную латышами землю Лифляндии, Курляндии, Витебской губернии под общим названием «Латвия»... Латвия должна быть автономной провинцией России». Постановление не оставило без внимания и вопрос организации местного управления, сделав акцент на буржуазном характере органов самоуправления прибалтийского немецкого дворянства: необходимо «ликвидировать местные ландтаги как непригодные классовые учреждения»¹¹.

Движение за объединение исторических латвийских и эстонских территорий весной 1917 г. столкнулось с процессом создания областных объединений советов рабочих и солдатских депутатов. Создание советов на территории Прибалтийских губерний в марте 1917 г. шло без учета национальных особенностей и административно-территориального деления. На первом месте стояла задача формирования Советов как органов народной власти. Например, в Положении о совете рабочих, воинских и обывательских депутатов г. Ревеля говорилось, что он создается «из представителей всех слоев г. Ревеля, воинских частей и представителей всенародных организаций Эстляндской губернии»¹².

На Всероссийском совещании *Советов рабочих и солдатских депутатов* (29 марта – 3 апр.) 2 апреля была принята резолюция об объединении Советов¹³. Задачей совещания было сформировать более или менее четкую систему Советов в регионах. Первоначально Прибалтийские губернии не выделялись в самостоятельную группу. В апреле был создан Верховный Совет рабочих, солдатских и крест. депутатов Северо-Западной области и Северного фронта «Верхосев», объединивший Советы Псковской, Петроградской, Новгородской, Витебской, Эстляндской и Лифляндской губерний, неоккупированной части Курляндии, а также организации воинских частей городов Вышнего Волочка, Ржева и Торжка. В апреле – мае варианты областного деления менялись. В середине

апреля было декларировано создание объединения Советов Северо-Западной области с включением туда Советов Прибалтийских губерний. В апреле было принято Временное положение о Северо-Западной областной организации Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов с центром в г. Пскове¹⁴. Положение было утверждено на заседаниях организационной комиссии представителей военных организаций гарнизонов Двинского военного округа, проходивших 6-9 апреля. К маю 1917 г. после ряда дискуссий была выделена Северо-Западная область. При определении ее границ активную роль играли представители солдатских комитетов северо-западного фронта. 18–27 мая в Пскове проходил II съезд представителей Советов Северо-Западной области и представителей Северо-Западного фронта. Северо-Западная область была разделена на пять районных организаций с центрами в Пскове, Новгороде, Витебске, Ревеле и Риге¹⁵.

Но Советы Прибалтийских губерний в мае выступили против включения их в Северо-Западную область и попытались создать самостоятельное объединение Советов Прибалтики.

Параллельно Исполком Петроградского Совета в начале мая 1917 г. разрабатывал программу созыва областного съезда Советов в Ревеле. Он подготовил основные принципы созыва съезда. В них говорилось, что в областном съезде участвуют все местные Советы рабочих и солдатских депутатов, нормы представительства на областном съезде устанавливаются Ревельским советом, учитывая, что область включает район действующей армии, то в Областном съезде должны принять участие представители центральных исполнительных комитетов армии и флота, находящиеся в пределах области¹⁶. Исполком Петроградского совета определял, что областные съезды Советов избирают областные комитеты, которые руководят местными советами. Также предлагалось разделить область на районы.

3 мая 1917 г. в Петроград из Ревельского совета была отправлена телеграмма, где говорилось, что получено несколько сообщений о созыве областного съезда советов в Прибалтийском крае. Первое – о созыве съезда в Ревеле, второе – из Пскова «с указанием, что Эстляндия входит в состав областной организации с центром в Пскове» и третье – из Рижского Совета с сообщением о том, что областной съезд созывается Рижским исполкомом в Юрьеве¹⁷. В связи с этим Ревельский совет запрашивал: «Куда должна войти Эстляндия?»¹⁸. Ответ на этот вопрос был получен от председателя Искоборсева Орлова, где говорилось, что «по соглашению с Петроградом Эстляндия входит в состав областной организации с центром в Пскове», но также «может образовать отде-

льный район с центром в Ревеле»¹⁹. На 10 мая 1917 г. был назначен созыв Областного съезда советов Прибалтики, где большинство делегатов представляли Советы Ревеля и Эстляндской губернии. Съезд представителей Советов прибалтийского края был открыт 11 мая 1917 г. На нем присутствовали 30 депутатов от Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов, 36 депутатов Советов из ряда городов (Вейсенштейн, Нарва и др.), а также 7 представителей крестьянских Советов. Депутаты попытались начать работу, но 12 мая приняли решение ввиду «абсолютной малочисленности съезда... считать себя лишь частным совещанием депутатов Прибалтийского края»²⁰. В итоге съезд был признан несостоявшимся «за отсутствием большого числа представителей»²¹. Примечательно, что Ревельский совет заявил о том, что из-за отсутствия кворума он «вынужден выступить в качестве представителя Прибалтийского края»²². Но это решение вызвало протесты многих общественных организаций. Параллельно прошли съезды Советов в Тарту и Риге. Наметился раскол Советов в Прибалтике по национальному признаку.

Первый Всероссийский съезд Советов в начале июня 1917 г. составил инструкцию Ревельскому совету, который должен был приступить к формированию областного объединения Советов в Прибалтийских губерниях: «Предлагается Вашему Совету взять на себя инициативу... создания областной организации, если в Вашей области не создано для этой цели специальной организации». В инструкции определялось, что «область составляется из Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерний».

Ревельский Совет поддержал эту инициативу и 23 июля в Ревеле был созван съезд Советов Прибалтийского края²³. Но ход событий убедительно показывал, что Советы Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерний не стремятся к объединению.

Таким образом, весной 1917 г. при создании областных объединений Советов выделение Советов Прибалтийских губерний в самостоятельные объединения не состоялось. Следует предположить, что определенную роль в этом процессе сыграли представители солдатской массы. Но, несмотря на это, советы Прибалтийских губерний демонстрировали явное стремление к самостоятельности. И фактически уже в апреле – мае 1917 г. Прибалтийские губернии начали формировать объединения советов по национальному принципу и определять новые границы.

На XIII конференции Социал-демократии Латышского края в конце апреля 1917 г. обсуждался вопрос об автономии Латвии. Было принято решение «определить границы Латвии и после проведения всеобщего голосования местного населения присо-

единить Латгалию»²⁴, входившую на тот момент в состав Витебской губернии.

В условиях активного движения за автономию эстонских и латвийских территорий 22 июня 1917 г. Временное правительство вводит в действие Положение «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии». В соответствии с ним в состав Эстляндской губернии были включены северные уезды Лифляндской губернии с эстонским населением – Юрьевский, Перновский, Феллинский, Верроский и Эзельский, а также населенные эстонцами волости Валкского уезда и создавался совещательный орган при губернском комиссаре – Временный Земский Совет Эстляндской губернии. В этот же день было опубликовано постановление «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Лифляндской и Курляндской губерний».

9 июля состоялся пятый съезд социал-демократии Латвии. Он высказался за создание автономной Латвии и определил возможные границы будущей автономии, считая необходимым включить в ее состав Видземе, Курземе и Латгалию. Также съезд призвал «немедленно организовывать Советы рабочих, солдат и безземельных, объединяя их в одну общую организацию – Совет рабочих, солдат и безземельных Латвии»²⁵.

23 июля съезд Советов в Ревеле принял решение, фактически выделившее губернию в особую национальную территорию. В резолюции съезда говорилось, что эстонская часть Прибалтийского края «в экономическом и национальном отношении не имеет тяготения к Пскову», поэтому необходима самостоятельная организация Эстляндии и создание областного Совета Эстонского края. Был образован Исполнительный комитет Советов Эстонии (Искомэст). Его возглавил член Ревельского и Северо-Балтийского комитетов РСДРП(б) Я.Я. Анвельт.

Весной – летом 1917 г. в Прибалтике на фоне изменения губернских границ началось формирование границ будущих независимых государств. Советы, как органы власти в Эстляндии и Лифляндии не стремились к объединению, к тесному взаимодействию друг с другом и Советами Северо-Западной области. Временное правительство в вопросе об административных границах занимало довольно пассивную позицию, находясь под влиянием активных общественно-политических процессов в Прибалтийских губерниях. Движение за новые административные границы и автономию оказалось неотделимо от борьбы за власть, за организацию новой системы управления, ликвидацию местного самоуправления прибалтийского немецкого дворянства.

- ¹ *Карьяхярм Т.* Остзейцы и балтийцы: экскурс в терминологию // Россия и Прибалтийский регион в XIX–XX вв.: Проблемы взаимоотношений в меняющемся мире. М., 2013. С. 25–26.
- ² *Кабузан В.М.* Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). М., 2009. С. 59.
- ³ Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии (1917–1920 гг.). Таллин, 1988. С. 142–143.
- ⁴ Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов. 1917. № 10. 22 марта (4 апреля). С. 4.
- ⁵ Там же. № 15. 29 марта (11 апреля). С. 2.
- ⁶ Постановление Временного правительства о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии // Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов. 1917. № 44. 6 (19) мая.
- ⁷ Там же.
- ⁸ История Латвии. Рига, 2005. С. 73.
- ⁹ Прибалтийский край // Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов. 1917. № 30. 20 апреля (3 мая). С. 2.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов. 1917. № 9. 21 марта (3 апреля). С. 3.
- ¹² Там же. С. 1.
- ¹³ Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов 29 марта – 3 апреля в Петрограде: Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 294; Известия. 1917. 6 апр.
- ¹⁴ Резолюции 2-го съезда представителей Советов Северо-Западной области и представителей Северо-Западного фронта. [Б.м., б. г.] С. 17.
- ¹⁵ Там же. С. 26–27.
- ¹⁶ К созыву Областного съезда представителей Советов рабочих и воинских депутатов Прибалтийского края в г. Ревеле // Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов. 1917. № 42. 4 (17) мая. С. 2.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 425. Л. 2–4.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 6.
- ²⁰ Ревельский съезд представителей Советов депутатов Прибалтийского края // Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов. 1917. № 49. 13 (26) мая. С. 2.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 425. Л. 9.
- ²² Там же.
- ²³ ГАРФ. Ф. 6978. Д. 425. Л. 10–11.
- ²⁴ Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917: Документы и материалы (март 1917 – февраль 1918 г.) Рига, 1963. С. 56.
- ²⁵ *Серебрякова З.Л.* Региональные Советы (1917 – март 1918 г.) // Советы национальных районов России, 1917–1922. Рига, 1985. С. 43.

«Всюду они ставили своей целью
свержение советской власти»:
украинская эмиграция
и протестное движение в УССР
в 1920-е – первой половине 1930-х гг.

Статья посвящена анализу влияния, которое оказывала украинская политическая эмиграция в странах Европы на протестное движение в УССР в 1920-е – первой половине 1930-х гг. В статье рассмотрена позиция руководства УССР и СССР относительно роли эмиграции в формировании и работе «контрреволюционного подполья». Исследуется поддержка, оказываемая государственными структурами Польши и Румынии, украинской эмиграции в ее антисоветской деятельности. Кроме того, автор предполагает, что на планы эмиграции относительно свержения советской власти в УССР оказывали значительное влияние политические элиты Франции, Великобритании и Германии и в этом контексте анализирует деятельность подпольных антисоветских организаций в советской Украине и подготовку «общеукраинского восстания» 1921 г.

Ключевые слова: УССР, эмиграция, восстание, интервенция, контрреволюционная организация.

Выступая перед секретарями ячеек московской организации РКП (б) 26 ноября 1920 г., Лев Троцкий начал свою речь удовлетворенным замечанием: «Теперь боевых фронтов у нас больше нет: сводки говорят об охране заводов, железных дорог и т. п. Как ни отрадно сознавать, что войны уже нет, но мы не имеем права убаюкивать себя надеждой, что передышка будет длительной. Мы мира не нарушим, но неизвестно, когда и с кем нам еще придется драться. Опыт, успехи и ошибки научили нас быть терпеливыми»¹.

Передышка действительно была короткой. В 1920–1930-е гг. большевикам пришлось бороться с проблемами «так называемого бандитизма, деятельности антисоветских партий, организаций и группировок»². Одним из наиболее беспокойных регионов оказалась Украинская Советская Социалистическая Республика.

УССР пришла на смену Украинской Народной Республике (далее – УНР), распад которой вызвал массовую эмиграцию противников советской власти. Подавляющее большинство эмигрантов осело в странах Европы. Они не были едины по своим политическим взглядам, по-разному видели будущее Украины, но в одном были единодушны – в стремлении свергнуть большевиков. Экс-глава Директории УНР С.В. Петлюра писал: «Вся украинская эмиграция оказалась за пределами своего Отечества потому, что не захотела оставаться под врагом, который... подмял под себя нашу Украину. Этим врагом является Москва с ее нынешним большевистским правительством и поставленное им так называемое “правительство Советской Украины”... Украинская эмиграция является органичной, интегральной частью всего украинского народа, который пребывает под чуждой властью. Политические идеи, культурно-образовательные и организационные усилия, направленные на создание собственного государства украинской нации, должны насквозь пронизать украинскую эмиграцию, которая в особых условиях пребывания на чужбине, большей частью в европейских странах, обязана выполнять здесь ответственную часть общенациональной и общегосударственной программы украинской нации... которую не может выполнять наш народ, находящийся под властью оккупантов...»³.

Документы ВЧК–ГПУ–ОГПУ свидетельствуют: в 1920-е гг. Украина продолжала оставаться очагом «контрреволюции», средоточием «обломков разных контрреволюционных организаций и партий», объектом притязаний «различных интервенционистских штабов⁴, деятельность которых находилась «в непосредственной связи и под непосредственным руководством агентов Антанты и Польши»⁵. В роли этих агентов выступала украинская политическая эмиграция в Польше и Румынии, которую в советских документах того времени именовали «петлюровской эмиграцией».

Эмигранты полагали, что можно выбить советскую власть из УССР, организовав там «всеукраинское восстание», и в 1921 г. приступили к реализации этого плана. В польском Тарнове был создан Партизанско-Повстанческий штаб (Український партизансько-повстанський штаб, далее – УППШ) во главе с генерал-хорунжим Ю.О. Тютюнником. УППШ отвечал за формирование на территории УССР партизанских отрядов и повстанческих организаций, инструктаж их представителей и связей, разведку и т. п.⁶ Чуть позже был создан Высший Военный Совет (Вища Військова Рада, далее – ВВР) во главе с генералом Н.Л. Юнаковым. Он должен был разрабатывать военные планы. УППШ и ВВР действовали

под покровительством военного министра Польши К. Сосновского и при поддержке Генерального штаба Войска Польского⁷.

Два штаба создали и в Румынии: один действовал в Бендерах при румынском военном штабе, другой – в Кишиневе. Кишиневский штаб главного военного уполномоченного «украинского народного правительства» при румынском правительстве атамана А.А. Гуляя-Гуленко получал директивы непосредственно от Петлюры⁸. Румынские же военные, как и их польские коллеги, помогали повстанцам разрабатывать планы вторжения и снабжали их всем необходимым⁹. Особое внимание уделялось плану прорыва к Одессе, захват которой облегчил бы контакты с Великобританией и Францией, проявлявшим живейший интерес к предстоящей операции¹⁰.

Подготовка к восстанию велась почти открыто. С зимы 1921 г. польская и русская эмигрантская пресса открыто сообщали о том, что «за рекой Збруч идут приготовления к восстанию, во главе которого должен стать Петлюра»¹¹. Да и органы внутренних дел УССР регулярно получали сведения о том, что «военщина» Румынии и Польши надеется «использовать петлюровских бандитов для захвата Украины»¹². На польско-украинской границе фиксировалась активность неизвестных вооруженных групп¹³, через нелегальные пограничные посты («постерунки») поступали литература и оружие¹⁴.

Республиканские органы безопасности констатировали, что практически вся территория УССР покрыта «густой сетью подпольных петлюровских организаций, подчиненных Центральному повстанческому, а через него «Партизанско-повстанческому штабу» и польской контрразведке. Всюду они ставили своей целью свержение советской власти»¹⁵. На деле советская Украина была разбита на 22 района, в каждом из которых действовали «повстанческие комитеты» (повстанкомы), ответственные за пропаганду и подготовку к выступлению «на местах» и подчиняющиеся «Всеукраинскому центральному повстанческому комитету» (Центрповстанкому).

В течение 1921 года нарком иностранных дел РСФСР В.Г. Чичерин и нарком по иностранным делам УССР Х.Г. Раковский неоднократно пытались добиться от Польши и Румынии пресечения антисоветской деятельности эмиграции¹⁶. Но Варшава и Бухарест категорически отвергали свою причастность к происходящему в УССР, и власти советской Украины принялись в одиночку ликвидировать засевшее в стране «петлюровское подполье».

Это заставило эмиграцию ускорить подготовку восстания. Однако время было упущено – к октябрю 1921 г., когда польско-

украинскую границу стали переходить первые небольшие отряды петлюровцев, значительная часть повстанкомов уже была разгромлена. Это лишило повстанцев необходимой поддержки и в значительной мере обусловило их разгром. «Ноябрьский рейд», когда в УССР вторглись три группы войск – Бессарабская, Подольская и Волынская, быстро захлебнулся, а уцелевшие бойцы с трудом пробивались обратно на территорию Румынии и Польши (при этом «отступлении» brave солдаты генерала Тютюнника ограбили несколько польских поместий¹⁷). И хотя органы внутренних дел УССР до середины 1920-х гг. были вынуждены держать под особым контролем польскую границу, через которую в Украину продолжали проникать небольшие банды¹⁸, было ясно, что интервенция не удалась. Очевидны были и причины. Население УССР, уставшее от войн, вяло отреагировало на авантюру эмиграции. Собранные ею военные силы значительно уступали советским и количественно, и качественно. Наконец, негативную роль сыграли раздравшие эмиграцию разногласия и осторожная позиция Румынии и Польши.

Фиаско заставило эмиграцию пересмотреть планы. С.В. Петлюра провозгласил новой задачей преодоление разногласий, выработку общего плана борьбы и объединение ради нее «воли всех украинских патриотов»¹⁹. Таким образом, угроза, исходившая от украинской эмиграции, не исчезла, но видоизменилась.

И власти СССР небезосновательно подозревали, что теперь ставка будет сделана на разложение советского общества изнутри, на повсеместное внедрение «врагов» ради подготовки почвы для новой интервенции. Сам собой напрашивался вывод, что внутренние враги – это в первую очередь лица, связанные в прошлом с УНР, которые действительно зачастую относились к советской власти неприязненно²⁰. Недаром в начале 1920-х гг. власти Украины серьезно задумывались о массовой депортации «буржуазной» интеллигенции. Правда, решились выслать из страны только 70 человек – массовая высылка была признана политически опасной мерой²¹. Но это заставило украинскую интеллигенцию вести себя более лояльно (по словам второго секретаря ЦК КП(б)У Д.З. Лебеда, «служить и не рассуждать»²²).

Однако уже в январе 1922 г. на фоне нового осложнения внешнеполитической конъюнктуры Политбюро ЦК КП(б) приняло решение о начале нового витка «борьбы с правыми группировками в среде украинской интеллигенции»²³. Однако напряжение не спало. Летом того же года Ф.Э. Дзержинский доложил И.В. Сталину о новой подготовке Польши и Румынии «к военному нападению на нас с целью отделить от СССР Белоруссию и Украину» и о том,

что эта подготовка уже вызвала активизацию «всех белогвардейцев в лимитрофах», включая украинскую эмиграцию²⁴.

Информацию Дзержинского подтвердили антисоветские акты 1927 г., подготовленные эмигрантами. Наложившись на хозяйственный кризис в СССР, они вызвали панические ожидания военной интервенции и лихорадочные поиски тайных врагов, результатом которых стали политические процессы над участниками «Союза освобождения Украины» (Спілки визволення України, далее – СВУ) и «Украинского национального центра» (Український національний центр, далее – УНЦ).

По данным следствия, СВУ был создан в 1926 г. для подготовки восстания и создания нового украинского государства под германским протекторатом. Тесно связанный с монархическим гетманским движением, с германскими военными кругами и с Правительством УНР в эмиграции²⁵, Союз создал в УССР целую сеть своих филиалов. Кроме того, в его составе было 9 секций и особое молодежно-террористическое подразделение. Основными центрами деятельности Союза были признаны Всеукраинская академия наук (далее – ВУАН) и Украинская автокефальная православная церковь. Руководил же СВУ академик ВУАН С.А. Ефремов, занимавший в Генеральном секретариате УНР должность генерального секретаря межнациональных дел.

В 1929 г. по делу СВУ было арестовано 474 человека, в подавляющем большинстве – представители интеллигенции. В ходе процесса, который проходил 9 марта – 19 апреля 1930 г. в Харькове, 45 подсудимых были признаны виновными в намерении реставрировать в УССР капиталистический строй при помощи Польши и Германии. Е.А. Ефремов и трое его «соратников» были приговорены к смертной казни, которую заменили 10 годами лишения свободы и 5 годами поражения в правах. Остальные получили от 3 до 8 лет лишения свободы либо условные сроки.

Жестокость приговора была обусловлена тем, что в это время в УССР, которая была охвачена крестьянскими волнениями, вызванными коллективизацией, ходили упорные слухи о возможности советско-польского конфликта. Власти боялись, что эти беспорядки могут перерасти в восстание и сомкнуться с интервенцией.

Такой политический фон, а также многочисленные грубые нарушения советского законодательства, допущенные в ходе процесса, впоследствии дали повод сомневаться, существовал ли СВУ в реальности. Сейчас это трудно установить. Однако нельзя не отметить, что в 1926–1928 гг. действительно наблюдалась активизация эмигрантского правительства УНР, причем министр иностранных дел Р. Смаль-Стоцкий располагал данными о работе на тер-

ритории УССР разведывательной сети с центром в Киеве²⁶, опорой которой «являются Церковь, кооперативные общества и Академия наук»²⁷ и действует которая под патронажем 2-го отдела Генштаба Польши.

Вызывает сомнения и дело УНЦ, которое расследовалось в 1931–1932 г. Обвинения, предъявленные фигурантам этого процесса (а только в УССР по делу УНЦ было арестовано 3400 человек), во многом повторяли уже звучавшие во время расследования по делу СВУ. Центр был объявлен контрреволюционной шпионско-террористической организацией, готовившей восстание и интервенцию в УССР при поддержке эмиграции, а также германских, польских и французских военных²⁸. По данным следствия, УНЦ создал повстанческие ячейки в 13 районах УССР, а также филиалы – в Москве и Ленинграде, в Белоруссии, в Крыму, Средней Азии и Закавказье²⁹.

Несмотря на тяжесть обвинений и закрытый характер процесса, осужденные были наказаны мягко: руководитель УНЦ – бывший председатель Центральной рады УНР, академик ВУАН М.С. Грушевский не понес никакого наказания, а его «подчиненных» приговорили к заключению на срок от 3 до 6 лет.

Эти два процесса ознаменовали начало войны, которую советские власти объявили не только украинской эмиграции, но и «украинскому национализму в исторической ретроспективе»³⁰. Выявляя и ликвидируя действительные и мнимые контрреволюционные организации, подвергая суду их участников, власти УССР судили не столько конкретных лиц, причастных к власти, армии, культуре УНР, сколько все старые украинские «националистические партии, их предательскую политику, их подлые идеи буржуазной самостийности, незалежности України»³¹.

Однако вскоре под каток репрессий стали попадать и те, кто не имел никакого отношения ни к УНР, ни к эмиграции, ибо понятие «украинский национализм», да еще и «в исторической ретроспективе», допускало самые разные толкования. Любой мог быть обвинен в создании благоприятных условий для деятельности «петлюровцев, махновцев, агентов иностранных разведок», а с 1933 г. – и членов Организации украинских националистов (ОУН), действовавшей в Галиции. Советская власть не скупилась на обвинения в причастности к диверсиям, саботажу и вредительству³², в том, что «на деньги заграничных охранок» очередные контрреволюционеры пытаются «оторвать Украину от Советского Союза, загнать украинских рабочих и трудовое крестьянство назад в рабство» и даже «заморить голодом, истребить сотни тысяч и миллионы трудящихся Украины»³³.

Симптоматично, что в судах эти страшные обвинения, как правило, заменялись другими, более правдивыми – например в том, что подсудимые «на момент привлечения их к уголовной ответственности имели устойчивые политические взгляды и убеждения, сложившиеся в процессе долгих лет политической, научно-просветительской и культурной деятельности, критически относились к отдельным сторонам общественной жизни и мероприятиям Советской власти, между собой открыто обсуждали недостатки в социалистическом строительстве»³⁴.

В конечном итоге, в годы террора даже патриотизм украинцев приобрел оттенок крамолы. Однако трагедия «расстрелянного возрождения» – уничтожения интеллигенции УССР, трагедия «большого террора» не должна влиять на оценку деятельности украинских эмигрантов и тех, кто ими руководил. В 1920-е – первой половине 1930-х гг. эмиграция постоянно присутствовала в политической жизни советской Украины как реальная угроза ее мирному существованию, как организатор и участник протестного движения в стране, как претендент на верховную власть. И к своей цели она шла с упорством машины, запрограммированной на борьбу и равнодушной к методам ее ведения и выбору союзников, то есть была достойным противником машины советской репрессивной.

Однако основная опасность украинской эмиграции заключалась в другом – в том, что она позиционировала себя в качестве удаленного локуса формирования государства и нации, фактически – альтернативной Украины. В Европе существовали правительственные структуры УНР в эмиграции, сложились многочисленные научные, образовательные, культурные организации диаспоры, которые работали на создание определенного имиджа украинцев – народа, у которого большевики украли государство – и украинской эмиграции – как освободителя Украины от захватчиков. Этот имидж пережил и большевиков, и эмиграцию, укоренившись в украинской государственно-политической традиции, и является ключевым архетипом современной украинской политики и украинского социума.

- ¹ *Троцкий Л.* Сочинения Т. 17. Ч. 2. М.; Л., 1926. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trot1821.htm> (дата обращения: 17.07.2016).
- ² *Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С.* Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью (1920–1931 гг.): По документам ВЧК–ОГПУ. М.: Прометей, 2012. С. 8.
- ³ *Петлюра С.В.* Сучасна українська еміграція та її завдання [Электронный ресурс] / Симон Петлюра: Статті і документи. URL: <http://www.ukrcenter.com/Література/Симон-Петлюра/20193-1/Сучасна-українська-еміграція-та-її-завдання> (дата обращения: 06.06.2016).
- ⁴ *Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С.* Указ. соч. С. 19; Кен О.Н., Рупасов А.И. Западное Приграничье: Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934 гг. М.: Алгоритм, 2014. С. 514.
- ⁵ *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР: В 2 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1986. С. 157–158.
- ⁶ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 497. Главное архивное управление Министерство внутренних дел СССР. Справка о петлюровских подпольных организациях на Украине 1921–1922 гг. Л. 6.
- ⁷ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 497. С. 21.
- ⁸ Советско-румынские отношения: 1917–1941: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1: 1917–1934. Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Румынии. М.: Международные отношения, 2000. С. 124–125.
- ⁹ *Плазова Т.І.* Розвідувальний відділ Українського Партизансько-Повстанського штабу // Вісник Національного університету «Львівська політехніка»: Держава та армія. 2010. С. 126–130. С. 126; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 4. Апрель 1921 – май 1926 г. М.: Изд-во «Наука», 1966. С. 25, 106–107.
- ¹⁰ *Єнік Л.І. Листи І. Мазепи до К. Мацієвича (1919–1920 рр.)* // Сумський історико-архівний журнал. № 18–19. 2012. С. 15; *Плазова Т.І.* Указ. соч. С. 25, 106–107; *Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С.* Указ. соч. С. 28.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5878. Оп. 1. Д. 1046: Вырезки из русских и эмигрантских газет о деятельности Петлюры и его организации: 1921–1922. Л. 19, 26.
- ¹² ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 497. Л. 1, 17.
- ¹³ *Мельтохов М.И.* Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Изд-во «Вече», 2001. С. 21–22; Громыко А.А., Хвостов В.М. Документы внешней политики СССР, 1921. М.: Политическая литература, 1960. С. 542–543.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 497. Л. 7.
- ¹⁵ Там же. Л. 12–13, 15.
- ¹⁶ Советско-румынские отношения 1917–1941... С. 81, 96; Документы и материалы по истории советско-польских отношений... С. 18.

- ¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5878. Оп. 1. Д. 1046. Л. 27.
- ¹⁸ Там же. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 497. Л. 16, 25; Документы и материалы по истории советско-польских отношений... С. 335.
- ¹⁹ *Петлюра С.В.* Невідомі листи з Парижа. Київ: Українська видавнича спілка, 2001. С. 11.
- ²⁰ Лубянка: Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина; Документы высших органов партийной и государственной власти: Январь 1922 – декабрь 1936 г. / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2003. С. 32.
- ²¹ Там же. С. 71.
- ²² Цит. по: *Марчуков А.В.* Политические настроения интеллигенции. С. 225. [Электронный ресурс] URL: <https://history.wikireading.ru/372646> дата обращения: 01.12.2017).
- ²³ *Пристайко В.І., Шаповал Ю.І.* Справа «Спілки Визволення України»: невідомі документи і факти: Науково-документальне видання. Київ: Інтел, 1995. С. 24.
- ²⁴ Лубянка... С. 118.
- ²⁵ *Пристайко В.І., Шаповал Ю.І.* Указ. соч. С. 68.
- ²⁶ Там же. С. 527–528.
- ²⁷ Там же. С. 528.
- ²⁸ *Дьяков Ю.Л., Колоднікова Л.П., Бушуева Т.С.* Указ. соч. С. 83.
- ²⁹ Там же. С. 88–89.
- ³⁰ *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 453.
- ³¹ *Дьяков Ю.Л., Колоднікова Л.П., Бушуева Т.С.* Указ. соч. С. 453.
- ³² Там же. С. 458.
- ³³ Цит. по: *Марчуков А.В.* Указ. соч. С. 461.
- ³⁴ *Пристайко В.І., Шаповал Ю.І.* Указ. соч. С. 400.

Историческое знание в поисках аутентичности

В.И. Дурновцев

Исторический источник как объект природы и культуры

В статье исследуется феномен постоянного «присутствия» в новейших научно-исследовательских практиках идей и принципов, характерных для XIX – начала XX в. В частности, речь идет об основополагающих для научно-исторического знания представлениях об исторических источниках, культурных информационных ресурсах исторической науки. Признается историографическое значение преемственности теоретических подходов к историческому материалу науки. Однако развитие идей глобального эволюционизма, понимание исторического характера природных законов, а также успехи глобальной и экологической истории позволяют существенно расширить традиционные представления об источниках исторической информации.

Ключевые слова: историография, исторический источник, методология истории, природа, культура, Леопольд фон Ранке, А.С. Лаппо-Данилевский, школа «Анналов».

Историография – теоретическая и эмпирическая (реальная, практическая) – два вектора научного освоения исторической реальности.

Первая продуцирует многоликие образы исторического процесса и познания. Иногда она похожа на фабрику с безостановочно работающим конвейером. Из ворот ее цехов выходят глобальные, региональные, локальные концепции исторического развития, историософские схемы, методологические конструкции. Здесь правят бал объяснение, истолкование, репрезентация.

Не то, чтобы теоретическая историография была спекулятивной, самодостаточной и отчетливо созерцательной; ей не чужды конкретные факты, явления, события прошедших веков. Она с легкостью оперирует историческими понятиями. Но собственно исторические источники, документы, а тем более «история в цифре»

(Джон Тош) по большей части выступают в роли обслуги на этом пире идей, на котором непрременные и самые почетные гости – философы, социологи, а в последнее время мастера политологии и культурологии. Время от времени приглашаются и историки; многим из них неуютно на празднике, они так и норовят уйти «по-английски». Впрочем, некоторые остаются и без труда обживаются в новой для них роли прорицателей не только и не столько прошлого, сколько отдаленного будущего.

Во второй, сосредоточенной на реконструкции исторической действительности, высшим авторитетом считается исторический источник «остаток прошлой жизни», «предание», «свидетельство о прошлом», «след», «памятник», «документ». И «реализованный продукт человеческой психики», и всё, что потенциально и в соответствии с научными представлениями своей эпохи содержит сведения, доступные для исторического изучения, включая природно-географическую среду, материалы естественного происхождения, в конечном итоге – объекты природы и объекты культуры.

В древности исторические сведения отождествлялись с любыми свидетельствами, божественного, природного или человеческого происхождения. Много позже под «припасами» истории стали понимать результаты культурно-исторической деятельности людей. Время от времени культуру отделяли от природы, не принимая в расчет, что человеческая история выросла из природы, что сама идея природы, как заметил однажды британский и уэльский писатель и теоретик культуры Реймонд Уильямс, содержит, хотя часто незамеченное, экстраординарное количество человеческой истории¹.

Сейчас, когда одним важнейшим направлением мировой историографии стала экологическая история (Environmental History), объектом которой является взаимодействие Человека и Природы, человеческой культуры и окружающей ее среды в прошлом, когда междисциплинарные подходы единодушно признаны могучим средством научного познания, когда проблематика глобальной истории, исследующей историю человечества в контексте социоприродной динамики, когда, кажется, стал очевидным исторический характер самих природных законов (идеи глобального эволюционизма), отделение объектов природы от объектов культуры в процессе научно-исторического познания представляется контрпродуктивным.

Но нас в данном случае занимает феномен постоянного «присутствия» в новейших исследовательских и образовательных практиках методологических идей и принципов, сформулированных в период утверждения статуса истории как науки. И все это,

несмотря на колоссальные изменения во второй половине XX – начале XXI в. в мировой историографии.

Например, это может быть «казус» Л. фон Ранке.

Хорошо известны жесткие, полные сарказма выступления основателей «Анналов» с критикой патриарха германской историографии и всей его позитивистской «исторической школы». Между тем, удивительным образом в современной историографии ранкеанские идеи реабилитируются в тысячах и тысячах добротных больших и малых исследовательских опытах, а освоение оставленного наследства сплошь и рядом рассматривается *conditio sine quonon* профессиональной подготовки историка и его дальнейшего роста. Прав Х. Уайт: из реальности своего времени Ранке сделал идеал на все времена.

Ближе всего к этим идеалам были Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, авторы знаменитого «Введения в историю». Ю.И. Семенов в предисловии к его переизданию «Введения в историю» уверен: в нем содержатся идеи, которыми должен руководствоваться каждый специалист в области истории. «Авторы исходят из положения, которое никогда не устареет и никогда и никем не будет опровергнуто. Оно заключается в том, что прошлое человечества не зависит от сознания историка... Воссоздать исторический процесс таким, каким он был на самом деле, можно лишь при условии тщательнейшей критики исторических источников и тем самым скрупулезнейшего установления достоверности исторических фактов. Как раз книга Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса и учит этому. Основной принцип, который положен в ее основу, – обеспечение максимальной объективности исторического знания. А вот этого у нас сейчас крайне не хватает. И названный труд ценен тем, что он может способствовать избавлению нашей исторической науки от субъективизма и тем самым восстановлению уважения к ней»².

А.К. Соколов, наблюдая за судьбами отечественного источниковедения, обращая внимание на особое место в нем *письменных* текстов, отмечает: «Из Франции и Германии многие [ранкеанские] идеи перекочевали в Россию, положив начало отечественному источниковедению. Установление происхождения, подлинности и аутентичности источника (внешняя критика), оценка достоверности сообщаемых в них свидетельств (внутренняя критика) составили сердцевину такого источниковедения». А.К. Соколов называет сформированные под прямым воздействием Л. Ранке исследовательские установки застывшим позитивизмом и не видит в них ничего предосудительного, в отличие от антипозитивистского запала. «Позитивистская ориентация оказывает благотворное воздействие на развитие исторических знаний. Она хорошо

совпадает с начальными этапами исторического исследования и несет поэтому ученические функции. Это – школа»³.

О том же пишут И.М. Савельева и А.В. Полетаев:

Позитивистские критерии научности исторического исследования во многом до сих пор определяют научную этику исторического сообщества и предлагают ориентиры, пользуясь которыми можно отличить историка-ученого от идеолога, легитимизирующего настоящее с помощью прошлого. Историк предписывается не манипулировать историческими данными. Историк должен считаться с исторической информацией, в том числе с новой, и, учитывая ее, корректировать свои конструкции и выводы. И, наконец, историк непременно использует принятые в науке его времени методы, в то время как пропагандист опирается на подходы, характерные скорее для псевдонауки⁴.

Наконец, по наблюдениям Ю. Зарецкого, «немало историков сегодня остаются на позициях близких к тем, которые разделял Ранке, и не видят необходимости в дальнейшей теоретической рефлексии в отношении своего “ремесла”. Зачастую они даже считают ее вредной, ссылаясь на “эффект сороконожки” (одна сороконожка задумалась, с какой ноги ей пойти, и так никогда и не сдвинулась с места). Эти историки, как и раньше, воспринимают “источник” как подобие природного ключа, бьющего кристально чистой водой сведений о прошлом»⁵.

Старая традиция: едва упомянув Л. Ранке, нужно обязательно напомнить его знаменитое высказывание – пароль, боевой клич, клятву (Л. Февр). «История возложила на себя задачу судить о прошлом, давать уроки настоящему на благо грядущих веков. На эти высокие цели данная работа не претендует. Ее задача – лишь показать, как все происходило на самом деле (*wiees eigentlich gewesen*)» (Из введения к «Истории романских и германских народов с 1494 до 1535 г.», 1824).

Конечно, это слова историка, согласного с существенными положениями позитивизма. Но полностью отождествлять с ним историческое мирозерцание Л. Ранке ошибочно.

Позитивизм содействовал устранению преград между историческим и естественнонаучным познанием, что объективно влекло за собой расширение источников исторического познания, в то время как у Л. Ранке эмпирическая база исследования по существу сводилась к корпусу архивных по преимуществу документов. Антропологический подход «Анналов» не вел к ограничению информационных ресурсов историка «следами» от деятельности человека – письменными или вещественными источниками, – напротив.

Л. Февр писал, что знаменитая формула Л. Ранке «противостояла общему направлению различных, но действующих заодно гуманитарных дисциплин. Она предполагала тесную связь между историей и письменностью – и это в тот самый момент, когда ученые, занимавшиеся исследованиями доисторического периода, – как показательно само это название! – старались восстановить без помощи текстов самую пространную из глав человеческой истории... Рождалась гуманитарная география; она привлекала внимание молодых ученых, тотчас же обращавшихся к реальным и конкретным исследованиям, благодаря которым в затхлую атмосферу аудиторий словно бы вторгались небеса и воды, леса и деревни – словом, вся живая природа. «Историю изучают при помощи текстов» – достаточно принять эту формулу, чтобы разом покончить с тщательным наблюдением над различными ландшафтами, с тонким пониманием ближних и дальних географических связей, с изучением следов, оставленных на очеловеченной земле упорным трудом многих поколений, начиная с людей эпохи неолита, которые, отделяя то, что должно остаться лесом, от того, чему суждено превратиться в пашню, устанавливали на грядущие времена первые исторически известные типы первобытных человеческих организаций». И в другом месте: «История, несомненно, создается на основе письменных документов. Когда они есть. Но она может и должна создаваться и без письменных документов, когда их не существует. Причем при отсутствии привычных цветов историк может собирать свой мед со всего того, что ему позволит его изобретательность. Это могут быть слова и знаки, пейзажи и полотна, конфигурация полей и сорных трав, затмения Луны и формы хомутов, геологическая экспертиза камней и химический анализ металла, из которого сделаны шпаги, – одним словом, все то, что, принадлежа человеку, зависит от него, служит ему, выражает его, означает его присутствие, деятельность, вкусы и способы человеческого бытия»⁶.

Но ведь «Анналы», и не только они, а список их сторонников в данном отношении весьма внушителен, как раз имели в виду расширение информационных ресурсов исторической науки не только за счет «культурных объектов», что понятно, но, если угодно, «объектов некультурных», объектов природы. Ф. Бродель писал: «Люсьен Февр говорил: История – это человек. Я говорю несколько иначе: «История – это человек, и всё остальное: почва, климат, геологические движения»⁷.

Именно «всё остальное» может быть и представлено в качестве исторических источников – объектов природы, и не дополнительно, но на равных правах с «культурными объектами».

Добавим, впрочем, что «некультурные объекты» непреобразованной человеком природной среды в результате их изучения с точки зрения исторического значения, пройдя этап языковой интерпретации, становятся и в самом деле итогом работы исследователя: экспедиционные отчеты, записи наблюдений, зафиксированные результаты биохимического, дендрологического анализа, применения радиоуглеродного метода и т. д., т. е. превращаются в «культурный объект».

О.М. Медушевская, как известно, настаивала на понимании источника как культурного объекта (в отличие от С.О. Шмидта, убежденного в насущной необходимости его расширительной трактовки). Обращая внимание на системный характер «общего объекта естественных и гуманитарных наук – мирового целого, междисциплинарного взаимодействия этих наук», О.М. Медушевская полагала, что это взаимодействие осуществляется на общей основе, а им является «источник как реальный культурный объект, который рассматривают со своих предметных позиций естественные и гуманитарные науки. В этом случае источники, созданные людьми, выступают как объект, который содержит информативный потенциал для изучения природы (историческая география, историческая картография, история наук) и проблематики взаимодействия природных сил и человеческой деятельности»⁸.

Но приведем куда более близкий нам пример верности столетней традиции – связи понятия «исторический источник» исключительно с культурно-исторической деятельностью человека. И по аналогии назовем это «казусом» А.С. Лаппо-Данилевского.

Автор «Методологии истории» был безусловным и последовательным сторонником И.Г. Дройзена (исторический источник «лишь то, чему человеческий дух и человеческий смысл придали форму, в чем они отпечатались, чего они коснулись, лишь человеческий след может получить значение исторического материала») и Э. Бернгейма («Источники суть результаты человеческих деятельностей, или непосредственно служащие или все же через посредство собственного существования, возникновения и в других отношениях преимущественно пригодные для познания или для доказательства исторических фактов»)⁹.

Между природой и культурой, «произведениями природы» и «произведениями человека» существует непреодолимое различие, убежден автор «Методологии истории»:

Произведение природы – результат действия «сил природы»; мы построим действия их на основании принципа причинно-следственности и представляем себе такие силы действующими по законам

механики, физики и т. п. «Произведение человека» – объект, рассматриваемый с точки зрения причинно-следственности в психологическом смысле. В самом деле, «произведение человека» – результат его деятельности; но последняя строится ученым не без помощи психологии: он объясняет ее наличием не одних только физических, но и психических факторов, порождающих данный результат; наиболее характерной особенностью последнего, он, очевидно, признает то, что такой результат всегда представляется ему и психическим продуктом; он приходит к заключению, что психические факторы, в комбинации с физическими, вызвали данный результат и могут обнаруживаться в нем; в той мере, в какой он признает, что такие факторы запечатлелись в нем, он и называет его психическим продуктом. С указанной точки зрения историк отличает произведения природы от произведений человека, хотя не всегда ясно сознает делаемую им предпосылку.

Объект изучения естественных наук – природа, объект изучения истории – результаты деятельности людей. За пределами человека и человеческой психики исторический материал отсутствует. Отсюда не менее знаменитая, чем принадлежащая Л. Ранке, правда, только в русской историографии формула: «...Исторический источник есть реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением»¹⁰.

Исключив «произведения природы» из сферы познавательных интересов историка, А.С. Лаппо-Данилевский опасался, однако, что некоторые из историков могут нарушить выработанное им общее правило, и подведут под понятие «исторический источник» явления «природы», воспользуются знанием о них для построения некогда бывшей исторической действительности.

«С интересующей нас точки зрения рассуждение подобного рода нельзя, однако, признать методологически правильным: явления природы, если угодно, могут служить источниками для научного знания естествоведа, но не историка; естествовед изучает их и заключает о возможности действия в прошлое время тех же факторов, которые действуют и на его глазах, а историк лишь пользуется выводами естествоведа для построения исторической действительности; то же замечание можно, конечно, высказать и о выводах психолога, которые принимаются во внимание историком, и т. п.»¹¹.

Понятно, что все эти рассуждения об «историческом источнике» вообще. Он существует вне конкретного времени, вне определенного пространства, превращается в абстракцию, пустую матрицу, которая, если и наполняется, то от случая к случаю и по

большей части подходящими «примерами». В этом искусственном мире создаются конструкции, освобожденные от так дорогих уму и сердцу практикующего историка подробностей, деталей.

Но «спустившись с небес на землю», исторический источник возвращается в мир исторической и историографической действительности, существенно обогатившимся. Он обретает новые важные свойства обновленной реальности. Именно поэтому так значимы методологические опыты столетней давности. Они позволяют создать внятную картину движения исторической мысли и исторических понятий в «старых», как будто изживших себя научных парадигмах и социально-исторической среде, определить ее как метафизическую составляющую, так и преходящий характер доктринальных установок современности. Но они не могут служить «руководством к действию» практикующего историка, который в зависимости от избранной им проблематики может и в самом деле, повторим вслед за Л. Февром, «собирать свой мед со всего того, что ему позволит его изобретательность».

Именно история поисков, открытий и заблуждений, в том числе и прежде всего в литературе, в некотором роде ставшей классической, позволяет трезво оценить современную историографическую ситуацию и в вопросах теории, и в оценке практических результатов исследовательского труда как неизбежно носящих временный характер перед лицом параллельного с историческим движением историко-познавательного процесса.

Постоянное переосмысление информации, содержащейся в источнике, его переоткрытие, а вслед за этим переопределение и самого понятия во многом обусловлено не только развитием теории, методов исторического исследования, но прежде всего, во всяком случае, не в последнюю очередь, новыми подходами, новой проблематикой реальной историографии. Она может быть «воспоминанием», по разным причинам не реализованной прежде возможностью, но и ответом на вызов современности или разрешением внутринаучных противоречий. Классическая история может включать в собственную историю предысторию научных направлений, отчетливо в данный момент не проявляющихся, но зреющих в ней, вмещающих себя, например, в формы других, уже утвердившихся исторических дисциплин. Именно реальная историография определяет, что именно в данной историографической ситуации включается в понятие «исторический источник» и составляет ее информационный ресурс.

Тут «интересы» теории и практики историописания совпадают, если теория не удовлетворится однажды открытыми формулами, которые кажутся ей конечными, а практика не послушно понесет

свои дары на привычный алтарь, а решительно раздвинет предметные поля исследования.

Например, так, как однажды это сделал автор «Крестьян Лангедока»: «Я временно прекратил изучение истории человечества и на некоторое время стал историком, для которого человек перестал быть центром внимания». Историк, написавший историю климата за 1000 лет, Э. Ле Руа Ладюри, сожалел, что историки интересуются лишь историей человечества, полагая, что изучение явлений природы не дело гуманитарных наук, и даже в некотором отношении занятие для них недостойное. Ученик Ф. Броделя, он даже утверждал, что «превратить историка в специалиста в области гуманитарных наук, значит, искалечить его», а однажды призвал: «Давайте-ка изучать историю без людей». Историки – люди Времени, и они по большей части антропофаги. Но природно-географическая среда – функция времени; изменяясь, преобразовываясь людьми, становится объектом истории. Исторические источники/продукты человеческой культуры фиксируют эти изменения. Но исторические эпохи представлены и данными естественно-природного происхождения. И это тоже исторические источники – фундамент именно исторического исследования. В этом историческом исследовании нет мелочей и все важно – метеорологические наблюдения, фенологические и гляциологические тексты, суждения о климатических событиях, данные, дендрологов, палинологов и пр.

Могут возразить, что этот вид исследования, категории документов и методы сами по себе не относятся непосредственно к истории человечества, а представляют интерес для некоей истории физической, истории природных условий. Не рискует ли историк, настойчиво пытающийся применять указанные методы, изменить той миссии, которую ему предназначал Марк Блок: «За впечатляющими штрихами пейзажа, за самыми с виду бесстрастными сочинениями... историк хочет в первую очередь видеть людей. Тот, кому это не удастся, будет в лучшем случае лишь показывать свою эрудицию. Хороший историк похож на людоеда из легенды. Если он чует запах человеческого мяса, он знает, что это по его части.

Хорошо сказано. Но не буду отрицать, что эта мысль (при всем моем огромном уважении к Марку Блоку) всегда казалась мне слишком ограниченной, не соответствующей истинно научному мышлению. Разве время не опередило греческих философов и физиков, утверждавших, что человек – «центр вселенной» и «мера всех вещей»? Ведь после досократовского периода и Птолемея появились революционные идеи Коперника¹².

Более полувека назад известный английский физик и писатель Ч.П. Сноу выступил с докладом «Две культуры», вызвавшим

неподдельный интерес в научном сообществе и во многом предопределившим развитие интеллектуальных контактов между представителями т. н. художественной интеллигенции, гуманитарных и социальных наук и учеными, работающими в сфере естественнонаучного знания. Ученый с тревогой констатировал существующий и расширяющийся разрыв между художественной и научной интеллигенцией, представителями естественных и гуманитарных наук. Ч.П. Сноу призвал деятелей двух культур сделать шаги к взаимопониманию, изменить существующее, как ему казалось, тревожное положение вещей. «Столкновение двух дисциплин, двух систем, двух культур, двух галактик – если не бояться зайти так далеко! – не может не высечь творческой искры. Как видно из истории интеллектуального развития человечества, такие искры действительно всегда вспыхивали там, где разрывались привычные связи»¹³.

Напомним, что в годы «оттепели» в нашей стране прошли бурные дискуссии о месте и роли в прогрессе «физиков» и «лириков». Они отразились в знаменитых строчках Б.А. Слуцкого, напечатанных в 1959 г., тогда же, когда состоялось выступление Ч.П. Сноу: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне. Дело не в сухом расчете, дело в мировом законе». Итогом споров советских интеллигентов был вывод о том, что одинаково нужны и физики, и лирики. Но, кажется, о конвергенции, взаимопроникновении двух направлений научно-познавательной деятельности тогда речь не шла.

Одним из первых в отечественной историографии, кто в 60-е гг. прошлого века предложил включать в понятие исторического источника не только результаты «человеческой деятельности», но и естественно-географическую среду в самом широком понимании этого термина был С.О. Шмидт. «Шкала ценности исторических источников», писал С.О. Шмидт, меняется: климат, ландшафт, природные катастрофы, животный мир, эпидемии не менее значительные источники информации, чем продукты человеческой деятельности. Сетуя на игнорирование источников природного происхождения при изучении антропологически ориентированной истории, назревших вопросов взаимодействия общества и природы, С.О. Шмидт предлагал в первую очередь считать историческим источником все, что источает или может источать информацию, источником исторической информации¹⁴.

Проводники новых направлений исторической науки, изучая историю взаимодействия между человеческой культурой и окружающей средой в прошлом, не могут рассматривать исторический источник как продукт культуры в качестве единственного объекта научно-исторического освоения.

Антропологизация истории – это процесс вырастания человека из природы, становления его культуры, а изучение этого процесса основывается и на природе, и на культуре. Переход от «природы» к культуре связан с биологической эволюцией, эволюционной антропологией как наукой. Исследование этой взаимной связи на междисциплинарном уровне предполагает расширительное понимание основы практической историографии – исторического источника. Коль скоро изучается человек и природу, так может что-либо человеческое или природное быть за пределами исторического исследования? – таков риторический вопрос, который задают адепты экологической истории, истории взаимодействия Человека и Природы, природы и культуры во времени¹⁵.

Больше того, на современном, конечно, промежуточном этапе размышлений об историческом источнике О. Эксле предлагает вообще отказаться от этого понятия, «поскольку с ним до сих пор неизбежно и открыто связаны эмпиристские и метафизические эпистемологии», отказаться «от всякой иерархии и сегментирования исторического материала в пользу его свободного понимания»¹⁶. Творческая, интеллектуальная свобода историка не может быть стеснена вечным спором о понятиях. Работая за выявленными источниками исторической информации, природными и культурными, в соответствии с установками своего сознания, профессиональными качествами, проблематикой исследования он принимает/отвергает, использует/игнорирует позитивный/негативный опыт, накопленный предшествующими поколениями. Междисциплинарные подходы, соответствующим образом сформулированные и реализованные, обеспечивают эффективность исследовательских практик.

Примечания

- ¹ *Williams R. Problems in Materialism and Culture: Selected Essays.* L.: Verso, 1980. P. 67.
- ² *Семенов Ю.И.* Труд Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» и современная историческая наука // Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. С. 35–36.
- ³ *Соколов А.К.* Введение // *Источниковедение новейшей истории России: Теория, методология и практика.* М.: РОССПЭН, 2004. С. 7.
- ⁴ *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // *Диалог со временем.* Вып.18. М.: URSS: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 75.
- ⁵ *Зарецкий Ю.* Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 45.

- ⁶ Цит. по: Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000. С. 84.
- ⁷ *Moore J.* Capitalism as world-ecology: Braudel and Marx on environmental history // *Organization and Environment*. 2003. Vol. 16. № 4 (Dec). P. 431.
- ⁸ *Медушевская О.М.* Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 389.
- ⁹ Лаппо-Данилевский А.С. *Методология истории: D 2 т. Т. 2.* М.: РОССПЭН, 2010. С. 36.
- ¹⁰ Там же. С. 34, 38.
- ¹¹ Там же. С. 32.
- ¹² *Ладюри Э. ЛеРуа.* История климата за 1000 лет. М., 1971. С. 18.
- ¹³ *Сноу Ч.-П.* Портреты и размышления. М.: Прогресс, 1985. С. 195–226.
- ¹⁴ См. цикл статей на эту тему в кн.: Шмидт С.О. *Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии.* М., 1997.
- ¹⁵ *Worster D.* *The Ends of the Earth: Perspectives on Modern Environmental History.* Cambridge, 1988. P. 306.
- ¹⁶ *Эксле О.Г.* Что такое исторический источник? // *Munuscula: К 80-летию Арона Яковлевича Гуревича.* М., 2004. С. 154–181.

П.П. Шкаренков

Репрезентация императорской власти
на Западе во II–V вв.:
риторика, идеология, политика

Эволюция форм репрезентации императорской власти в Римской империи характеризуется постоянно растущим влиянием восточных идей и элементов. Принятие Константином христианства и основание Константинополя в качестве новой столицы дало перевес восточной партии в империи. Этот новый политический порядок характеризуется доминирующим положением восточного мира над миром западным, который перестает тогда быть самой динамичной частью империи. До некоторой степени обосновано различать восточную и западную концепции императора, при условии, что мы не будем делить на этом основании империю на два идеологически противостоящих друг другу лагеря. Чувство принадлежности к единому солидарному сообществу сохранялось еще в IV и V веках. Движение идей в этом универсуме также еще не знает границ. Думающие по-латински и думающие по-гречески, язычники и христиане не составляют однородных замкнутых групп и часто расходятся в том, что касается видения империи и императора. Образ империи и императора, складывающийся у западных авторов этого периода, не христианский, и не языческий, он сугубо римский. Чтобы писать о христианской империи, Евсевий Кесарийский на Востоке, Амвросий Медиоланский и Августин на Западе выработали подходящий язык, нашли нужные слова и образы. Но христианская империя, как новое понятие, не проникло в латинский мир. Император, конечно, был христианином, однако при дворе император оставался наследником Августа. Наметившиеся идеи прочно войдут в интеллектуальный багаж той части римской аристократии, италийской и провинциальной, которая позднее примкнет к правителям романо-варварских королевств.

Ключевые слова: поздняя Римская империя, латинская риторика, Плиний Младший, Аммиан Марцеллин, Клавдий Клавдиан.

Уже не раз отмечалось, что эволюция форм репрезентации императорской власти в Римской империи характеризуется

постоянно растущим влиянием восточных идей и элементов. Призрак азиатской царской власти, погубивший Цезаря, был искусно изгнан Августом и его преемниками, но очень быстро возвратился, появляясь сначала эпизодически, затем более настойчиво, и, наконец, институционально. Когда в конце III века Диоклетиан приступил к восстановлению государства, он считал необходимым укрепить престиж императорской власти, окружив с этой целью ее носителя сложным церемониалом, ориентируясь в этом, возможно, на практику сасанидского двора¹. Принятие Константином христианства ничего в данной ситуации не изменило, а возможно, даже усилило наметившуюся тенденцию. Весь словарь, средствами которого передавался сакральный характер персоны императора, сохранился в целости. Более того, учитывая ту роль, которую занял император в новой религии, он с несомненной выгодой для себя обменял своей божественный статус, который всегда вызывал много сомнений, на место поборника и представителя Бога на земле². Основание Константинополя в качестве столицы – соперницы Рима, на что никогда не претендовали ни Милан, ни Равенна, ни Никомедия, – дало перевес восточной партии в империи.

Этот новый политический порядок, который можно определить как пра-византийский, несомненно, характеризуется доминирующим положением восточного мира над миром западным, который перестает тогда быть самой динамичной частью империи. Также справедливо, что формирующаяся и получающая перевес новая концепция империи и императора, строится на контрасте с римской концепцией принципата Августа, при котором сохранялось понятие *respublica*, а император предстал гражданином, исполняющим четко определенные магистратуры. Таким образом, до некоторой степени обоснованно различать восточную и западную концепции императора, при условии, что мы не будем делить на этом основании империю на два идеологически противостоящих друг другу лагеря³. Действительно, когда мы обращаемся к взглядам современников на эти вопросы, мы замечаем, что их расхождения прямо не соотносятся ни с географией, ни с языком, ни с религией. Единство империи было реальностью. Чувство принадлежности к единому солидарному сообществу сохранялось еще в IV и V вв.: когда очередное вторжение варваров затрагивало только один регион, вся империя чувствовала себя затронутой⁴. Движение идей в этом универсуме также еще не знает границ. Думающие по-латински и думающие по-гречески, язычники и христиане не составляют однородных замкнутых групп и часто расходятся в том, что касается видения империи и императора. Расслоение происходит внутри каждой из этих групп. Политические идеи христианина

Евсевия Кесарийского практически не находят отклика в латинском мире. Амвросий Медиоланский в ходе своей борьбы с императором Феодосием проявляет себя очень ревностным сторонником независимости Церкви и очень мало обеспокоен признанием за императором апостольской миссии⁵. Августин тоже, как кажется, не согласен с Евсевием как по поводу его идеала христианского императора⁶, так и по поводу его концепции империи, в которой он видит скорее результат игры человеческих страстей, нежели провиденциальную конструкцию, возникшую, дабы превзойти большинство политеистических городов и царств, чтобы открыть путь христианству⁷. Однако Евсевий Кесарийский был далек и от того, чтобы установить единодушие в греческом мире. Эллинизм сам по себе имеет множество вариантов. Сравнительно не так давно было проведено прекрасное исследование всех политических аспектов, по которым расходились Фемистий и его современник Либаний⁸. Новая имперская идеология, созданная Константином, разрушает единство эллинизма. Даже нельзя сказать, что эти процессы связаны с христианством как таковым, потому что Фемистий, который наряду с Евсевием Кесарийским превосходит византийский эллинизм, – язычник⁹. Особенно примечательной является фигура Юлиана: как философ, он принадлежит собственно греческой, эллинистической традиции, а как император, он выступает непосредственным наследником и продолжателем римской традиции принципата¹⁰.

Несмотря на все взаимовлияния, несмотря на неправомерность противопоставления в виде двух противоборствующих центров Востока и Запада, следует тем не менее признать, что две части империи начали вырабатывать собственные пути дальнейшего развития, что не могло не отразиться на их политической идеологии¹¹. После смерти в 395 г. императора Феодосия I, между двумя мирами начинается эпоха непрерывных разногласий, переходящих иногда в более острую фазу¹². В разжигании этих противоречий большую роль сыграли распри и соперничество конкретных личностей. Но можем ли мы быть уверены, что, если бы стороны относились бы друг к другу с большим уважением и ощущали бы взаимную ответственность, действительно удалось бы избежать распада империи?

Мы вправе задаться вопросом, не основывается ли произошедший разрыв на причинах, более глубоких и существенных, нежели выяснение проблемы первенства. Тут открывается широчайшее поле для исследования, в котором следовало бы комплексно рассмотреть политические, экономические и социальные факторы. На востоке империя накладывалась на политическую традицию эллинистических государств, с их жесткой централизацией и мощным

бюрократическим аппаратом. Сами эти государства выступали наследниками и преемниками, как восточной традиции царской власти, так и греческой полисной традиции городов-государств. Императорская власть обеспечивала политическое единство, выступая в роли строителя федерации. В этом случае было несложно, как это сделал Евсевий Кесарийский, соположить растущую сложность политической организации с изменениями в духовной сфере, начатыми христианством, которые должны были закончиться переходом политеистического города и государства в единую христианскую империю.

На Западе роль и функция империи были другими, поскольку в процессе своего развития империя не сталкивалась с политическими структурами, которые даже отдаленно могли бы сравниться с государствами диадохов. Ни кельты, ни галлы, ни иные варвары, воспетые К. Джуллианом¹³, никогда не достигали того уровня развития, который был в Сирии Селевкидов или Египте Птолемеев. В раздираемые конфликтами Галлию и Испанию римское завоевание принесло государственную традицию. Западные провинции вошли в состав империи наравне с восточными, но без предшествующей подготовки, они одновременно открыли для себя и государство, и империю, точнее, сразу получили государство в виде империи. Таким образом, им было менее свойственно переживание империи как мистической организации, как выражение божественной воли, обязательной для других государств. Если можно предложить некие образы, которые бы отражали восприятие империи в двух ее частях, то для Востока это был бы образ веревки, поддерживающей сноп, а для Запада, образ масляного пятна¹⁴. Действительно, римское завоевание вызвало совершенно разные последствия для Запада и для средиземноморского региона. На Востоке продолжали существовать различные культуры: греческая, семитская, египетская, тогда как на Западе, даже принимая во внимание оригинальный вклад каждой провинции в области искусства или ремесла, а также некоторое сопротивление романизации, тем не менее, один язык стал общим для всех, обеспечивая определенный средний уровень культуры. Подобная культурная монополия способствовала осознанию западными провинциями их принадлежности к единому организму, что имело, несомненно, большее значение, чем осознание зависимости от единой центральной власти. Если добавить к этому понимание того обстоятельства, что западный мир в своей совокупности выступал перед лицом варваров, в большинстве своем арианцев, форпостом христианской веры, основанной на postanовлениях Никейского собора, станет понятно, что это осознание своей принадлежности к миру *romanitas* пережило

бы и падение императорской власти и разрушение территориального единства империи на Западе.

В том, что касается непосредственно форм осуществления имперских функций, обе части империи также начали расходиться с конца IV в. Смещение политики и религии, сакрализация императора, все то, чем характеризовалась политическая ситуация в Константинополе, на Западе встречалось с безразличием или враждебно. Одна из основных причин этого неприятия, заключалась, без сомнения, в религиозной политике Константина и его преемников. Политика вмешательства в дела Церкви, поддержка арианства сталкивались с сопротивлением в западных провинциях, твердо придерживающихся ортодоксального христианства¹⁵. Однако конфликт Амвросия Медиоланского с императором Феодосием I, чья преданность делу христианства никогда не ставилась под сомнение, показывает, что желание сохранить независимость Церкви было вызвано не только страхом перед еретическими учениями. Именно в этом, как нам представляется, можно проследить влияние собственно западной или латинской политической традиции. Сказанное вовсе не означает, что эта традиция была неизвестна на Востоке, но там она подавлялась реальной практикой императорской власти. На Западе же она была представлена в целом ряде сочинений на латинском языке, так что проследить истоки данной традиции можно вплоть до эпохи принципата. Речь, собственно, и идет о сугубо римской политической традиции принципата, творцом и хранителем которой на протяжении столетий была сенаторская аристократия.

Эта традиция представлена в большом количестве латиноязычных источников, из которых важнейшими являются «Панегирик Траяну» Плиния Младшего, галльские панегирики IV века и *Scriptores Historiae Augustae*. К ней же принадлежат Аммиан Марцеллин и Клавдиан, что особенно интересно, так как речь идет об уроженцах восточной части империи, принявших латинский язык и римские политические идеи. Это направление является, как мы видим, по преимуществу языческим, но это то одухотворенное и толерантное язычество, которое так характерно для поздней античности.

Все важнейшие аспекты интересующей нас темы появляются уже у Плиния Младшего с некоторыми частными особенностями, которые объясняются обстоятельствами написания Панегирика. Конечно, в это время речь еще не идет о противостоянии между Востоком и Западом. Однако Траян рисуется как реставратор истинно римской властной традиции, после разгула и бесчинств правления Домициана. Траян взойшел на трон по выбору Нервы,

подчинившегося воле богов¹⁶. Своим выбором Траян обязан не интригам, а только своим заслугам¹⁷. Его власть основывается на законе, для которого он сразу и автор, и гарант, и слуга¹⁸.

В том, что касается религиозных аспектов императорской власти, Плиний занимает очень взвешенную, тонкую, полную нюансов позицию. Он восхваляет чистоту намерений Траяна, которая подвигла его причислить Нерву к богам, но при этом упоминает изменчивые интересы, которые побуждали других императоров принимать решение об апофеозе своего предшественника. Тем самым он бросает легкую тень подозрения и на самого Траяна¹⁹. На божественный статус правящего императора лишь намекается: он *optimus* как Юпитер, он *diis simillimus*, т. е. он как-то соотносится с божественностью, но сам богом не является²⁰. Наконец, по своему характеру и по своим нравам император очень близок к своим подданным: он входит пешком в Рим, он приветствует поцелуями сенат²¹. Он добродетелен в мирной жизни и доблестен на войне. Он любит физические упражнения и, чтобы дать лучше почувствовать контраст с предыдущим правлением, описывает мрачный вид Домициана, спускающегося по Рейну и лениво раскинувшегося на плавучих носилках²².

Двумя веками позднее с той же самой системой взглядов, очень близкой к выраженной в «Панегирике Траяну», мы встречаемся в галльских панегириках и у *Scriptores Historiae Augustae*. В этих текстах явственно чувствуется усталость общества от бюрократизированной системы управления. Император, скрывшийся в своем дворце, ничего не знает, ничего не видит, информацию получает только из вторых рук. Случалось, что императоры и сами осознавали все отрицательные стороны подобной ситуации. Свидетельством этого может служить фрагмент письма императора Гордиана III своему тестю Мизитею: «Несчастен тот император, от которого скрывают правду: лишенный возможности ходить среди народа, он вынужден слушать и утверждать то, что он слышит, или то, что подтверждено большинством»²³. Однако надо учитывать, что SHA это сочинение, составленное, так сказать, в тиши кабинета.

Авторы панегириков, естественно, не могли позволить себе открытой критики. Впрочем, разве не то же чувство проявляется в их бесконечных восхвалениях вездесущности императора? Пыл их славословия вполне соотносим с ощущением неудовлетворенности: «Нет на земле такого места, – пишет панегирист Максимиана, – которое было бы свободно от присутствия Вашего Величества, даже тогда, когда вам кажется, что вы там отсутствуете»²⁴. Самые разные слои населения империи испытывают необходимость ощущать императорскую заботу. Правящие круги должны реагировать

на эту потребность, либо наделяя императорским достоинством нескольких лиц, дабы они могли обеспечить эффект присутствия в разных местах одновременно, либо разворачивая массированную пропаганду, в которой постоянно подчеркивается преданность правителя всем своим подданным²⁵.

Эта навязчивая идея повсеместного императорского присутствия проходит красной нитью через весь сборник SHA, присутствуя практически в каждом жизнеописании. Максимин, смещенный сенатом, упрекает своего молодого сына, что именно он несет ответственность за его падение, поскольку отказался находиться в Риме: «Если бы он был в Риме, сенат ни на что бы не осмелился»²⁶. Считалось также, что одно только императорское присутствие может расстроить планы неприятеля. Юлий Капитолин, биограф Максима и Бальбина, приводит речь сенатора Векция Сабина, настаивающего на необходимости наделения императорской властью двух императоров: один из них должен быть занят военными делами, а второй – находиться в Риме²⁷. Действительно, присутствие императора благотворно сказывается на Городе и на провинциях. Уже в классическую эпоху у слова *praesentia* было два значения: присутствие и помощь. Так, во время наводнения в Риме Марк Аврелий и Вер смягчали трудности, испытываемые населением, *sua cura et praesentia*²⁸. Однако все более настойчивая необходимость защищать границы вынуждала императора проводить все больше и больше времени вдали от жизненных центров империи, отрывала его от граждан. Для IV в. мы можем назвать многих императоров, которые никогда не посещали Рим²⁹.

И если Вечный Город, принимая во внимание его статус, больше, чем кто бы то ни было имел основания жаловаться на охлаждение императоров, то провинции, например, Галлия, просто чувствовали себя заброшенными. Согласно Требеллию Поллиону отделение Галлии в III в. стало следствием скандального поведения Галлиена, после пленения его отца Валериана парфянами. И со стороны галлов это была реакция оскорбленного достоинства: «...галлы, которые в силу своих прирожденных свойств не могут терпеть легкомысленных, выродившихся в смысле утраты римской доблести и утопающих в роскоши государей, призвали к власти Постума, найдя себе сочувствие и в войсках, так как последние жаловались на то, что император занят только развратом»³⁰. В SHA довольно часто подчеркивается партикуляризм провинций. Речь, конечно, не идет собственно о сепаратизме, но, например, о желании армий, расквартированных в той или иной провинции и состоящих, по большей части, из местных уроженцев, оказывать влияние на выборы императора. Часто проявляется и соперничество между

провинциями, в частности, высказываются претензии, что какая-либо провинция пытается самостоятельно провозгласить императора для всей империи. SНА очень чувствительно относятся к привилегиям римского сената, особенно в части, касающейся выборов императора, отстаивают принцип централизации и противостоят тому, что очень многозначительно называется *specialis princeps*³¹, т. е. император, избранный меньшинством. Римская армия, подобно гражданскому обществу, представляла собой смешение языков и рас, и сообщения Аммиана Марцеллина показывают, каким образом, во время выборов императора во второй половине IV в. сталкивались интересы различных армейских кланов, прежде всего галлов и иллирийцев³². Позднее, партикуляризм провинций будет играть важную роль в становлении и оформлении романо-варварских королевств, которые скорее извлекали из него пользу, нежели провоцировали.

Концепция императора, которой придерживался Аммиан Марцеллин, совершенно четко проявляется в описываемом автором противостоянии Констанция II и Юлиана³³. Констанций II воплощает в себе образ неприступного тирана, который даже за пределами своих дворцов старается строго держать дистанцию, и рассчитанной театральной неподвижностью поддерживать образ бесстрастного величия³⁴. Его двор – это сборище евнухов и доносчиков. Плохой полководец, которого преследуют неудачи в войнах с внешними противниками, он добивается успеха только в борьбе с узурпаторами³⁵. Ему противопоставляется Юлиан – философски образованный человек и прекрасный военачальник. Он гуманен, дружелюбен, сумел быстро завоевать любовь своих подданных. Описание его въезда в город Вьенн строится на очевидном контрасте с описанием въезда в Рим Констанция II³⁶. Однако, каким бы ни было стремление Аммиана Марцеллина к объективности, выражающееся в готовности не скрывать некоторые слабости своего любимого героя, Юлиан остается в его глазах исключительным случаем, чего нельзя сказать о его враге и полной противоположности Констанции II.

Тем не менее, из литературного портрета императора Валентиниана мы можем получить довольно подробное и четкое представление о том, чего ожидает Аммиан Марцеллин от императора, которого он ни низводит, ни превозносит. Самый главный упрек, который автор адресует Валентиниану, – суровость в отправлении правосудия³⁷. Но когда Аммиан Марцеллин переходит к главе, где описываются личные качества императора, римский характер его похвал сомнений не вызывает. У Валентиниана есть все необходимое для того, чтобы стать новым Траяном, или новым Марком

Аврелием³⁸. Он наделен незаурядной воинской доблестью³⁹. Его частная жизнь безупречна⁴⁰. Здесь мы снова встречаем тот же набор черт, которыми Плиний наделял Траяна.

Мы завершаем наш краткий обзор несколькими наблюдениями над текстами крупнейшего поэта рубежа IV–V вв. Клавдия Клавдиана. Поэт-профессионал, живущий пером, возродитель больших поэтических форм, бурно-патетический, он явился в Рим, по-видимому, еще молодым человеком с решимостью стяжать стихами поддержку высоких покровителей. Это ему удалось, и он становится придворным поэтом при миланском дворе Гонория и Стилихона. Пишет пространные стихотворные панегирики почти на каждый консульский год с аллегорическими олицетворениями, мифологическими уподоблениями, географическими описаниями, провозглашает благопожелания, которые звучат как официальная политическая программа. Пишет поэмы о победах Стилихона над африканским мятежом Гильдона и готским мятежом Алариха, пишет эпиталаму на брак Гонория с дочерью Стилихона, пишет уничтожающие поэмы-инвективы на падение константинопольских врагов Стилихона – Руфина и сменившего его Евтропия. Темперамент его неподделен, риторическая фантазия неистощима, свой гиперболически-напряженный стиль, выработанный на лучших образцах Лукана, Стация и Ювенала, он безупречно выдерживает без единого срыва.

Творчество Клавдиана особенно примечательно откровенно враждебными выпадами в адрес Востока и концепцией императорской власти, производящей впечатление некоторого анахронизма. Современник Амвросия Медиоланского и Августина, написавший свои основные произведения уже после смерти императора Феодосия I, Клавдиан создает литературный портрет идеального императора в духе века Антонинов. Возможно, его приверженность язычеству мешала ему увидеть существенную эволюцию императорской власти в течение IV в. Впрочем, большинство из его сочинений предназначалось для публичной декламации в присутствии императора и всего двора. Таким образом, вполне обоснованным будет выглядеть предположение, что общие положения, сформулированные Клавдианом, в целом соответствовали состоянию умов, были в русле сохраняющейся идеологической традиции и находили благожелательный отклик в весьма консервативной придворной среде⁴¹. Именно эта проблема находилась в центре внимания А. Камерона при написании фундаментальной монографии, посвященной жизни и творчеству Клавдия Клавдиана⁴². Позиция автора заключается в том, что всячески заретушировать влияние язычества на его взгляды и сочинения⁴³. Серена, племянница

Феодосия и жена Стилихона, была ревностной христианкой, но этот факт не помешал Клавдиану написать восторженный панегирик в ее честь⁴⁴. Создается впечатление, что, будучи язычником, поэт в большей степени служил христианской партии при дворе, нежели языческой. Что касается множества языческих реминисценций и аллегорий, бесконечной череды богов и героев, которые наполняют панегирики Клавдиана, то они являются, прежде всего, неотъемлемой частью литературной традиции⁴⁵. А. Камерон отмечает, что панегирики императорам Сидония Аполлинария, который ориентировался на Клавдиана как на образец, также не содержат никаких христианских мотивов⁴⁶. Мифологические образы и для самих язычников уже давно стали лишь привычными декоративными фигурами – Юпитер, которого чтит философ и которому приносил жертву гражданин, имел мало общего с Юпитером, о чьих любовных похождениях рассказывал поэт. Христианин IV века, сочиняя стихи, пользовался в них всем арсеналом мифологии с таким же легким сердцем, как христианин XVIII века.

Все сделанные наблюдения и замечания абсолютно бесспорны. Единственный упрек, который можно было бы высказать, заключается в том, что, уделяя огромное внимание вопросам литературной формы, речь, фактически, не идет о сущности, о сути дела. Проблема состоит в том, если говорить об образе императора у Клавдиана, что этот образ, конечно же, не христианский, но он также и не языческий, он, если угодно, сугубо римский. Обладала ли литературная традиция достаточной силой, чтобы одержать верх над все более и более драматично складывающейся реальностью? Допустим еще, что Сидоний Аполлинарий жил в вычитанном из книг, иллюзорном мире. Однако Клавдиан это совершенно другое дело. Чтобы писать о христианской империи, Евсевий Кесарийский на Востоке, Амвросий Медиоланский и Августин на Западе выработали подходящий язык, нашли нужные слова и образы, тогда как поэзия продолжала оставаться в плену шаблонов и схем, унаследованных от Вергилия? На самом деле, при помощи истории литературы мы выходим здесь на суть проблемы. Христианская империя, как новое понятие, не проникло в латинский мир. Точнее, император, конечно, был христианином или, как говорил Амвросий Медиоланский, он был «в Церкви», поэтому епископ Медиолана почтил похороны Феодосия блестящим надгробным словом. Однако при дворе император оставался наследником Августа. Таким образом, поэтические сюжеты никогда не были полностью оторваны от окружающей действительности, они потому и продолжали существовать, что сохранялась, хотя бы частично, та реальность, которую они должны были охватывать.

Возвращаясь непосредственно к Клавдиану, отметим, что, рассматривая его концепцию идеального императора, все-таки не стоит ограничиваться констатацией противостояния языческой и христианской партий при дворе. Конечно, эти две партии оппонируют друг другу по вопросам реальной политики. Но различались ли их концепции империи и императора? Подлинная демаркационная линия в этой сфере была географическая, и проходила она через середину средиземноморья. Итальянская языческая аристократия уже давно не претендовала, если она, как таковая, вообще когда-нибудь к этому стремилась, на то, чтобы делать из императора божество. И язычники, и христиане вполне могли найти общий язык и вместе остановиться на концепции, которая представляла императора достойным преемником Траяна и Марка Аврелия. *Gentes* сенаторского сословия, часто разделенные своим отношением к Христу, имели тем не менее общую культуру и общее состояние⁴⁷. Все они одинаково ревностно относились к своему престижу, и совершенно непонятно, на каком основании христианская часть римской аристократии могла бы желать падать на колени перед императором, обожествленным теперь уже по византийскому христианскому образцу.

Именно поэтому идеи Клавдиана так удачно вписываются в западную римскую традицию. Они соединяются вместе в панегирике на четвертый консулат Гонория в форме наставления, обращенного Феодосием к своему молодому сыну. С первых же слов подчеркивается исключительность римского императора, он правитель не такой, как другие, основой его власти является доблесть: «Если судьба, мой дорогой мальчик, тебя вознесет на парфянский трон, если, в глубине далекого Востока ты будешь носить тиару, которую варвары почитают на челе Арсакидов, одного лишь столь грандиозного происхождения будет достаточно, и в изнеженной праздности, в которой ты будешь проводить свои дни, одна только твоя знать сможет тебя защитить; но император в Риме должен жить совсем по-другому: на доблести, а не на происхождении ему следует основывать свою власть»⁴⁸. Благой император должен уметь властвовать самой высокой частью: «Тогда ты будешь держать весь мир под своим законом, когда ты сможешь править самим собой»⁴⁹.

Указанный принцип владения собой в стоическом смысле прилагается ко всем типам королевской власти. Греческая философия от Платона до неопифагорейцев⁵⁰ учила различать царя и тирана. Но их определения были, до некоторой степени, сугубо теоретическими и абстрактными. Конечно, в латинском мире идеал соотносился с историческими прецедентами. Из этого следует особая важность проводимых сравнений, которые на первый взгляд

кажутся сугубо литературными, а на деле соответствуют глубокой сущностной установке: правитель является новым Траяном, новым Константином. Это соотносится и с употреблением императорских титулов, в которых воспроизводятся реальные родственные связи, возникшие в результате усыновления или мнимые. Септимий Север принял имя Пертинакса в год своего восшествия на престол. Константин связывался с Клавдием II Готским⁵¹. СНА свидетельствуют о престиже, которым пользовалось еще в конце IV века имя Антонина⁵². Таким образом, император является не только воплощением определенной идеи, но также и воспроизведением идеальной модели, взятой непосредственно из истории Рима. Бесспорно, это был способ утвердить преемственность власти над Римом чередой непрерывных возрождений⁵³.

Речь Феодосия, составленная Клавдианом, в основе опираясь на философские темы, представляет также литературный портрет благого императора в соответствии с традиционными римскими принципами. Правитель советует своему сыну вести себя как подобает гражданину, и как подобает отцу⁵⁴. Итог его деятельности подводится глаголом *consulere*, от которого произошли консулы⁵⁵. Император всегда должен помнить, что он царствует не над восточными народами, а над римлянами, «которые давно управляют миром, и которые не снесли ни заносчивости Тарквиния, ни господства Цезаря»⁵⁶. Клавдиан устами Феодосия напоминает, что анналы воскрешают в памяти преступления плохих правителей и увековечивают славу Траяна, и мы вновь обнаруживаем обращение к теме, восходящей еще к Саллюстию и Цицерону⁵⁷. Речь заканчивается настоятельным призывом разделять с армией ее труды. Представленный Клавдианом портрет идеального императора состоит из традиционных римских черт. Правитель, соответствующий предложенному образу, обретет славу, любовь своих подданных и уважение врагов. Все зависит от него самого, от его энергии. И если он следует данной модели, разве важно, является ли он язычником или христианином? Клавдиан стремился вызвать у своих слушателей чувство римского патриотизма, гордости за свою принадлежность к великой традиции любви к свободе.

Таким образом, если Клавдиан является рупором, выразителем интересов определенной партии, то это не христианская партия, и не языческая, а партия западная, римская, латинская. И если в его видении империи присутствуют некоторые языческие элементы, например, когда он упоминает помощь, оказанную богами Феодосию в его борьбе с тиранами⁵⁸, то это делается вовсе не для того, чтобы выставлять напоказ свои пристрастия, рискуя оскорбить религиозные чувства Гонория и память об его отце. Скорее речь

идет о некотором примере эпической архаизации, которая прекрасно сочетается с прокламируемым возвращением к истокам столь превозносимого им принципата. И дело здесь не только в литературных стереотипах и штампах. Подражание древним было столь же необходимо при дворе в Равенне, как и при дворе в Версале, чтобы прославлять правителя как нового Цезаря или Александра.

Клавдиан стал последним придворным поэтом Запада до Сидония Аполлинария. Его язык – это язык правящих кругов двора в Равенне в тот момент, когда, несмотря на переживаемые трудности, никто не думал, что Западная Римская империя находится в опасности. Более того, творчество Клавдиана свидетельствует, принимая во внимание, в том числе, и его претензии к Константинополю, о желании вдохнуть новые силы в традицию собственно римскую, почерпнув их из славного римского прошлого. Влияние Клавдиана на последующих авторов было гораздо более сильным, чем можно ожидать от придворного поэта. Его цитирует Августин, читает Сидоний Аполлинарий, подражает Венанций Фортунат⁵⁹. Клавдиан станет признанным учителем высокого слога и панегирического жанра для всех будущих веков – и для Ренессанса, и для барокко, и для классицизма.

Итак, таково было наследие, оставляемое четвертым веком веку пятому, накануне великой бури. Наметившееся движение в сторону римской реакции, временами принимавшее явную антивизантийскую направленность, сыграет в будущем немаловажную роль. Было бы, конечно, абсурдным видеть в нем причину распада имперской идеи, но было бы не меньшим абсурдом отрицать стойкость подобного стиля мышления и состояния умов в новых королевствах. Наметившиеся идеи прочно войдут в интеллектуальный багаж той части римской аристократии, италийской и провинциальной, которая примкнет к правителям романо-варварских королевств.

Примечания

- ¹ Такова, по крайней мере, точка зрения Э. Штейна, см.: *Stein E. Histoire du Bas-Empire. T. 1: De l'État romain à l'État byzantin (284–476).* P., 1959. P. 69. Однако согласны с ним далеко не все: *Alföldi A. Die monarchische Repräsentation im römischen Kaiserreiche.* Darmstadt, 1970.
- ² Об этой теории см.: *Cessi R. "Regnum" et "Imperium" in Italia. Contributo alla storia della costituzione politica d'Italia dalla caduta alla ricostituzione dell'Impero Romano d'Occidente.* Bologne, 1919. P. 84–97; *Straub J. Vom Herrscherideal in der Spätantike.* Stuttgart, 1939. S. 114–121, 164–170; *Ewig E. Zum christlichen*

- Königsgedanken im Frühmittelalter // Das Königtum. Seine geistigen und rechtlichen Grundlagen, Vorträge und Forschungen. Bd. 3. Mainauvorträge, 1954. S. 7–73; *Taeger F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrcherkultes: 2 vol. Stuttgart, 1957–1960; *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine Political Philosophy, Origins and Background. Vol. 2. Washington, 1966. P. 611–631; *Farina R.* L'impero e l'imperatore cristiano in Eusebio di Cesarea. La prima teologia politica del cristianesimo. Zurich, 1966; *Rahner H.* L'Église et l'État dans le christianisme primitif. P., 1964; *Brown P.* Authority and the Sacred: aspects of the Christianization of the Roman world. Cambridge, 1995. P. 66–93; *Chuvin P.* Chronique des derniers païens. La disparition du paganisme dans l'Empire romain, du règne de Constantin à celui de Justinien. P., 1991; *Barnes T.D.* Athanasius and Constantius. Theology and Politics in the Constantinian Empire. Cambridge (Mass.), 1993. P. 114–139; *Brent A.* The Imperial Cult and the Development of Church Order. Leiden, 1999; *Fraschetti A.* La conversione. Da Roma pagana a Roma cristiana. Rome; Bari, 1999. P. 271–307.
- ³ *Kaegi W.E.* Byzantium and the decline of Rome. Princeton, 1968. Автор наглядно показывает связи, соединяющие эти две партии.
- ⁴ Солидарность всех областей империи перед угрозой варварских вторжений очень ощутима, например, в переписке Иеронима: Hier., Epist., LX, 16; CXXIII, 15–16; CXXVII, 11–12.
- ⁵ О политических идеях Амвросия Медиоланского см.: *Palanque J.R.* Saint Ambroise et l'Empire romain. Contributions à l'histoire des rapports de l'Église et de l'Etat à la fin du IVe siècle. P., 1933; *Dvornik F.* Op. cit. Vol. 2. P. 672–695; *Казаков М.М.* Епископ и империя: Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV веке. Смоленск, 1995.
- ⁶ Aug., De civitate Dei, V, 24.
- ⁷ Е. Корзини высвечивает противоречия между Орозием и Августином (Corsini E. Introduzione alle Storie di Orosio. Turin, 1968. P. 194; 203–205). Согласно Августину развитие империи связано с действием человеческих сил и политической необходимостью (Aug., De civitate Dei, IV, 15). Августин объясняет, что империя все еще была бы маленькой, если бы ее соседи не навлекли бы на себя войну из-за своей несправедливости «et ita essent in mundo regna plurima gentium, ut sunt in urbe domus plurimae civium». Об этом тексте см.: *Straub J.* Christliche Geschichtsapologetik // Straub J. Regeneratio imperii. Darmstadt, 1972. S. 259–264; *Corsini E.* Introduzione alle Storie di Orosio. Turin, 1968. P. 169. Амбивалентное отношение Августина к империи прекрасно показано великолепной работе А. Мандуза (*Mandouze A.* Saint Augustin. L'aventure de la raison et de la grace. P., 1968. P. 289–273).
- ⁸ *Dagron G.* L'Empire romain d'Orient au 4e siècle et les traditions politiques de l'hellénisme. Le témoignage de Thémistios. Paris, 1967. (Travaux et Mémoires du Centre de Recherches d'histoire et de civilization byzantines. Vol. 3)
- ⁹ *Dagron G.* Op. cit. P. 3: «Деятельность Фемистия, от Констанция II до Феодосия I, была направлена на то, чтобы обосновать и защитить то политическое направление, которое, как мы говорили, существенно трансформирует идеи, пришедшие из классической греческой традиции. Нужно было быть подлинным эллином, чтобы в этом преуспеть».

- ¹⁰ *Dagron G.* Op. cit. P. 73; *Dvornik F.* Op. cit. P. 675: «Like Julian and Libanius, Ambrose is obviously a republican»; *Аверинцев С.С.* Император Юлиан и становление «византинизма» // Традиция в истории культуры. М., 1976. С. 79–84.
- ¹¹ *Marrou H.I.* Saint Augustin et la fin de la culture antique. P., 1958. P. 698: «Эта эмансипация, эта обособленность латинского мира начинает проявляться во всех областях: было бы очень полезно изучить, как это отражается в политической мысли. Идеал христианской империи мыслился по-разному, и, соответственно, влек за собой разные практические следствия. Сколь огромна дистанция между теоретическими построениями Амвросия Медиоланского и имперской традицией, которую мы уже можем назвать византийской, созданной в период от Евсевия Кесарийского до Синесия!».
- ¹² Регентство Стилихона спровоцировало первый кризис, см.: *Cameron A.* Claudian. Poetry and Propaganda at the court of Honorius. Oxford, 1970. P. 38–45; *Idem.* Theodosius the Great and the regency of Stilicho // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. 73. 1969. P. 247–280. Как следствие, каждая *partes* стремилась проводить собственную политическую линию, не согласовывая ее друг с другом. После смерти Гонория, в 423 г., узурпация Иоанна предоставляет Феодосию II повод для вмешательства в дела Запада и основание для провозглашения императором Западной Римской империи Валентиниана III. В 450 г., со смертью Феодосия II, Пульхерия провозглашает Маркиана императором своей собственной властью. В качестве ответного шага в 455 г. Петроний Максим провозглашается императором без согласия Константинополя.
- ¹³ *Jullian C.* Vercingétorix. P., 1902. P. 40–44.
- ¹⁴ П. Грималь отмечает, что в отличие от Востока, «Запад представлял собой настоящий пчелиный воск, на который римский город мог легко наложить свой отпечаток» (*Grimal P.* Le siècle des Scipions. Rome et l'Hellénisme au temps des guerres puniques. P., 1975. P. 84–85).
- ¹⁵ Позиция Атаназия и преследования, объектом которых он стал, показывают, что и Восток не был единодушен в своем раболепстве. Арианская теология представляла определенные преимущества светской власти, о чем говорит Х. Ранер. Исследователь подчеркивает, что «арианство в то время было гораздо более расположено подчиниться всемогуществу государства, нежели ортодоксальная церковь, поскольку оно, так сказать, упускало тот аспект веры в божественность Христа, на основании которого государство имело второстепенное значение перед высшим могуществом, идущим от причастности к божественной сущности Христа» (*Rahner H.* L'Église et l'État dans le christianisme primitif. P., 1964. P. 92–93). См. также: *Barnes T.D.* Athanasius and Constantius: Theology and Politics in the Constantinian Empire. Cambridge (Mass.), 1993. P. 23–31; *Williams R.* Arius: Heresy and Tradition. London, 1987. P. 154–175; *Rubenstein R.E.* When Jesus Became God: The Epic Fight over Christ's Divinity in the Last Days of Rome. N. Y., 1999. P. 105–106.
- ¹⁶ *Plin., Pan., 8, 2.* Плиний называет Нерву *minister deorum* в связи с актом об усыновлении Траяна. О панегиристах см.: *Born L.K.* The perfect prince according to the Latin Panegyrist // *AJPh.* Vol. 55. 1934. P. 21–22 (о Плинии); P. 25 (о Клавдиане). Об авторах галльских панегириков см.: *Burdeau F.* L'empereur d'après les Panégyriques latins // *Aspects de l'Empire romain.* P., 1964. P. 1–60; *Шабза И.Ю.*

- Опыт исследования галльских панегириков количественными методами // ВДИ. 1993. № 1. С. 147–161; *Она же*. Галльские панегирики: искусство лесты // ВДИ. 1995. № 3. С. 51–57; *Она же*. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклегиана до Феодосия. М., 1997; *Она же*. Публилий Оптациан Порфирий: Панегирик императору Константину // Кентавр/Centaurus. Studia classica et mediaevalia. Вып. 4. М., 2008. С. 43–60.
- ¹⁷ Plin., Pan., 8, 1: «Itaque non in cubiculo, sed in templo, nec ante genialem torum, sed ante pulvinar lovis Optimi Maximi adoptione peracta est». О политических взглядах и политической теории Плиния см.: *Taeger F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrerkultes. Bd. 2. Stuttgart, 1960. S. 359–381; *Dvornik F.* Op. cit. Vol. 2. P. 502–531.
- ¹⁸ О важности этой темы см.: *Michel A.* La philosophie politique à Rome d'Auguste à Marc Aurèle. P., 1969. P. 93.
- ¹⁹ Plin., Pan., 11, 1–2.
- ²⁰ Plin., Pan., 1, 2–3. Ж. Божё отмечает, что «Траян, прекрасно зная и соблюдая принятые правила игры, соглашался, не без настороженности, на отождествление себя с Зевсом на Востоке, но на Западе отказывался считать себя чем-то большим, чем просто представителем его власти, находящимся под его особой защитой» (*Beaujeu J.* La religion romaine à l'apogée de l'Empire. Vol. 1: La politique religieuse des Antonins (96–192). P., 1955. P. 72). Далее автор показывает, что Траян отказался и от отождествления себя с Геркулесом, своим любимым богом (Р. 86). Ф. Тэгер говорит, по поводу выражения Плиния, определяющего Траяна как «princeps castus, sanctus et dis simillimus», что эти понятия не имеют харизматического значения, но только этическое: «Trajan ist Mensch in seiner höchsten Vollkommenheit» (*Taeger F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrerkultes. Bd. 2. Stuttgart, 1960. S. 360).
- ²¹ Plin., Pan., 22, 1; 23, 1.
- ²² Plin., Pan., 15, 4 (военные доблести); 83–84 (семья); 82 (Домициан на своем корабле).
- ²³ SHA, Gord., XXV, 4: «Miser esr imperator apud quem vera reticentur, qui cum ipse publice ambulare non posit, necesse est ut audiat et vel audita vel a plurimis roborata confirmet». SHA, Aur., XLIII, 4: «Imperator qui domi clausus est vera non novit. Cogitur hoc tantum scire quod illi loquuntur, facit iudices quos fieri non oportet, amovet a re publica quos debeat optinere» («Император, запертый в своем доме, не знает истины. Он вынужден знать только то, что говорят ему эти люди; он назначает судьями тех, кого не следовало бы назначать, отстраняет от государственных дел тех, кого он должен был бы привлечь»). О сложном вопросе относительно времени написания SHA, который, впрочем, мало важен для нашей работы, см.: *Chastagnol A.* Recherches sur l'Histoire Auguste. Bonn, 1970.
- ²⁴ Pan. Lat., III, 13, 5: «Neque enim pars ulla terrarium majestatis vestrae praesentia caret, etiam cum ipsi abesse videamini».
- ²⁵ По теме cura и statio principis см.: *Béranger J.* Recherches sur l'aspect idéologique du principat. Bâle, 1953. P. 184–186. Метафора statio встречается также: Luc., V. C., I, 45; Plin., Pan., 7, 3; 86, 3. Довольно часто она используется и в SHA, см.: *Kostermann E.* Statio principis // Philologus. 87. 1932. P. 358–368; 430–444. См. также: *Seager R.* Some imperial virtues in the Latin Prose Panegyrics. The demands

of propaganda and the dynamics of literary composition // Papers of the Liverpool Latin Seminar. Vol. 4. 1983. P. 129–165.

²⁶ SHA, Maxim., XVII, 3: «...putabat autem quod si ille Romae fuisset nihil ausurus esset senatus».

²⁷ SHA, Max. Balb., II, 5.

²⁸ SHA, Aur., VIII, 5.

²⁹ *Straub J.* Vom Herrscherideal in der Spätantike. Stuttgart, 1939. S. 175. Мы можем назвать Констанция I, Галерия, Юлиана, Валентиниана и Валента.

³⁰ SHA, Gall., IV, 3: «Cum Gallienus in luxuria et inprobitate persisteret cumque ludibriis et hellvacioni vacaret neque aliter rem publicam gereret quam cum pueri fingunt per ludibria potestates, Galli quibus inisum est leves ac degenerantes a virtute romana et luxoriosos principes ferre non posse, Postumum ad imperium vocarunt...».

³¹ SHA, Alb., I, 2.

³² *Straub J.* Op. cit. S. 18–19.

³³ Об образе идеального правителя у Аммиана Марцеллина см.: *Camus P.M.* Ammien Marcellin témoin des courants culturels et religieux à la fin du IVe siècle. P., 1967. P. 110–117; 239–251. Ср.: *Taege F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrcherkultes. Bd. 2. Stuttgart, 1960. S. 638–647.

³⁴ Amm. Marc., XVI, 10. Подробнее об этом эпизоде см.: *Duval Y.M.* La venue à Rome de l'empereur Constance II en 357, d'après Ammien Marcellin // *Caesarodunum*. 1970. № 5. P. 299–304.

³⁵ Amm. Marc., XIV, 10, 16.

³⁶ Amm. Marc., XV, 8, 21. См.: *Fontaine J.* Ammien Marcellin, historien romantique // *Bulletin de l'Association G. Budé*. Vol. 28. 1969. P. 417–435.

³⁷ Amm. Marc., XXX, 7.

³⁸ Amm. Marc., XXX, 9, 1: «...si reliqua temperasset, vixerat ut Trajanus et Marcus».

³⁹ Amm. Marc., XXX, 9, 1: «...oppidorum et limitum conditor tempestivus, militaris disciplinae censor eximius». XXX, 9, 1: «aestu Martii pulveris induratus».

⁴⁰ Amm. Marc., XXX, 9, 2: «Omni pudicitiae cultu domi castus et foris».

⁴¹ *Dilke O.A.* Claudian. Poet of Declining Empire and Morale. Leeds, 1969; *Schmidt P.* Politik und Dichtung in der Panegyrik Claudians. Konstanz, 1976; *Döpp S.* Zeitgeschichten in Dichtungen Claudians. Wiesbaden, 1980;

⁴² *Cameron A.* Op. cit. Одна из глав исследования называется: «The pagan at a christian court».

⁴³ Автор выдвигает несколько сомнительный, с нашей точки зрения, тезис, что языческая вера Клавдиана не была слишком сильной и глубокой, поскольку он не был готов стать мучеником за нее (*Cameron A.* Op. cit. P. 214).

⁴⁴ *Cameron A.* Op. cit. P. 190.

⁴⁵ *Duc T.* Le “De raptu Proserpinae” de Claudien: réflexions sur une actualisation de la mythologie. Bern, 1994; *Kellner T.* Die Göttergestalten in Claudians “De raptu Proserpinae”: Polarität und Koinzidenz als anthropozentrische Dialektik mythologisch formulierter Weltvergewisserung. Stuttgart, 1997.

⁴⁶ *Cameron A.* Op. cit. P. 193.

⁴⁷ Религиозные расхождения не являлись в V в. основанием для внутрисемейного размежевания, см.: *Arnheim M.T.W.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman

- Empire. Oxford, 1972. P. 17. В одной и той же семье могли одновременно жить язычники и христиане. Иероним с усмешкой упоминает старого понтифика Альбина, внука которого стала монахиней (Hier., Ep., CVII, 1).
- ⁴⁸ Claud., IV cons. Hon., 214: «Si tibi Parthorum solium fortuna dedisset / Care puer terrisque procul venerandus Eois / Barbarus Arsacio consurgeret ore tiaras; / Sufficeret sublime genus, luxuque fluentem / Deside nobilitas posset te sola tueri. / Altera romanae longe rectoribus aulae / Conditio: virtute decet, non sanguine niti».
- ⁴⁹ Claud., IV cons. Hon., 214: «...Tunc omnia jure tenebis, / Cum poteris rex esse tui...».
- ⁵⁰ См.: *Delatte L.* Les traits néopythagoriciens sur la royauté. Eсphante, Diotogène, Sthénidas. Paris; Liège, 1942. Этим текстам много внимания уделяется в книге Ф. Дворника, который датирует их вторым веком до н. э. (*Dvornik F.* Op. cit. Vol. 1. Washington, 1966. P. 248).
- ⁵¹ *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. Т. 1: De l'État romain à l'État byzantin (284–476). P., 1959. P. 77.
- ⁵² SHA, Get., II, 2: «Fuit autem Antoninus Geta etiam ob hoc ita dictus quod in animo habuit Severus ut omnes deinceps principes quemadmodum Augusti ita etiam Antonini dicerentur, idque amore Marci quem patrem vel fratrem suum semper dicebat et cujus philosophiam litterarumque institutionem semper imitatus est». Ср.: SHA, Diad., I, 7, крики солдат, провозглашающих Макрина, который только что дал своему сыну Диадумену имя Антонина: «Antoninum habemus, omnia habemus».
- ⁵³ Этот процесс начинается очень рано, поскольку Август одно время думал взять имя Ромул. См.: *Michel A.* La philosophie politique à Rome d'Auguste à Marc Aurèle. P., 1969; *Hellegouarc'h J.* Le principat de Camille // *Revue des Études latines*. Vol. 48. 1971. P. 121; *Perret J.* Le serment d'Énée (Virg., Aen., XII, 189–194) et les événements politiques de janvier 27 // *Revue des Études latines*. Vol. 47. 1970. P. 286.
- ⁵⁴ Claud., IV cons. Hon., 294: «Tu civem patremque geras».
- ⁵⁵ Claud., IV cons. Hon., 294–295: «Tu consule cunctis / non tibi». О связи consul/consulere см.: Cic., Rep., II, 31. Это повторяется в Aug., De civitate Dei. V, 12.
- ⁵⁶ Claud., IV cons. Hon., 309: «Romani qui cuncta diu rexere regendi, / qui nec Tarquini fastus, nec jura tulere / Caesaris».
- ⁵⁷ Claud., IV cons. Hon., 311: «Annales veterum delicta loquentur; haerebunt maculae...».
- ⁵⁸ Claud., IV cons. Hon., 98–99: «Illi justitiam confirmavere triumphi; / praesentes docuere Deos...».
- ⁵⁹ Создавая портрет Феодосия, Августин ссылается на свидетельства Клавдиана и его цитирует, несколько видоизменяя «слишком» языческие пассажи (Aug., De civitate Dei, V, 26). См.: *Cameron A.* Op. cit. P. 191.

Готицизм историка Иордана: становление и парадоксы «готского мифа»

В статье рассматриваются особенности формирования готского варианта всемирной истории, созданного в середине VI в. Иорданом для утверждения жизнеспособности власти гото-римского Остготского «королевства». Автор анализирует, каким образом «Гетика» Иордана, вытесняя «римский миф», завершила оформление основных положений «готского мифа». Обращено внимание на то, что в XX в. «готский миф», как когнитивный образ, выступил основой концепции истории готов Л. Шмидта, получил признание исследователей и в скрытой форме выражает мифологию современного готицизма.

Ключевые слова: варвары, цивилизация, готы, Иордан, «Гетика», «готский миф», готицизм, Великое переселение народов.

Среди авторов, сочинения которых в течение столетий были объектом пристального внимания исследователей, источником бурных бескомпромиссных дискуссий, имя готского историка VI в. Иордана остается, по-прежнему, одним из первых. Это объясняется не только противоречивостью фигуры самого Иордана, сложностью композиционной структуры и содержания его главного труда «О происхождении и деяниях гетов» (*De origine actibusque Getarum*) (сокращенно – «Гетика»). В событиях Великого переселения народов (II–VII вв.) историки отводят центральную и доминирующую роль восточногерманскому племени готов, которому Иордан и посвятил свое сочинение. Но уже к концу XX в. непримиримое противостояние, поющих осанну готам, и низвергающих эти племена с пьедестала истории, зашло в тупик. Но, хотя исследователи и декларировали «объективное прочтение источников» и отказ от «идеологически нагруженной их интерпретации», большинство накопившихся вопросов по истории готов продолжало оставаться нерешенными. Это по-прежнему привлекает внимание к готской проблеме, в частности, к особенностям

формирования так называемого готского мифа и фигуре главного его создателя Иордана¹. По объёму и разнообразию содержания, по ценности информации, по спорности в науке связанной с ней проблематики, по особой популярности в историографии «Гетика» Иордана занимает особое место. В XIX–XX вв. это сочинение было в центре внимания таких известных ученых как Т. Моммзен, А. Гуттшмид, В. Ваттенбах, Н. Вагнер, Е.Ч. Скржинская, Х. Вольфрам². В настоящее время разносторонний исторический материал «Гетики» является предметом серьезных междисциплинарных исследований, продолжает развивать и формировать новые направления современного готицизма, представленные исследованиями И. Коркканен, В. Гоффарта, Дж. О’Доннел, Т. Барнса, П. Дж. Хизера, А.С. Кристенсен, П.П. Шкаренкова, И.В. Зиньковской³.

Еще до издания «Гетики» в 1882 г. начался кропотливый анализ ее текста, который продолжается и в настоящее время. Установлено, что Иордан достаточно субъективно отражал основные события эпохи Великого переселения народов. И то, что в их изложении нет последовательности и логической завершенности, может лишь свидетельствовать об условиях и ситуативных обстоятельствах, в которых создавалось это сочинение. В 550/551 гг., в последние годы существования Остготского королевства, находясь в Равенне, Иордан, по просьбе своего друга, вероятно, крупного должностного лица Касталия спешно писал/составлял «Гетику». По замыслу она должна была представлять собой краткое изложение 12-томной (утраченной впоследствии) «История готы» Кассиодора с привлечением сочинений греческих и римских историков. «История готы» тайно хранилась в одном экземпляре в Равенне, где чаще всего жил Кассиодор, находясь в ведении его управляющего. От него Иордан, выполняя заказ Касталия, получил это сочинение, чтобы освежить в памяти историю готы и передать ее «своими словами» (*Iord. Get.* 1). За 3 дня он перечитал 12 книг, а затем в большой спешке в короткий срок сделал эксерпт этого сочинения.

Для исследователей Иордан стал своеобразным символом политической конъюнктуры эпохи Великого переселения народов и «варварских королевств». В отличие от Кассиодора, преследовавшего цель восстановить древнюю историю готы, придать ей глубину и величие, тем самым оправдать готское господство, он занимал византийско-верноподданническую позицию посредника между готами и Византией. Как представитель готской элиты, он выражал настроения той части остготской знати, которая желала соглашения с Византией, хотя бы ценой подчинения остготов последней. «Гетика» отразила встречу варварства и цивилизации в наивысшей точке их взаимодействия.

Стоит напомнить, что «Гетика» – это обобщенный образ действительности эпохи Переселения народов, созданный варваром, потерявшим свой Барбарикум, который стремился вписаться в систему ценностей римской (ромейской) цивилизации. Сумбурное изложение событий, путаница, избирательная характеристика военных действий, лакуны и умолчания – факторы не только проимперской тенденциозности Иордана, но и рефлексии писателя «варварского королевства», находящегося перед катастрофой завоевания своего отечества – Остготского королевства. Композиция и стилистика «Гетики» показывают, что Иордан не столько писал историю готов (*Getarum origo*), сколько создавал для власти «варварского королевства» благородных Амалов (*Amalorum nobilitas*) готский вариант всемирной истории, посвященный *virorum fortium facta*. Если Кассиодор сделал историю готов частью римской истории, то Иордан показал римскую историю в момент ее соприкосновения с готами. В сущности «Гетика», отражая встречу варварства и цивилизации в наивысшей точке их соприкосновения, обозначила уникальные, вневременные паттерны «варвара» и «варварства». Варвар стремится «ложью возбудить доверие», он человек хитроумный, который, раньше, чем затеять войну, борется искусным притворством. «Он жаждет порабощения вселенной, не ищет причин для войны, но – что бы не совершил – это и считает законным...Он презирает право и божеский закон и выставляет себя врагом самой природы» (*Iord. Get.* 186–187). Кассиодор писал для римлян, призывая их принять господство варваров. Иордан пишет для готов, убеждая их к трезвому смирению и преклонению перед византийским императором. Многие из реальных и вымышленных персонажей «Гетики» – бывшие варвары, ставшие римлянами. Их цель – обретение на римской земле статуса, соответствующего их происхождению и личным заслугам, римского гражданства, позволявшего вести римский образ жизни. Оппозиция «цивилизация – варвары» в тексте присутствует, однако такие понятия, как «варвары» и «варварский», Иордан употребляет только в значении «чужой» (*Iord. Get.* 40, 69, 84, 85, 177). Он не разграничивал *Rex Romana* и *Rex barbaria*. Для него эти миры взаимосвязаны, неразделимы и представляют единый *totus terrae* или *orbis terrae*. В этом земном круге доминирует пространство *rei publicae Romanae*, которому лишь однажды противопоставляется *barbariae tota* (*Iord. Get.* 179). Также однажды, в связи с вандалами, в «Гетике» упоминается лимес, в значении границы между Римской (ромейской) цивилизацией и варварским миром⁴.

Язык Иордана не содержит понятия «цивилизация», однако изложение *Origo Gothorum* и общая логика повествования выстра-

ивались в рамках модели римской системы ценностей. Война, как почетное дело, достойное римского гражданина, в «Гетике» представлена основным средством решения всех проблем. Вся жизнь варварского племенного мира подчинена военным задачам. Иордан постоянно меняет противников, показывает разные масштабы военных действий, различные способы ведения войн, отмечает различные их цели и результаты, но война остается самым почетным, достойным занятием и «престижной» работой: можно прославиться, сделать карьеру и обогатиться. Известно, что Римская цивилизация определяла положение человека, исходя из его вклада в «общее дело». Иерархия племен, народов, а также значение той или иной личности выстраивается в «Гетике» по соответствующей модели: что сделано предками и самим человеком, родом или племенем. При этом подчеркивались именно те достоинства, которые способствовали достижению определенных побед или процветания племени. Римская ментальность рассматривала «общую пользу» как пользу каждого. В изложении Иордана чем могущественнее становились готы, тем больше они возвышались над другими народами. Это позволило Иордану поставить их в один ряд с римлянами и утверждать: римляне и везеготы *primas mundi gentes* (*Iord. Get.* 182). Закон почитался римлянами как высшее связующее начало. Иордан же различает тех, которые живут *inhabitant ritu beluino* или в соответствии с природой, по собственным законам (*naturaliter propriis legibus*), и тех, которые отважились подчиниться римским законам (*Iord. Get.* 23, 69, 116, 131). Народы, вставшие на этот путь, согласно Иордану, уже не *advene et peregrini*, но *cives et domini*. Конунгов «варварских королевств» он оценивает по тому, руководствовались ли они законами во имя общего блага рода или племени или удовлетворялись своими капризами.

Римская ментальность включала «римский миф» о доблести (*virtus*) римлян, создавших величие государства, а также императорский культ и исключительное место «первого лица» в делах государства. Утверждение божественной, сверхчеловеческой природы императорской власти коснулось и персонажей «Гетики». Иордан пишет, что император – это *terrenus deus*, для которого характерны ум (*ingenium*), доблесть (*virtus*) и благоразумие (*consilium*), так же как для готских конунгов доблесть и благородство происхождения (*virtutis et generis nobilitate*) (*Iord. Get.* 139, 143, 174). Конунги готов выступают знаком высшей «харизматической» справедливости. Среди них многие почитаемы не потому, что справедливы, а потому справедливы, что почитаемы. Это, к примеру, отличавшиеся «доблестью и благородством» (*virtutis et nobilitatis*) Геберих, «умом и доблестью» (*prudentia et virtute*) Эрманарих, «строгий

и благоразумный» (*destrictus et prudens*) Валяя (*Iord. Get.* 112, 120, 164). Образ вождя – лидера готов у Иордана включает не только право на хранение родовых традиций, но и «присвоенное» право на генеалогию, что лишало «происхождения» остальных.

Так в эпоху Великого переселения народов, этот «подростковый период» европейской средневековой цивилизации, «римский миф» начал постепенно вытесняться «готским мифом». Иордан один из первых обратил внимание на то, что уже римляне выделяли готов не столько в роли завоевателей, сколько в силу того, что они проявляли интерес к культуре и традициям Империи, который был не свойственен другим племенам. По его мнению, готы были самыми образованными (*sapientiores*), «человечными и цивилизованными» (*humaniores et prudentiores*) (*Iord. Get.* 40, 42). Они оставались единственными из всех варварских племен, кто пытался приобщиться к римской культуре и наукам (*Iord. Get.* 69–72).

В римской системе ценностей особенную роль играла связь статусов, социальных ролей, *ordines*, с некоторыми видами деятельности. Имела место иерархия статусов, основанная на общественных функциях, военно-политических и социальных ролях. Статус «федератов» выделен Иорданом как их основная социальная ниша готов в пределах Империи (*Iord. Get.* 89, 112, 141, 145, 165). В силу этого обстоятельства готы заняли ведущее положение в управлении государством. Они окончательно превратились в «народ-войско» и стали для Римской империи *murus regni* (*Iord. Get.* 132).

В «Гетике», когда речь идет о племенах вне римского мира, Иордан отмечает их отличия, особенности этнонимов, но нигде не говорит о наличии языкового барьера между племенами. Лишь в пределах римского цивилизационного пространства он выделяет язык как фактор способствующий или препятствующий «вхождению» варваров в римский мир. Впервые появляется определение «племена своего языка» (*linguae huius nationem*) как и осознание того, что для приобщения к христианским ценностям готам требовались «наставники на их языке» (*doctores linguae suae*) (*Iord. Get.* 131, 133).

Менталитет романизованного варвара, проявившийся в «Гетике», отразил тот критический и трагический рубеж, когда готы уже были готовы к созданию собственной цивилизации, но наложенная на эту готовность матрица римской системы ценностей, которую они стремились усваивать, привела в конечном итоге к тому, что народ готов дал истории опыт несостоявшейся цивилизации. В «Гетике» Иордан фактически завершил оформление основных положений «готского мифа»: *высшей ценностью и ориентиром выступало Племя (gens), которому предназначено*

вечное странствие в поисках Ойум и господство над другими народами, быть primas mundi gentes; народ (populus) готов, проходя через тяжёлые испытания и потери, приобрел человечность и просвещённость (humaniores et prudentiores); предводители и вожди готов отмечены доблестью и благородством происхождения (virtutis et generis nobilitate), им предназначено преумножить славу предков во имя готского величия.

Потребность появления «готского мифа» была обусловлена тем, что во II–IV вв. в период становления «больших племен» произошло быстрое и радикальное оформление этнической идентичности готов, так называемой этнической и этноориентированной их корпоративности, которая определялась формулой – *не так важно готом быть, как готом слыть*. СобираТЕЛЬНЫЙ образ «особливости» готов формировала не только греко-римская интеллектуальная элита, но и выходец из Барбарикума, автор готского варианта всемирной истории, создатель «готской мифа» – Иордан. До VI в. письменная традиция сохраняла представление о «ситуативной готскости» и готском этноцентризме (авторитет, солидарность, пафос постоянной угрозы)⁵. Эпоха Великого переселения народов формировала стереотипы готского превосходства и готской униженности, но в большинстве случаев они позиционировались как *incolume* и *victores* варварского мира. Определились и каналы формирования готицизма, в их числе нарастающая активность индивида (личные амбиции вождей и конунгов), обостренное отношение к традиции («изобретенная традиция»). Складывалось общее мифологизированное представление о «готскости», готских качествах.

Так величие готов в «готском мифе» детерминировалось наследием, а устойчивый культ их исключительности основывался на архетипе предковости и особой харизматичной миссии племён. Изобилия образов, имен и деяний экономная устная память варварских племён сохраняла то, что подпитывало проект их исторических претензий, их желанного будущего. Формирование готской идентичности выстраивалось на оси «восходящих» процессов, к которым можно отнести, прежде всего, победы, завоевания, дипломатические успехи, романизацию и *conversio* отдельных лидеров. Но вектор сплочения готских племен, их этническую консолидацию определялась и «нисходящими» изменениями. В их числе поражения, гибель народов, правителей, потери, бедствия, моральный разлад, дезориентация. В варварском локале Великого переселения народов готы последовательно транслировали изменчивость, неустойчивость и подвижность *Barbaricum solum*. Они наполнили новым смыслом само понимание движения, как изменения,

как проявления стихийной и неистребимой жизненной энергии. Выражая вектор восходящей качественной преобразовательности, имя готов притягивало племена к своим победам (*suis applicavere victoriis*). Этот ценностный идентитет выражал осознанную или неосознанную интенцию на принадлежность к готской общности. Рождённый в ходе миграций II–VII вв. «готский миф» утверждал актуально освоенную варварским миром формулу – *Gothi superiores inventi sunt* (готы имели преимущества). Присоединяясь к готским победам и достижениям, племена утверждали тем самым величие и высокое мнение (*magna opinio*) готов.

Итак, обратившись к творчеству готского историка VI в. Иордана, который, удалившись от государственных дел, предался литературным занятиям и по заказу составил свое главное сочинение «Гетику», можно сделать предположительный вывод. Более чем двухвековая история исследования «Гетики» показывает, что особая популярность этого источника в историографии состоит не только в уникальности тех свидетельств по истории готов, которые в нем представлены, но прежде всего в «готском мифе», той схеме-концепции готской истории, которая создавалась Иорданом и именно на страницах «Гетики» оформилась в «готский миф». Опираясь на «готский миф», на эту схему местопребывания готов во всемирной истории, выдающийся немецкий исследователь истории германских племен Людвиг Шмидт сформулировал общую концепцию истории готов. Кратко она сводилась к следующему. Готы – народ восточногерманского происхождения, имевший прародину в Южной Скандинавии. На рубеже н. э. они переселились в устье Вислы. Постоянно двигаясь на юг, к началу III в. готы оказались в Северном Причерноморье. Здесь они создали весьма могущественные объединения («королевства»), которые стремились к господству над многочисленными местными племенами и вели успешные наступления на придунайские владения Империи. В IV в. готские племена были разгромлены гуннами и под их давлением вынуждены были отойти на запад, в Трансильванию и на Балканы. Отсюда началась их одиссея, закончившаяся далеко за Пиренеями. Простота и логичность созданной Л. Шмидтом концепции истории готов обеспечила ей признание. Безусловно, не последнюю роль сыграл и прочно утвердившийся с конца XIX в. в историографии готской проблемы авторитет «Гетики». И это несмотря на то, что вокруг этого сочинения стало накапливаться столько же мифов и фантазий, сколько их встречалось в самом тексте источника.

Историки безоговорочно приняли, как достоверную, Иорданову схему истории готов, считая, что нуждаются в уточнении

только отдельные ее детали. И эта работа шла в рамках обычного источниковедческого анализа. Он включал споры о времени и обстоятельствах возникновения самого источника, сличения конкретных фрагментов с текстами сочинений современников и предшественников, особенно тех, чьими сочинениями он пользовался. Разрабатывалась хронологическая канва событий, ставились вопросы достоверности свидетельств Иордана по целым сериям проблем⁶. Но в целом общая оценка его труда не менялась. Вплоть до 60-х годов XX в. господствовало мнение, что для периода Великого переселения народов этот источник незаменим, хотя и тенденциозен. С конца XIX в. изучение «Гетики» превратилось в зеркало изучения истории готв. Подходы к исследованию «Гетики» развивались и менялись постольку, поскольку развивался и менялся интерес к самой готской проблеме, что тормозило и одновременно стимулировало внимание к «Гетике». Многие исследователи, как например, Э. Шварц, Х. Райнерт, Х. Гелблинг, К.К. Клейн, Х. Розенфельд и другие, видели свою задачу в установлении и описании все новых и новых фактов, подтверждающих и развивающих концепцию Л. Шмидта⁷. Слова Ранке о том, что нужно писать так, как это, собственно, было (*wie es eigentlich gewesen*), оставались и остаются магическими для многих поколений, занимавшихся историей готв.

В научных исследованиях конца XX – начала XXI в., когда эпоху Великого переселения народов стали рассматривать как единое историческое пространство взаимодействия варварского мира и Римской цивилизации, стал вновь возрождаться позитивный интерес к материалу «Гетики», началась в определенном смысле «реабилитация» Иордана в общем потоке раннесредневековой письменной традиции⁸. Взгляд на Иордана как на самого низкопробного компилятора, который в большой спешке сделал эксцерпт сочинения Кассиодора, добросовестно передавая его вымыслы и фальсификации, сменил «штамп» абсолютного доверия исторической логике «Гетики» и восхваления готв и их конунгов. «Икона» Иордана и созданный им «готский миф» снова заслонили реальный варварский мир человека варварского мира, действующего в реальной обстановке⁹.

Итак, обратившись к «Гетике», можно убедиться, что идея стройной и красивой схемы готской истории, составленной Л. Шмидтом, на основе которой историки и археологи на протяжении многих десятилетий развивали идею готского величия, в сущности, утверждала в исторической литературе латентное присутствие «готского мифа», созданного Иорданом. Вопрос о том, почему и как возникла потребность постоянно трансформировать именно

готские, а не вандалские, франкские, бургундские или какие-либо другие варварские шаблоны (паттерны) в исторический миф, требует более детального рассмотрения, являясь одной из центральных проблем современного готицизма.

Примечания

- ¹ *Mommsen Th.* Jordanes. Getica / Ed. Th. Mommsen // MGH. Auct. Antiquiss. B., 1882. T. V. Pars 1. P. 53–138.
- ² *Mommsen Th.* Jordanis Romana et Getica. Prooemium // MGH. Auct. Antiquiss. B., 1882. T. V. Pars 1; *Dahn F.* Jordanis // Allgemeine Deutsche Biographie. Lpz., 1881. Bd. 14; *Gutschmid A.* Zu Jordanis // Kleine Schriften. Lpz., 1894, Bd. 5; *Wölfflin Ed.* Zur Latinität des Jordanes // Archiv für lateinische Lexikographie und Grammatik. Lpz., 1900. t.11; *Wattenbach W.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Weimar, 1952. Hf. 1; *Werner F.* Die Latinität der Getica des Jordanes. Halle, 1908; *Wagner N.* Getica: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten. B., 1967; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960 (2-е изд. СПб., 1997); *Wolfram H.* Geschichte der Goten. München, 1979.
- ³ См., например: *Korkkanen I.* The Peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica 116. Helsinki, 1975; *O'Donnell J.J.* The aims of Jordanes // Historia. 1982. № 31; *Thompson E.A.* Romans and Barbarians. The Decline of the Western Empire. Madison, 1982; *Goffart W.* The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon. Princeton, 1988; *Heather P.J.* Goths and Romans 332–489. N.J.: Oxford, 1991; *Christinsen A.S.* Cassiodorus, Jordanes and the History of the Goths: Studies in a Migration Myth. Copenhagen, 2002; *Санников С.В.* Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии Новосибирск, 2009; *Шкаренков П.П.* Образ власти на рубеже античности и средневековья: от империи к варварским королевствам: дисс. докт. ист. наук. М., 2009; *Зиньковская И.В.* Королевство Эрмана-риха. Воронеж, 2016.
- ⁴ *Iord.* Get. 113 ... ad nostrum limes...
- ⁵ *Буданова В.П.* Корпоративность раннесредневековой этнической общности: миф или реальность? // Социальная идентичность средневекового человека / Отв. ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уваров. М.: Наука, 2007. С. 302–308.
- ⁶ Обзор литературы см.: *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica). С. 7–61; *Wagner N.* Getica: Untersuchungen zum Leben des Jordanes und zur frühen Geschichte der Goten. B., 1967. S. 3–59; *Hachmann R.* Die Goten und Skandinavier. B., 1970. S. 15–143.
- ⁷ *Schwarz E.* Goten, Nordgermanen, Angelsachsen: Studien zur Ausgliederung der germanischen Sprache. Bern;München, 1951; *Idem.* Die Urheimat der Goten und ihre Wanderungen ins Weichselland und nach Südrussland // Saeculum, München, 1953. Bd. IV. Hf. 1. S. 13–26; *Idem.* Die Krimgoten // Saeculum, München, 1953. Bd. IV.

- Hf. 1. S. 156–164; *Idem.* Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956; *Reinert H.* Vorgeschichte der deutschen Stämme. Bd. III. Ostgermanen und Nordgermanen. Lpz.;B., 1940; *Helbling H.* Goten und Wandalen: Wandlung der historischen Realität. Zürich, 1954; *Klein K.K.* Germanen in Südosteuropa // Völker und Kulturen Südosteuropas. München, 1959. S. 32–56; *Idem.* Frithigern, Athanarich und die Spaltung des Westgotenvolks am Vorabend des Hunneneinbruchs (375 n. Chr.) // Südostforschungen. 1960. Bd. 19. S. 34–51; *Rosenfeld H.* Goten und Greutungen // Beiträge zur Namenforschung. Heidelberg, 1956. Bd. 7. Hf. 2. S. 195–206; Bd. 8. Hf. 1. S. 36–43; *Idem.* Ost- und Westgoten // Welt als Geschichte. Stuttgart, 1957. Jg. 17. Hf. 4. S. 245–258; *Idem.* Vermischung der alten Gotenstämme // *Ibid.* Hf. 1–3. S. 1–245; *Idem.* Kultur der Germanen // Abriss der Geschichte antiker Randkulturen. München, 1961. S. 17–38.
- ⁸ См., например: Die Völker an der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhundert. Wien, 1980; Late Antiquity: Empire and Successors., A.D. 425–600 / Ed. A. Cameron, B. Ward–Perkins, M. Whitby. Cambridge, 2000; *Heather P.J.* Op. cit; Interpreting Late Antiquity: Essays on the Postclassical World / Ed. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge, 2001; *Christinsen A.S.* Op. cit; *Goffart W.* Op. cit; *Idem.* Barbarian Tides. The Migration Age and the Later Roman Empire. Philadelphia, 2006; *Idem.* Romes Final Conquest: the Barbarians // History Compass. 2008, № 6/3. P. 855–883; Regna and Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World. Brill;Leiden, 2003; *Ward–Perkins B.* The Fall of Rome and the End of Civilization. Oxford, 2005; *Уколова В.И.* Культура остготской Италии // Средние века. М., 1983. Вып. 46; *Она же.* Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). М., 1989; *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 1999; *Она же.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000; *Щукин М.Б.* Готский путь. СПб., 2005; *Шкаренков П.П.* Указ. соч.; *Он же.* «Римский миф» на рубеже эпох: историческая память и исторический нарратив // Новый исторический вестник. М., 2008, № 1. С. 20–30; *Он же.* Падение Римской империи: стереотипы историографии и новое прочтение источников. Там же. С. 233–239; *Санников С.В.* Указ. соч.; *Он же.* Произведение Иордана «О происхождении и деяниях гетов (Getica) как источник для изучения процесса становления королевской власти у германских народов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск, 2007. Т. 6. Вып. 1: История. С. 3–9.
- ⁹ *Teillet S.* Des Goths à la Nation gothique. Les origins de l'idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècle. Paris, 2011; *Coumert M.* Jordanès // Les Barbares / Dir. Br. Dumézil. Paris, 2016, P. 814–817.

Где переписывались книги для вологодского архиепископа Ионы (Думина)?

В статье рассматривается вопрос о происхождении рукописей, которые переписывались по поручению вологодского архиепископа Ионы (Думина) (1588–1603 гг.). На основе анализа текстов выходных записей рукописных книг и других источников делается вывод о написании большинства из них в монастырях вологодской епархии. Для Ионы также могли переписывать рукописи и в московском Чудовом монастыре. Это могло быть связано с тем, что его настоятелями в последней четверти XVI в. являлись лица, которые были связаны с вологодской кафедрой.

Ключевые слова: Рукописная книга, книжность, Русская церковь, XVI век, вологодская кафедра, источниковедение, текстология.

К числу наиболее известных книжников России рубежа XVI–XVII вв. принадлежал Иона (Думин). С именем этого архиерея, в 1588–1603 гг. занимавшего вологодскую кафедру, в 1603–1604/05 гг. – ростовскую, связано составление двух крупных литературных памятников – особых редакций Жития Александра Невского и Степенной книги – а также происхождение и бытование не менее 25 рукописных книг¹. Точное место переписки подавляющего большинства из них неизвестно. Возможности решения вопроса об их происхождении на основании использования исключительно кодикологических методов (прежде всего, посредством анализа бумаги и почерков) ограничены двумя обстоятельствами. Во-первых, в рассматриваемый период бумага могла распространяться на достаточно широкой территории, что существенно снижает точность атрибуции рукописей на основе филологического анализа². Во-вторых, нередкие случаи перехода писцов из одной обители в другую осложняют процесс атрибуции

рукописей на основании изучения почерков³. С этим связана необходимость привлечения наряду с данными кодикологии и иных сведений. Итоги обобщения тех и других позволят представить более или менее аргументированную гипотезу относительно места переписки книг для столь известного лица. Решение этого вопроса важно как для изучения биографии одного из руководителей Русской церкви данного периода, так и для рассмотрения более общих проблем книжной культуры.

Общеизвестно, что переписанные по поручению Ионы книги были вложены во Владимирский Рождественский монастырь, в котором он ранее принял постриг. Среди них есть немало датированных. К их числу относятся: список Апокалипсиса и Жития Иоанна Богослова 1590/91 г.⁴, толковое Евангелие 1590 г.⁵ и 1591 г.⁶, толковая Псалтирь перевода Максима Грека 1591/92 г.⁷, список Кормчей 1591/92 г.⁸, сборники Бесед Иоанна Златоуста 1591/92 г.⁹, 1592 г.¹⁰, 1592/93 г.¹¹ и 1592/93 г.¹², а также сборник поучений Феодора Студита 1592/93 г.¹³

Выходные записи этих рукописей содержат сведения о месте переписки лишь некоторых из них. Так, точно известно место переписки списка 1590/91 г. Апокалипсиса и Жития Иоанна Богослова¹⁴: рукопись переписывалась в стенах вологодского Павло-Обнорского монастыря. Как сообщает выходная запись рукописи 1592/93 г. из собрания М.Н. Тихомирова, содержащей первую половину сборника Бесед Иоанна Златоуста¹⁵, она была «писана на Москве з добрых переводов». С определенной долей гипотетичности можно допустить московское происхождение и второй половины сборника Бесед Иоанна Златоуста 1592/93 г.¹⁶

Московское происхождение какой-то части книг Ионы (Думина) можно связать с уже отмеченной в литературе его вероятной связью с крупнейшим книгописным центром столицы – Чудовым монастырем. Возможно, около 1589 г. на основе материалов, хранящихся в этой обители, Иона составил особую редакцию Степенной книги¹⁷. Ее древнейшие списки, согласно наблюдениям О.Л. Новиковой и А.В. Сиринова, имеют чудовское происхождение¹⁸. Читатель вправе спросить: чем могли быть обусловлены связи архиерея отдаленной от Москвы епархии с крупнейшим монастырем столицы?

В поисках ответа на этот вопрос обратим внимание на некоторые факты биографии двух настоятелей Чудова монастыря последней четверти XVI – начала XVII в. Его архимандрит Христофор (1579–1587 гг.)¹⁹, несомненно, проявлявший интерес к книжному делу²⁰, ушел на покой. Куда именно он ушел нам неизвестно. Однако Опись имущества крупнейшей вологодской обители –

Спасо-Прилуцкого монастыря – под 1593 г. фиксирует «стихарь подризной отлас полосат, оплечье камка зелена. Данье бывшего чудовского архимарита Христофора»²¹. В этом же источнике упомянут и другой вклад этого же лица: «Да поставление бывшего чудовского архимарита Христофора – образ Предста Царицы Одесную Тебе обложен серебром, венец золочен»²². Также Опись Прилуцкого монастыря 1593 г. фиксирует и другой вклад – «данья бывшего архимарита Христофора. Библия печатная, в десть (вероятно, экземпляр Острожской Библии. – А. У.). Псалтырь следованием в полдесть»²³. Даже если Христофор ушел на покой не в Спасо-Прилуцкий монастырь, а в какую-то другую обитель (например, остался в Чудове²⁴), факт его связи с вологодской епархией несомненен. Он мог обуславливаться тем, что Христофор либо принял там постриг, либо какое-то время проживал в прилуцкой обители. Нельзя исключить того, что Христофор, даже оставаясь на покое, мог способствовать укреплению связей Чудова монастыря с вологодской кафедрой.

Именем Христофора перечень «вологодских» настоятелей Чудова монастыря не исчерпывался. В 1595–1604 гг. его архимандритом являлся Пафнутий, который в 1605 г. займет крутицкую (сарскую и подонскую) кафедру²⁵. Он был поставлен в чудовские настоятели из иноков Павло-Обнорского монастыря, в котором принял постриг и прожил значительное время²⁶. С известной долей гипотетичности можно предположить, что вологодский архиерей, регулярно приезжавший в столицу для участия в работе главного органа церковного управления Освященного собора²⁷, мог рекомендовать патриарху Иову игумена «своей» обители. Вероятно, в свете этих связей и следует рассматривать вопрос о вероятном чудовском происхождении книг, переписанных по поручению Ионы (Думина).

Закономерен вопрос: где выполнялись остальные заказы вологодского владыки? Принимая во внимание состояние источниковой базы – прежде всего, отсутствие прямых указаний в текстах выходных записей – обратимся к косвенным данным и отметим ряд обстоятельств.

1. Прежде всего, зафиксируем, что Иона (Думин) в соответствующий период занимал вологодскую кафедру.
2. По крайней мере, одна рукопись – список 1590/91 г. Апокалипсиса и Жития Иоанна Богослова²⁸ – была переписана в одной из вологодских обителей (в Павло-Обнорском монастыре).
3. В записи толкового Евангелия 1590 г.²⁹ его писец – «многогрешный чернец Веньяминище» – именует заказчика (Иону) «господином». Аналогичным образом его именует

и писец Евангелия 1591 г. (его имя неизвестно)³⁰. Очевидно, что данное обращение можно рассматривать как свидетельство того, что писец в той или иной мере зависел от заказчика.

4. Хотя связь Ионы с Владимирским Рождественским монастырем несомненна, имеющийся в нашем распоряжении материал не дает оснований предполагать, что в этой обители по его распоряжению переписывали книги. Не приходится сомневаться в том, что эта обитель, до 1561 г. занимавшая первое место в иерархии русских монастырей (после этой даты – второе), являлась крупным культурным центром³¹. Однако о рукописях, переписанных в этой обители в рассматриваемый период нам ничего неизвестно. Выявив более 700 русских датированных книг XVI в. в более чем 30 архивохранилищах, нам не удалось обнаружить ни одной, которая, согласно тексту выходной записи, переписывалась в этом монастыре.
5. Обратим внимание на набор источников, которыми располагали писцы, работавшие по поручению Ионы. В записях соответствующих книг, отмечается, что они писались «с различных добрых переводов». О каких именно рукописях шла речь? Записи рукописей 1590 г.³² и 1591 г.³³, содержащих тексты толкового Евангелия, вносят ясность в этот вопрос. Запись первой рукописи отмечает, что она «писана с прилуцкаго переводу, а правлена с Каменского монастыря и с Павловского переводов, а прилуцкой перевод тут же в свидетельстве был» (содержание записи второй рукописи аналогично). Как уже отмечалось в историографии³⁴, речь идет о книгах из вологодских обителей – Спасо-Прилуцкого, Спасо-Каменного и Павло-Обнорского монастырей. По крайней мере, в одном из них – Павло-Обнорском – по поручению Ионы переписали, по меньшей мере, одну рукопись (Апокалипсис и Житие Иоанна Богослова 1590/91 г.³⁵).
6. В связь с возможным вологодским происхождением рукописей, переписанных по поручению Ионы (Думина), поставим важное наблюдение А.Г. Сергеева. Исследователь выявил ряд крупных текстуальных параллелей в выходных записях некоторых книг, переписанных по поручению Ионы, с выходной записью сборника поучений Василия Великого 1542/43 г. Он был переписан знаменитым старцем Артемием в находящейся неподалеку от Кирилло-Белозерского монастыря Перфирьевой пустыни (Артемий являлся постриженником Корнилия – основателя вологодского Комельского монастыря). Сравним соответствующие фрагменты:

Поучения Василия Великого, 1542/43 г.36	Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея (вторая половина), 1592/93 г.37
<p>«Отцы святии и братие, прочитающе книгу сию и послушающеи вси и пользующеися, не забудьте помолитися за многогрешнаго инока Артемья, написавшаго книгу сию многим подвигом. Яко да ваших ради святых молитв даст ми человеколюбец Бог покаание в разум истинный возникнуть от дьявольския сети. Егда скончатся живот мой Господа ради и любовныя Его заповеди помяните душу мою за упокои и в сенаник напишите понеже и аз вашего же стада заблудышее овча и пострижение приях от руки отца Корнилия аще и недостоин есмь. Обаче и в сем безутешном месте глаголемыя Перьфиревы пустыни седох по благословению его плакаться грех своих в лето 7044»</p>	<p>«Отцы святии и братия! Прочитающе святую книгу сию Беседы евангельския и послушающеи вси и пользующеися не забудьте помолитися за многогрешнаго инока Иону повелевшаго святую книгу сию написати от многога желания и от усердия. Яко да ваших ради святых молитв даст ми человеколюбец Бог покаание в разум истинный возникнуть от дьявольския сети. Егда же скончатся живот мой Господа ради и любовныя Его заповеди помяните душу мою за упокои и в сенадик напишите понеже и аз вашего стада заблудышее овча и пострижение приях от руки отца архимарита Захарии потом бысть во Тфери епископ таже и архиепископ. Аще и недостоин есмь обаче в сем безутешном месте седох плакаться грех своих в лета 7000»</p>
<p>«Молю же всех читающих книгу сию, вегда обрести прилучится кому в неи негде опись или недопись или некое погрешение за грубость ума моего Бога ради исправляйте, и мене в том простите, а не клените понеже худоумен есмь. А писал есмь не с единого списка, но с различных переводов»</p>	<p>«Молю же всех читающих святую книгу сию вегда обрести прилучится кому в неи негде опись или недопись или некое погрешение за грубость ума моего Бога ради исправляйте и меня в том простите, а не клените понеже худоумен есмь. А писана не с единого списка, но с различных добрых переводов»</p>

По мнению А.Г. Сергеева, выходная запись рукописи 1542/43 г. могла послужить непосредственным источником записей книг, переписанных по поручению Ионы (Думина)³⁸. Представленные историком текстуральные параллели убедительны, однако вывод представляется несколько прямолинейным.

На наш взгляд, ситуация могла быть несколько сложнее: в вологодских обителях – в комельской и связанных с ней – не позднее 1542/43 г. писцами мог использоваться образец (своеобразный формуляр) выходной записи³⁹. Так, наряду с двумя отмеченными

А.Г. Сергеевым рукописями⁴⁰, данные параллели характерны и для шести других книг, которые также переписывались по поручению Ионы (Думина)⁴¹. Со сходной ситуацией мы имеем дело и в случае с двумя другими комплектами рукописей: несомненно переписанными в Чудовом монастыре Четвыми минеями (1599/1600 гг.) и, вероятно, переписанными там же Годуновскими Псалтирями (1590/91–1602 гг.). Выходные записи соответствующих рукописей содержат значительный объем параллелей. Скорее всего, речь шла об использовании общих источников, которые, по-видимому, хранились в одном месте⁴². Возможно, сходным образом дело обстояло и с рукописями Ионы (Думина). Соответственно, выявленные А.Г. Сергеевым параллели стоит рассматривать как важный аргумент в пользу вологодского происхождения рукописей, которые поручил переписать Иона.

Таким образом, вероятно, большинство рукописей Ионы (Думина), переписывалось на территории подвластной ему епархии. При этом привлекались писцы и материалы ее крупнейших обителей: по крайней мере, Павло-Обнорского, Спасо-Прилуцкого и Спасо-Каменного монастырей. Условия выполнения этих поручений неясны. С одной стороны, «повеление» правящего архиерея (т. е. использование «административного ресурса») могло являться единственным стимулом для писца-инока из обители, находящейся на территории подвластной ему епархии. С другой, известно, что, даже выполняя поручения «своего» игумена или архиерея, писец мог получать вознаграждение («смену»). На это указывают приходо-расходные книги монастырей, фиксирующие факты оплаты труда писцов-иноков. Так, расходная книга соловецкой обители за 1579–1581 гг. отмечает, что «старец Боголеп крылошанин писал книгу Богослов, дано ему от письма (т. е. за работу. – А. У.) полчетверта рубля»⁴³. Известно, что вознаграждение выплачивалось и нескольким писцам (их имена и статус неизвестны), которые в Новгороде по поручению новгородского архиепископа Макария в 1533–1534 гг. переписали знаменитое Боровское Евангелиетр⁴⁴.

Судя по всему, какая-то часть книг для Ионы (Думина) могла быть переписана в московском Чудовом монастыре. Его связь с вологодской кафедрой в последней четверти XVI в. в значительной мере обуславливалась тем, что два чудовских архимандрита являлись выходцами из вологодских обителей: один (Пафнутий) несомненно, второй (Христофор) – предположительно.

- ¹ Обзор основных фактов биографии Ионы (Думина), а также его участия в книжной культуре России XVI – начала XVII в. см.: *Мансикка В.П.* Житие Александра Невского (Разбор редакций и текст). М.: ОЛДП, 1913. С. 177–200; *Флоря Б.Н.* О реконструкции состава древнерусских библиотек // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М.: Наука, 1972. С. 57–59; *Буланин Д.М.* Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Т. 36. Л.: Наука, 1981. С. 73–74, 77–78; *Он же.* Вологодский архиепископ Иона Думин и рукописная традиция сочинений Максима Грека // Источниковедение литературы Древней Руси. Л.: Наука, 1980. С. 174–180; *Кукушкина М.В.* Книга в России в XVI веке. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. С. 123–126; *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. С. 170–200; *Брюханова Е.В., Э.П.Р.* Иона (Думин) // Православная энциклопедия. Т. 25. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. С. 456–457.
- ² Об этом, например, см.: *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. С. 141–148.
- ³ Об этом см.: *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М.: Наука, 1980. С. 81–87; *Усачев А.С.* О некоторых случаях «горизонтальной мобильности» иноков-писцов в России XVI века // Румянцевские чтения – 2017. 500-летие издания первой славянской Библии Франциска Скорины: становление и развитие культуры книгопечатания: Мат. междунар. науч.-практич. конф. (18–19 апр. 2017). Ч. 2. М.: Пашков дом, 2017. С. 210–213.
- ⁴ ОР РНБ. Ф. 166. Q. № 225.
- ⁵ НИОР РГБ. Ф. 292. № 59.
- ⁶ НИОР РГБ. Ф. 292. № 34.
- ⁷ ОР ГИМ. Собрание А.И. Хлудова. Д. 4.
- ⁸ ОР ГИМ. Музейское собрание. № 3471.
- ⁹ НИОР РГБ. Ф. 98. № 24.
- ¹⁰ КГИАиХМЗ. КОК. 17.212/56.
- ¹¹ ОРК ГПНТБ СО РАН. Собрание М.Н. Тихомирова. № 4.
- ¹² ОР РНБ. Ф. 550. № F.I.898.
- ¹³ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 3917.
- ¹⁴ ОР РНБ. Ф. 166. Q. № 225.
- ¹⁵ ОРК ГПНТБ СО РАН. Собрание М.Н. Тихомирова. № 4.
- ¹⁶ ОР РНБ. Ф. 550. № F.I.898.
- ¹⁷ *Сиренов А.В.* Указ. соч. С. 191.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Новикова О.Л., Сиренов А.В.* Сделано в Чудове // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Т. 55. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 441–450.
- ¹⁹ *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1877. Стб. 163.

- ²⁰ Известно, что он лично переплетал рукописи. Об этом, например, см.: *Новикова О.Л., Сиренов А.В.* Указ. соч. С. 450.
- ²¹ Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты. Вологда: Древности Севера, 2011. С. 34.
- ²² Там же. С. 43.
- ²³ Там же. С. 44.
- ²⁴ Косвенный аргументом в пользу того, что Христофор покинул Чудов монастырь, является отсутствие упоминания его имени в числе соборных старцев Чудова монастыря в документах этой обители, составленных после его ухода на покой (см.: *Кистерев С.Н.* Акты московского Чудова монастыря 1507–1606 гг. // Русский дипломатический. Вып. 9. М.: Древлехранилище, 2003. С. 219. № 96). Общеизвестно, что после своего ухода на покой игумены входили в число соборных старцев. Последние, играя важную роль в управлении обителью, как правило, упоминались в основных монастырских документах.
- ²⁵ *Строев П.М.* Указ. соч. Стб. 163, 1035.
- ²⁶ Об этом, например, см.: *Соловьев Н.А.* Сарайская и крутицкая епархии // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1894. Кн. 3. С. 63.
- ²⁷ В XVI в. он собирался почти ежегодно, а в ряде случаев и чаще (см.: *Усачев А.С.* Как часто собирались церковные соборы в России XVI в.? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3(61). С. 120–121).
- ²⁸ ОР РНБ. Ф. 166. Q. № 225.
- ²⁹ НИОР РГБ. Ф. 292. № 59.
- ³⁰ НИОР РГБ. Ф. 292. № 34.
- ³¹ Об этом см.: *Буланин Д.М.* Владимирский Рождественский монастырь... С. 71–79.
- ³² НИОР РГБ. Ф. 292. № 59.
- ³³ НИОР РГБ. Ф. 292. № 34.
- ³⁴ См.: *Флоря Б.Н.* О реконструкции состава... С. 57–58; *Сиренов А.В.* Указ. соч. С. 174.
- ³⁵ ОР РНБ. Ф. 166. Q. № 225.
- ³⁶ ОР ГИМ. Собрание А.С. Уварова. № 255-1°. Л. 450 об.–451.
- ³⁷ ОР РНБ. Ф. 550. № F.I.898. Л. 377 об.–378.
- ³⁸ *Сергеев А.Г.* Библиотека Корнильево-Комельского монастыря: Проблемы реконструкции // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 482.
- ³⁹ На это указывают некоторые особенности выходных записей, которые чем-то иным кроме использования образцов объяснить трудно. Самым ярким таким примером является упоминание «государя имярек» (!) в выходной Евангелия 1516 г. (см.: ОР РНБ. Ф. 550. № F.I.764. Л. 319). В связи с возможностью существования подобных формуляров поставим и наблюдения, которые сделаны в искусствоведческой литературе. В ней высказывалось мнение об использовании в крупных книгописных центрах «орнаментальных подлинников», которые служили образцами для миниатюристов (например, см.: *Серебрякова Е.И.* К вопросу о псковском происхождении группы иллюминированных рукописей XVI в. из собрания Отдела рукописей ГИМ // Палеография, кодология, дипломатика: современный опыт исследования греческих, латинских

и славянских рукописей и документов: мат. междунар. науч. конф. Москва, 27–28 февр. 2013 г. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 298).

⁴⁰ См.: КГИАиХМЗ. КОК. 17.212/56; ОР РНБ. Ф. 550. № F1.898.

⁴¹ Для списка 1590/91 г. Апокалипсиса и Жития Иоанна Богослова (ОР РНБ. Ф. 166. Q. № 225), списка 1591/92 г. Псалтыри толковая Максима Грека (см.: ОР ГИМ. Собрание А.И. Хлудова. Д. 4), списка 1591/92 г. Кормчей (см.: ОР ГИМ. Музейское собрание. № 3471), списков 1591/92 и 1592/93 гг. Бесед Иоанна Златоуста (см.: НИОР РГБ. Ф. 98. № 24; ОРК ГПНТБ СО РАН. Собрание М.Н. Тихомирова. № 4), списка 1592/93 г. Огласительных поучений Феодора Студита (см.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 3917).

⁴² Подробнее см.: *Усачев А.С.* О происхождении Годуновских Псалтирей и текстологии выходных записей рукописных книг XVI в. // Исторические записки. М.: Наука, 2016. Вып. 16 (134). С. 156–171.

⁴³ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571–1600 гг. / сост. Е.Б. Французова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. С. 190.

⁴⁴ Как сообщает выходная запись этой рукописи, «доброписцу чернописному, сиречь книжному, в дано две тысящи сребрениц противу трудов его в московское число, живописцу иконному четыреста сребрениц, златописцу же заставочному писцу и статеиному писцу тысяща сребрениц и четыреста в московское число» (см.: ОР ГИМ. Музейское собрание. № 3878. Л. 1 об.–3).

Н.В. Ростиславлева

Историческое знание в Германии XIX века: между философскими вызовами и историзмом

В статье рассматриваются особенности познания прошлого историками Германии XIX в. Показано, какое влияние оказали на немецкую историографию схемы Просвещения, как и почему происходило их преодоление, почему «метод Ранке» обрел в Германии огромную популярность, а созданная им школа стала своеобразным фильтром, не допускавшим вторжение философии в историческое познание, что проявилось в масштабной дискуссии академического сообщества против историка-позитивиста К. Лампрехта. Автор показывает ее значение для развития исторического знания Германии в XX в.

Ключевые слова: историческое знание Германии XIX в., Гейдельбергская школа, школа Ранке, К. Лампрехт.

Европейский XIX век прошел под знаком расцвета исторического знания. Пальма первенства в развитии исторических штудий, без сомнения, в XIX в. принадлежала немецким ученым, которые продемонстрировали как виртуозную работу с источниками, так и оригинальное освоение философского наследия.

В Германии становлении истории как науки связано с профессором Геттингенского университета А.Л. Шлёцера (вторая половина XVIII в.), который посещал Россию и внес немалый вклад в формирование норманнской теории. Он востребовал инструментарий эпохи Просвещения и подходил к истории с рационалистических позиций. В фокусе его внимания находилась история государства и права, он активно использовал в своих работах статистику, без которой, по его мнению, не было истории. В духе века Просвещения и его кумира Вольтера Шлёцера интересовала всеобщая история, границы которой были существенно расширены Вольтером, включившим в всемирно-историческую схему такие страны как Индия и Китай. Геттингенский историк начал писать свою всеобщую историю, но опубликовал только первые три тома.

Философия рационализма была для Шлёцера основой в выстраивании своей схемы всеобщей истории.

В XIX в. историческое знание не могло остаться в стороне от дискуссий о влиянии просветительских конструкций на познание прошлого. «Король философов» Вольтер провозгласил важнейший принцип историографии Нового времени: «Историку нужно быть философом»¹. Со второй половины XIX в. Европу захлестнуло увлечение философией позитивизма, которое не обошло и Германию. На осмысление истории повлияла философия Шеллинга и Гегеля. С другой стороны, именно немецкая историческая наука продемонстрировала образцы историзма. Как писал Ф. Мейнеке, «это движение (к историзму. – *Н. Р.*) продолжало следовать по великому общеевропейскому пути, и венец достался немецкому духу. Он совершил тем самым свое второе великое дело после Реформации»².

В XVIII в. с позиции разума пытались объяснить все сферы человеческой жизни. Созданные на основе разума проекты общественного и государственного переустройства в отрицании традиции видели правильный и наиболее короткий путь к их реализации. Французская революция конца XVIII в. вызвала среди мыслителей разочарование в возможностях разума и стала началом конца популярности философии рационализма. Чем определялась приверженность отдельных немецких историков XIX в. философским схемам Просвещения?

Карл фон Роттек (1765–1840) – известный либеральный политик и историк из Великого герцогства Баден – был назван немецким философом В. Диппелем последним рационалистом XVIII в.³ Исторические сочинения баденского либерала – это наглядный пример проникновения рационализма в трактовку всемирной истории. В его девятитомной «Всеобщей истории» есть глава «Философия истории. История истории», где он писал: «Философия вдыхает в историю жизнь и позволяет современникам использовать ее опыт»⁴.

В духе Просвещения Роттек с пиететом относился к идее прогресса. Он замечал: «У человечества есть детство, затем оно становится старше и не возвращается больше к колыбели»⁵. Критерием прогресса историк считал достижения в культуре⁶, проявление большего гуманизма к людям. Идея гуманности как важного качества человеческого рода, которое отличало его от мира животных, была высказана И.Г. Гердером⁷, который таким образом уже начал освобождаться от оков рациональности и продвигаться в направлении романтической историографии. В творчестве Роттека идеал гуманности был связан с культурными достижениями

человечества. Однако приоритетным для него оставалась основанная на рационалистических выкладках теория естественного права, которое он называл в своих работах разумным правом. Баденский либерал писал: «...без знания разумного права собственно история имеет только полцены, так как ей будет не хватать яркой идеи для понимания и оценки исторических событий»⁸. Эта теория была фундаментом всей системы общественно-политических взглядов Роттека⁹. Как либеральный политик он стремился свои идеи осуществить на практике, а рационализм был для него важной основой для разрыва с традицией. Поэтому он выстраивал всемирно-историческую схему на основе философии рационализма. По его мнению, в изучении всеобщей истории важнее результат исторического процесса, нежели отдельные факты, которые должны быть всего лишь основой для философских умозаключений. Историк – более воспитатель, чем ученый, поэтому Роттек считал возможным не использовать источники при создании своих сочинений, а обращался к опубликованным трудам, отбирая материал с позиции своих идейных и политических ориентиров¹⁰. Воспринимая идеалы гуманизма, историк в согласии с Гердером делал шаг навстречу романтизму, который рассматривал прошлое как преддверие настоящего. Именно так он воспринимал некоторые сюжеты Средневековья, не отвергая, как это делали просветители, его достижений.

В первой половине XIX в. изучение истории стало популярным и востребованным поприщем деятельности. Самые сильные умы Германии проявляли интерес к ней. Это не случайно, так как после наполеоновских войн, немецкие интеллектуалы, стремившиеся к созданию единого государства, обдумывали основы национальной идентичности, не упуская из виду роль Пруссии и прусского государства в этом. Такие немецкие историки как Ф.К. Шлоссер, Ф.К. Дальман, Г. Гервинус, И.Г. Дройзен и, конечно, великий Л. фон Ранке обрели общеевропейскую известность. История стала в Германии наиболее популярной сферой гуманитаристики, а историки властителями дум немецкого общества. Отсутствие политического единства сказалось на гетерогенности ориентиров историков и наличии различных школ и направлений.

Морально-прагматический подход к истории можно обнаружить в исторических трудах Фридриха Кристофа Шлоссера (1776–1861), который тяготел к Канту. Наиболее известные труды Шлоссера – это восемнадцатитомная «Всемирная история» и восьмитомная «Истории восемнадцатого столетия», которые были переведены на русский язык и отредактированы Н.Г. Чернышевским¹¹. Созданная Шлоссером историческая школа часто

обозначается как Гейдельбергская. К ней относились такие историки как Л. Гейссер, Г. Гервинус, В. Циммерман, близок к ней был и Ф.К. Дальман. В согласии с идеалами Просвещения они создавали «Всеобщие истории», но это уже не является маркером их приверженности схемам Просвещения, так как, например, тот же Шлоссер, при написании своей «Всемирной истории» использовал источники и стремился к достоверности, а не к реализации философской схемы. Историки Гейдельбергской школы интересовались хронологически близкими к ним сюжетами. В фокусе их познавательных интересов находились Французская революция конца XVIII в.¹², эпоха Реформации в Германии и иные революции Нового времени. Однако это школа практически утратила свое значение после смерти своего лидера. Что касается Дальмана, то он получил известность и как историк, и как политик независимо от Гейдельбергской школы

Ф.К. Дальман (1785–1860) – известный историк и политик немецкого Севера – был самостоятельной фигурой. Основа его познания истории – это политика и прежде всего нерешенный шлезвиг-гольштейнский вопрос. Эти герцогства находились в XIV в. под властью Дании, но были преимущественно населены немцами. Он начал свою карьеру историка в Кильском университете, где читал лекции по истории античности, но параллельно занимался исследованием истории Севера Европы, прежде всего датского королевства. Его лекции не содержали в себе исследовательской компоненты, но были заострены на проблемы, которые волновали северных немцев. Взгляд Дальмана на историю отличается от роттековских представлений. История для него – это не предмет для философских абстракций и «априорных пророчеств будущего»¹³.

Дальман интересовался важнейшими для Севера Германии темами. В духе Гейдельбергской школы, он считал, что только Реформация XVI в. создает условия для универсальной истории, отвергая при этом просветительский взгляд на историю, превращавший ее во вспомогательную дисциплину и, критикуя антиисторизм Просвещения¹⁴. Дальман считал, что историю «необходимо изучать вместе с политикой и правом... поэтому политика должна изучаться также, как и другие науки»¹⁵. Необходимость решения Шлезвиг-Гольштейнского вопроса, выбор пути продвижения к единому германскому государству стали основами познания истории для Дальмана. Он сумел одним из первых сформулировать актуальную для XIX в. проблему «историк и политика» и сам добился практически равного признания и как историк, и как политик.

Руководствуясь политическими приоритетами, он утверждал, что Шлезвиг и Гольштейн – это датская территория, но что ему невозможно понять жителя герцогств, который бы назвал себя датчанином, поскольку герцогства – не отечество для датчан, а часть нашего отечества¹⁶. Тема герцогств была в центре коллоквиума «Historia patriæ», который он организовывал ежегодно.

Одновременно Дальман создавал труды как довольно профессиональный историк. Его двухтомный труд «Исследования в сфере истории», опубликованный в 1822–1823 гг., отличается обширной источниковая база и использование филологического метода критики источников¹⁷. Работу «О Кимоновском мире»¹⁸ антиковеды считают одной из самых удачных. Дальман проверил достоверность сообщений о заключении мира между Афинами и Персией, которое состоялось в V в. до н. э. Мир называется по имени сына Мильтиада Кимона, одержавшего над персами в 466 г. до н. э. двойную победу (на суше и на море) в устье реки Эвримедонте. Историк сопоставил данные Фукидида, Геродота, Платона, Плутарха, Исократы и, проявив взвешенное доверие к источникам, подчеркнул, что, скорее всего, это был не мир (греко-персидские войны окончательно завершились Калиевым миром 449 г. до н. э.), а перемирие, а Кимонов мир обязан своим происхождением риторической традиции¹⁹. Это достижение Дальмана до сих пор сохраняет свое значение в антиковедении.

В 1830 г. уже как профессор Геттингенского университета историк опубликовал ставшее в дальнейшем очень знаменитым «Источниковедение немецкой истории»²⁰, что подтверждает амбивалентность его ориентиров. В 1840 г. появилась трехтомная «История Дании» (1840 г.)²¹, в которой сочетается использование метода Ранке и политический запрос либералов немецкого Севера. В создании этой работы он использовал такие источники как сага и исландская поэзия, отмечая, что «некоторые исторические элементы, которые содержатся в сагах, может быть исчезнут, но останутся зерна, которые до сих пор оплодотворяют историю»²². С другой стороны, историк писал: «Лично у меня нет особой любви к предмету моих занятий, но хотелось бы изучить те отношения между герцогствами и королевством, которые показывают, как сложилось их взаимное неприятие»²³. Найти истоки формирования Шлезвиг-Гольштейнского вопроса, наметить пути его решения – это те проблемы, которые волновали современную Дальману Германию.

Политический запрос немецкого общества отчетливо читается в его работах «История английской революции (1844 г.) и «История французской революции до учреждения республики» (1845 г.)²⁴. С 1844 по 1848 гг. «История английской революции»

выдержала пять изданий, но заслужила критику профессионального сообщества, прежде всего из-за многочисленных фактических ошибок²⁵. Это было время, когда Ранке и его ученики уже имели прочные позиции в исторической науке Германии. Более того, анализ сетей цитирования историков Гейдельбергской школы показывает, что даже среди ближайших учеников Шлоссера, например, в трудах Л. Гейсера, преобладали сноски на произведения Ранке²⁶, что заставляет признать, что она во второй половине XIX века занимала лидирующие позиции.

Историческая школа Ранке или Берлинская школа продолжает вызывать интерес современных исследователей²⁷. Л. фон Ранке (1795–1886) был родом из Тюрингии. Изучал богословие в университетах Лейпцига и Гале, его профессиональная деятельность связана с Берлинским университетом. В 1841 г. он был назначен придворным историографом. Его историческое наследие состоит из более чем 50 томов. В русских переводах выходили только некоторые сочинения Ранке («Об эпохах новой истории», «Три Габсбурга», «История Сербии», «Государи и народы Южной Европы», «Римские папы в последние четыре столетия»). Из семинара Ранке вышли такие известные историки как Г. Зибель, Г. Вайтц, Ф. Гизебрехт, Г. Гирш и др.

Взлет Ранке как историка начался в 1824 г., когда тот опубликовал свой первый труд «История романских и германских народов в 1494–1535 гг.» с сопутствующим источниковедческим очерком «К критике новейших историков»²⁸, где представил свой подход к анализу источников, который вскоре среди историков стал обозначаться как метод Ранке. Суть метода – показать, как это собственно было, не навязывая никаких философских схем, а твердо следуя принципу, что «истинное учение заключается в познании фактов»²⁹.

В этом очерке он показал, как историк может установить объективность и историческую правду, привлекая дополнительные источники, выясняя их происхождение, изучая биографии авторов, определяя достоверность каждого источника и, конечно, сравнивая их. Он понимал, как трудно найти истину, «отделить от правды ложь и из различных известий выбрать то, которое в самом деле заслуживает предпочтения»³⁰. Метод возник не на пустом месте. Ранке опирался на методику филологического анализа Вольфа и Б.Г. Нибура. Другие историки применяли его как бы на ощупь (например, Шлоссер), тогда как Ранке «отвлек его от бессознательного фактического применения и обобщил в логическую формулу, которую отныне школьным путем можно было передать целому поколению второстепенных историков»³¹. Как отмечал еще в начале XX века В.П. Бузескул: «...критический метод Ранке

сводится к тому, чтобы держаться как можно больше источников. <...> ...строгое описание фактов, как бы условно и некрасиво оно ни было», для него «высший закон»³². В 1825 г. Ранке пришел в качестве профессора в Берлинский университет, где произвел «революцию» в историческом образовании.

Важный момент его занятий со студентами – это научное развитие самого преподавателя³³. В рамках исторического семинара Ранке студенты Берлинского университета изучали источники, они сами выбирали темы, но эти темы хорошо вписывались в научные интересы профессора. Ранке давал студентам конструктивные указания в изучении источников и, обсуждая с ними их научные результаты, корректировал тем самым и свои исследовательские изыскания. Абсолютно правомерно по этому поводу Я. Буркхардт замечал, что в семинаре Ранке в смысле каких-то результатов ничего не выходило, но «при этом было огромное преимущество, мы постигали исторический метод»³⁴.

Другое крупное достижения Ранке – это активное использование архивных источников. К известным и хорошо использовавшимся нарративным источникам он прибегал в крайнем случае и только в качестве вспомогательных средств. Преимущественный его интерес к истории международных отношений и внешней политики объяснялся и тем, что именно по этой теме было много архивных источников. Практически все свои многочисленные труды он написал на архивных материалах.

В истории исторического знания за Ранке закрепился имидж объективного историка³⁵, но это скорее прокламирование, так как тот понимал невозможность абсолютной объективности, но полагал, что историк должен стремиться к ней.

Ранке как историк не поддается, на наш взгляд, жесткой дефиниции. Он гораздо масштабнее и полностью не вписывается в четкие рамки. Идеал прогресса был также ему не чужд. Прогресс, по его мнению, осуществляется не по прямой линии, скорее это был поток, который по-своему прокладывает себе дорогу, «каждая эпоха стоит в непосредственном отношении к Богу и ее ценность основана вовсе не на том, что из нее выйдет, а на ее существовании, на ее собственном «Я». Историк подчеркивал индивидуальность, самоценность любой эпохи и выступал против какой-либо генерализации в истории»³⁶. Историк писал: «Каждая эпоха имеет собственную тенденцию. Свой собственный идеал, но нельзя упускать из виду того, что вышло из этой эпохи»³⁷.

Работа Ранке «Об эпохах новой истории» иллюстрирует, что обобщения были не чужды историку. Сочинение состоит из девятнадцати лекций, которые были прочитаны баварскому королю

Максимилиану II. В лекциях отражен огромный пласт всеобщей истории: от Римской империи до Второй империи во Франции. Лекционная форма изложения материала заставляла Ранке кратко и точно формулировать суть эпохи, создавать ее образ-символ и обязательно определять перспективные линии. Так ключевые идеи, характеризующие наполеоновскую эпоху: революция и Наполеон. Наполеон – гений в области управления и преемник Карла Великого» «несчастный поход в Россию», угасание эпохи.

В своем последнем фундаментальном труде «Всемирная история» Ранке не хотел опускать оценки. Это сочинение осталось незаконченным. Подбор материала характеризует позицию автора – прежде всего того интересует происхождение романо-германских народов, взлет и падение Германской империи. Работа осталась незаконченной из-за смерти историка. В этой связи важны замечания Э. Трельча о том, что не может быть чисто созерцательной всемирной истории и «Всемирная история» Ранке не составляет исключения из этого правила³⁸. Индивидуальное, однократное – это те ценности, которые в конце XIX в. были реанимированы представителями баденской школы неокантианства.

С появлением позитивизма и история вновь испытала влияние философии.

Карл Лампрехт (1856–1915) – немецкий историк-позитивист – выступил за пересмотр самого предмета истории. Его главный труд «История Германии» вызвал резкую критику со стороны профессионального сообщества Германии. По мнению таких известных историков как Г. фон Зибеля, М. Ленца, Ф. Рахфала, Г. Онкена, Ф. Мейнеке, Г. фон Белова, без изучения государства истории как науки и нет вовсе. Немецкие историки видели основу единения немцев в единстве политической культуры. Это было основой в изучении прошлого исторической школой Ранке, а позже историками малогерманцами во главе с Г. Трейчке, которые прославляли прусское государство. Лампрехт не уделил должного внимания государству, сосредоточившись на экономических и культурных вопросах развития Германии³⁹, и его критиковали за материализм, многочисленные фактические ошибки, неуважение к Ранке, не принимали мнение автора о связи гуманитарного знания и естественных наук. Только Ф. Мейнеке понял, что Лампрехт использует новую методологию, но сам отвергал позитивистский подход к познанию истории и продолжал настаивать на приоритете политической истории и необходимости ее познания с позиций историзма. Он писал: «Ядром историзма является замена генерализирующего способа рассматривания исторических и человеческих сил, рассмотрением индивидуализирующим⁴⁰.

Именно торжество принципов школы Ранке, огромное влияние на профессиональное сообщество таких историков-неоранкеанцев как Ф. Мейнеке, О. Хинтце привело германское историческое сообщество к отказу от осмысления новых моделей познания истории и к довольно поздней институционализации социальной истории как влиятельного направления исторической науки. Немецкое историческое знание вплоть до 1960-х гг. проявляло повышенный интерес к истории государства, его институтам, внешней политике и приписывало именно ему главную роль в развитии и успехах Германии, что очевидно оказало влияние на трагичность развития страны в XX в.

 Примечания

- ¹ Цит по: *Коллингууд Р.Дж.* Идея истории. М.: Наука, 1980. С. 5; см. об этом также: *Ростиславлева Н.В.* Зарождение либерализма в Германии: Карл фон Роттек. М.: РГГУ, 1999. С. 70–71.
- ² *Мейнеке Ф.* Возникновение историзма. М.: РОССПЭН, 2004. С. 6.
- ³ Цит по: *Ростиславлева Н.В.* Германские либералы первой половины XIX века. М.: РГГУ, 2010. С. 68.
- ⁴ *Rotteck C. v.* Allgemeine Geschichte. vom Anfang der historischen Kenntniss bis auf unsere Zeiten / Bearb. von Carl von Rotteck. Freiburg i. Br., 1834. 9 Bde. Bd. 1. S. 27 (далее – AG).
- ⁵ Цит. по: *Ganter E.* Karl v. Rotteck als Geschichtsschreiber. Freiburg i. Br., 1908. S. 107.
- ⁶ Роттек довольно широко толковал понятие «культура», включая в него государственное устройство и формы правления, законы и обычаи, развитие ремесла и торговли, религию, науку и искусство. См.: *Rotteck C. v.* AG. Bd. 1. S. 233.
- ⁷ См.: *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.
- ⁸ *Rotteck C.v.* Lehrbuch des Vernunftsrechts und der Staatswissenschaften. Stuttgart, 1829–1835. 4 Bde Bd.1. S.84 (далее – LdV).
- ⁹ См. о взглядах К. фон Роттека: *Ростиславлева Н.В.* Зарождение либерализма в Германии.
- ¹⁰ В основном Роттек использовал труды по всеобщей истории: *A general history of the world of empires etc.* / by W. Guthrie esg. J. Gray. London, 1764–1767; *Gatterer J.K.* Handbuch der Universalgeschichte. Göttingen, 1765; *Elémens de l'histoire générale* par l'Abbé Millot. Paris, 1772; *Schlözer A.L.* Vorstellung der Universalgeschichte. Göttingen, 1772; *Müller I.v.* Vier-und-zwanzig Bücher allgemeiner Geschichte, besonders der europäischen Menschenheit. Tübingen, 1817; *Schlosser F.C.* Weltgeschichte in zusammenhangerer Erzählung. Frankfurt/M., 1815–1824, Роттек также привлекал сочинения по отдельным периодам, например: *Bachmeister St.L.* Beitrage zur Geschichte Peters des Großen. Riga, 1774–1794.

- ¹¹ См.: *Шлоссер Ф.К.* Всемирная история: В 18 т. СПб., 1861–1879; *Он же.* История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи: В 8 т. 2-е изд. СПб., 1868–1871.
- ¹² *Гейссер Л.* История французской революции. М.: Ленанд, 2018. 536 с.; *Он же.* История реформации: В 4 т. М.: URSS, 2015; *Он же.* История Реформации. Т. 4. Реформация и революция в Англии. М.: URSS, 2015; *Гервинус Г.Г.* История девятнадцатого века: от времени Венского конгресса: В 3 т. СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1873. В
- ¹³ См. об этом подробнее: *Springer A. Friedrich Christoph Dahlmann.* Leipzig, 1870–1872. 2 Bde. Bd. 1. S. 69–71.
- ¹⁴ См. подробнее: *Ростиславлева Н.В.* Германские либералы первой половины XIX века. С. 240.
- ¹⁵ Цит. по: *Springer A.* Op. cit. Bd. 1. S. 73.
- ¹⁶ *Ростиславлева Н.В.* Германские либералы первой половины XIX века. С. 225–299.
- ¹⁷ *Dahlmann F.C.* Forschungen auf dem Gebiete der Geschichte. Altona, 1822–1823. 2 Bde.
- ¹⁸ *Dahlmann F.C.* Über den Cimonischen Frieden // Ibid. Bd. 1.
- ¹⁹ См. об этом подробнее: *Ростиславлева Н.В.* Германские либералы первой половины XIX века. С. 243–244.
- ²⁰ *Dahlmann F.C.* Quellenkunde der deutschen Geschichte. Göttingen, 1830.
- ²¹ *Dahlmann F.C.* Geschichte von Daennemark. Hamburg, 1840–1843. 3 Bde. В предисловии ко второму тому издания историк объясняет, почему именно такое написание Дании (правильное написание – Daenemark) он предложил в названии работы: это дань средневековой традиции, так пишут шведы, но главное так говорят в Шлезвиге и Гольштейне и повсюду на датском побережье Балтийского моря. См.: *Geschichte von Daennemark.* Bd. 2. S. VIII.
- ²² Ibid. Bd. 1. S. 14.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ *Dahlmann F.C.* Geschichte der englischen Revolution. Leipzig, 1844; *Dahlmann F.C.* Geschichte der französischen Revolution bis auf die Stiftung der Republik. Leipzig, 1845.
- ²⁵ См. об этом подробнее: *Gumplach J. v.* Erläuterung und Berichtigungen zu Dahlmanns Geschichte der englischen Revolution. Die Tudors. Darmstadt, 1845. См.: *Springer A.* Op. cit. Bd. 2. S. 149–150.
- ²⁶ *Гейссер Л.* История реформация. С. 89, 97, 111, 114, 121, 175, 186, 195, 262, 328, 502 и т. д.
- ²⁷ *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997; *Мяжков Г.П.* «Нестор немецкой историографии» или «камердинер истории»? Историки России в спорах о Ранке // Диалог со временем. 2001. № 6. С. 40–79; *Iggers G.* Geschichtswissenschaft im 20. Jahrhundert. Ein kritischer Überblick im internationalen Zusammenhang. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. S. 25–29.
- ²⁸ *Ranke L. von.* Geschichte der romanischen und germanischen Völker. Zur Kritik neuer Geschichtsschreiber. Leipzig: Dunker und Humblot, 1884.

²⁹ См.: Ibid.

³⁰ Цит по: *Бузескул В.П.* Из истории критического метода. Ранке и Штенцель // Известия академии наук СССР. VI серия. 1926. Т. 20. Вып. 12. С. 1124.

³¹ Цит по: *Биск И.Я.* Методология истории: Курс лекций. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2007. С. 59.

³² Цит по: *Бузескул В.П.* Указ. соч. С. 1123.

³³ См. об этом подробнее: *Berg G.* Leopold von Ranke als akademischer Lehrer. Göttingen, 1968. S. 51–55.

³⁴ Цит по: Ibid. S. 55.

³⁵ См. об этом подробнее: *Вебер Б.Г.* Историографические проблемы. М.: Наука, 1974. 336 с.; *Iggers G.* Op. cit. S. 28.

³⁶ См.: *Ростиславлева Н.В.* От Шлоссера к Ранке: Истинная или мнимая прерывность исторического знания. М., 2001. С. 213–220.

³⁷ *Ранке Л. фон.* Об эпохах новой истории. М.: Тип. И.А. Баландина, 1898. С. 4.

³⁸ *Трельч Э.* Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. С. 195.

³⁹ См. подробнее о дискуссии вокруг К. Лампрехта: *Ростиславлева Н.В.* Рецепция творчества К. Лампрехта в Германии и России // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2005. С. 177–189.

⁴⁰ *Мейнке Ф.* Указ. соч. С. 6.

Историческое знание как инструмент гуманитарной экспертизы

Г.Г. Ершова

Поиск идентичности современными общинами майя: возвращение к истокам?

Восстановление нематериального наследия древних майя стало социальной проблемой. Общины ищут собственную идентификацию, основываясь на «знаниях предков», опираясь при этом на случайные публикации. Независимое социально-культурное развитие региона было кардинально прервано дважды: в X и XVI вв. В настоящее время возник социальный заказ со стороны общин майя – создать свою историю, используя разрозненные элементы, случайные концепции и вольные интерпретации. Этот феномен народной «исторической реконструкции» обусловлен социальными причинами, определяющими попытку со стороны майя не только доказать общинные права на землю и ресурсы, но и на место в современном обществе.

Ключевые слова: Мезоамерика, общины майя, культурная традиция, самоидентификация, историческая реконструкция, знания и технологии.

В последние десятилетия реконструкция индейскими общинами древнего нематериального наследия майя, как духовного, так и научного, превратилась в целый узел социальных и даже политических проблем. Актуальность темы вызвана сложной социально-экономической ситуацией, в которой к началу XXI в. оказались индейские общины Мексики и Гватемалы. Она отличается политической изоляцией общин от национальных и региональных проектов; практической недоступностью полноценного образования, невозможностью интегрироваться в современное пространство. Следует учитывать специфический фактор, сыгравший роль катализатора: огромное количество доступной научно-популярной литературы, околоисторического толка. В информационном

пространстве строится картина, рассчитанная на формирование у иностранцев специфического образа коренного жителя Америки: индеец в этническом костюме с мобильным телефоном в руке как нечто удивительное, что вскрывает подлинное отношение к индейцу как существу неспособному к полноценной интеграции в современное научное пространство и современное общество. С другой стороны, сложилась особая популистская политика со стороны приезжающих зарубежных исследователей (особенно из США), заключающаяся в привлечении аборигенов к «интерпретации» памятников археологии и эпиграфики, что провоцирует среди малограмотных индейцев иллюзию существования «знаний по крови».

Необходимость антропосистемного анализа данного феномена возникла в процессе полевых исследований среди различных майяязычных общин Юкатана (Мексика) и Горной Гватемалы в 1997–2016 гг. Этому способствовали постоянные обращения со стороны индейских общественных организаций с просьбами о лекциях и курсах по темам культуры, верований и знаний древних майя. Как оказалось, главным для индейцев горной Гватемалы был вопрос: а действительно ли они майя или нет? Причиной такого вопроса стал тот факт, что незнание истории, связанной с событиями X в., а также непонимание законов развития языка продолжают ставить киче, какчикелей, кекчи и других майяязычных индейцев в тупик в интерпретации собственных истоков.

Причины поисков самоидентичности со стороны аборигенных народов

Важно отметить, что майя не являются единственной этнической группой, заинтересованной в реконструкции «древнего знания» как части процесса поиска собственной идентичности. Этот феномен отмечается повсеместно в мире и характерен для аборигенных народов, которые в силу исторических обстоятельств оказались вынужденными жить внутри социо-политической модели, не являющейся результатом собственного развития, но принятой под давлением извне. То есть, в определенной степени, аборигенные базовые социальные образования вынуждены вписывать собственные традиционные нормы в структуру чуждой социальной и политической системы.

Подобные ситуации складываются по нескольким историческим схемам:

- насильственная социо-культурная и/или экономическая интеграция в границах единой территории;

- добровольная социо-культурная и/или экономическая интеграция в границах единой территории;
- колонизация территории, находящейся за пределами собственной территории захватчика;
- политическое интегрирование целостного сформировавшегося социо-культурного комплекса.

Ситуация, в которой оказывается интегрированная в чуждую систему группа, всегда уникальна, хотя можно наблюдать и достаточно схожие модели. Мировая история – это прямое свидетельство того, что в разные времена практически все этносы (тому у каждой страны есть собственные неизбежные примеры) пережили этот процесс интеграции в антропосистему в той или иной форме. Покоренные превращаются в колонизаторов, а позже сами оказываются колонизированными, как это происходило на протяжении многих веков на Иберийском полуострове.

Общины майя: общее и специфическое

Любопытны и причины появления самого феномена реконструкции «мудрости предков» (буквально «знаний дедушек», как это именуется в дискурсе современных майя). Для общин майя низменностей на Юкатане характерно следующее:

- положительный политический дискурс со стороны правительства Мексики, декларирующий права населения и заботу о нем;
- пользование традиционными территориальными ресурсами;
- достаточно стабильная ситуация (после Войны Каст XIX в.);
- уверенность в том, что они – майя по происхождению;
- сложное экономическое положение;
- ограниченное образование;
- малоэффективные (иногда вредные) социальные программы;
- развитие иностранного туризма на Полуострове Юкатан.

Возможности вузовского образования: на Юкатане существует несколько государственных университетов, включая Университет Восточной части в Вальядолиде, ориентированный на маяязычных студентов¹. Образовательные программы выстроены вокруг преподавания языка и традиций майя.

Ситуация в Гватемале несколько иная:

- отсутствие диалога в политическом дискурсе, политическая нестабильность (гражданская война) вплоть до 1990-х;
- сложная экономическая ситуация;
- сомнения в своем майяском происхождении;

- крайне ограничен доступ к образованию, включая начальную школу;
- недостаточность или практически отсутствие социальных программ.

Вузовское образование: в Гватемале существует единственный государственный университет – Автономный Университет Сан Карлос.

В подобных условиях, когда правительство оказывается не в состоянии решить задачу народного образования, возникают своеобразные образовательные проекты «снизу» – индейские университеты с программами развития языков майя и сохранение индейских традиций². Кроме того в Гватемале возник уникальный успешный проект – создание открытого образовательного Института Междисциплинарных исследований (IEIRA) с бесплатным дистанционным преподаванием курсов через электронные учебники³.

Проблема прерывания культурной традиции в истории майя

Независимое развитие общества майя было прервано дважды: в X и XVI вв. В X в. эффективность или, точнее, неэффективность системы власти как и политической системы не смогла противостоять давлению комплекса нараставших проблем. Знаменитый «коллапс майя» был обусловлен несколькими факторами, связанными с проблемами развития знаний и технологий⁴. Политический фактор стал одним из важнейших. Он связан с архаической системой власти, основанной на системе родства. Старая модель еще оказывается эффективной в политическом устройстве города-государства майя классического периода, препятствуя одновременно объединению этих городов-государств по причине невозможности разрешения структурного конфликта родства между властными «кланами». Таким образом, по разным причинам архаическая политическая модель уже не работала на дальнейшее развитие антропосистемы в регионе⁵. Была полностью утрачена и прервана классическая религиозная, научная и культурная традиция майя. На уровне цивилизационного развития обозначился сильный регресс как в плане социальном, так и технологическом⁶.

Первые века постклассического периода стали временем поисков новых политических моделей и парадигм, переоценки культурного и социального наследия. Результатом стало появление на Юкатане государства майя нового типа – более мобильного

и устойчивого. Произошла глобальная утрата древнего научного знания, системы образования деградировала.

Испанское завоевание XVI в. окончательно уничтожило ту систему знаний, которую удалось сформировать в постклассический период. В колониальном периоде все «древнее знание» майя перешло в устную традицию, в виде пересказов, содержание которых уже было непонятно самим майя, обретя статус «мифов» и «легенд».

Прерывание культурной традиции неизбежно предполагает:

- разрушение социо-политической модели;
- изменение общинных и хозяйственных отношений;
- введение новых технологий;
- чуждую религиозную модель, отрицающую собственную и приводящую к религиозному синкретизму;
- практически полную утрату системы традиционных знаний и технологий.

Проблема «вернувшегося» знания

Общины майя, как и некоторых других индейских групп, находятся в поиске самоидентичности, основываясь на «мудрости предков», не имея сформированного представления о подлинной древности знания.

Компаративный анализ деятельности по «восстановлению мудрости предков» майя Юкатана и майя горной Гватемалы демонстрирует некоторую разницу в подходах и способах решения. Поиски идентичности никак не связаны с «панмайнизмом», возникшим в конце прошлого века как политический проект, не получивший признания у индейского населения. Проект изначально был предложен западными борцами за права индейцев течения «new age» в 1970-е гг. в качестве концепции «этноразвития» для защиты «прав майя». Этнолингвистическое объединение майя отказалась нереализуемым даже для подписания в 1996 г. «Мирного договора» в завершение гражданской войны в Гватемале. Лидеры киче, привыкшие получать деньги от североамериканской программы USAID⁷, создали несколько «центров преподавания» языка майя-киче. Однако по разным причинам эти центры так и не были ни признаны, ни приняты остальным большинством майяязычных общин страны. Подобные проекты нацелены на активизацию «гражданской культуры» в качестве одной из форм навязывания западного видения «правильного поведения»⁸. В период социальных волнений 2016–2017 гг. ярко проявилось использование

некими политическими силами организованных групп индейцев в качестве «майданной силы».

Можно выделить следующие области особого интереса, которые выделяют индейские общины для построения идентичности.

1. Язык как форма сохранения идентичности

Сохранение языков майя предполагает, прежде всего, защиту языков, которые находятся под угрозой исчезновения. Это движение имеет два вектора: «сверху вниз» – государственный, под давлением международных институтов, и «снизу вниз» – общинный, ориентированный на этническую самоидентификацию и определенную изоляцию от государства. Использование языка майя среди ориентированной на развитие, интеграцию в современное общество молодежи майя считается символом отсталости без будущего. Второй фактор – попытки со стороны старшего поколения общины и политических демагогов сохранить традиционный уклад как нечто «священное» и неизменяемое по определению. В результате этого конфликта между развитием и консервацией молодежь зачастую предпочитает уход из общины, которая постепенно неизбежно умирает.

В истории человечества единство языка всегда обладало статусом важного общественно значимого элемента идеологии для утверждения права на целостность и независимость. И современная ситуация с языками майя в Мексике и Гватемале позволяет понять многие механизмы этого феномена.

2. Национальный костюм как символ идентичности

Костюм является видимым символом идентичности, поскольку изначально несет семиотические элементы (детали, орнаменты), указывающие на место человека внутри традиционной системы родства и его социальный статус в общине. Важно отметить, что в большинстве общин национальный костюм является обязательным для ношения исключительно для женщин, что предопределено половым дихрономорфизмом (социо-культурным проявлением полового дихрономорфизма)⁹. С этой точки зрения особенно любопытны общины, где сохраняется именно мужской «национальный костюм» – чаще всего у руководства общинного самоуправления. В случае современных майя «традиционный» мужской костюм берет свое начало в эпохе испанской колонизации и является доказательством отсутствия реальной исторической памяти в общинах майя.

Традиционная гастрономия

Пищевой рацион не рассматривается современными майя в качестве объекта для реконструкции традиций, что объясняется исключительно функциональной значимостью питания для всякого населения. В диету легко включаются любые продукты, решающие проблему выживания – например, рис, который индейцы искренне считают таким же собственным «традиционным» продуктом как маис или фасоль. Исследования традиционной гастрономии, которые ведутся в Гватемале с 1930-х, убеждают в том, что все структурные экономические преобразования приводят к закреплению сбалансированного типа питания по западным канонам¹⁰.

Традиционная медицина

Эта область древнего знания остается наиболее сохранный в силу отсутствия, по сути, доступа к медицинскому обслуживанию – в индейских общинах нет врачей, доступных больниц, ресурсов на покупку лекарств. Однако «восстановление» этого знания в целом сводится в каталогизации используемых целебных растений.

История майя

В настоящее время сформировался определенный социальный заказ со стороны майя – переписать древнюю историю, используя при этом разрозненные факты, случайные концепции и вольные интерпретации. В современных общинах майя представления об историческом прошлом редко превышают период в пару веков. Отсутствие формальных знаний не позволяет реконструировать историческое прошлое, оценки которого, как правило, ограничиваются общим осуждением конкисты. Примечательно, что при желании не составило бы труда обратиться к существующим доступным публикациям подлинных документов эпохи и во всем разобраться¹¹. Однако историческая подлинность реконструкций не является задачей общинных историков.

Второй ключевой момент касается событий Войны Каст, представленных в крайне избирательной и субъективной форме. Тем не менее, в отличие от изложения версии «черной легенды», события XIX в. подкреплены собственными материалами, включающими собранные свидетельства участников.

В индейских общинах Гватемалы существует иной подход к «историческим реконструкциям». Свою роль сыграло наличие эпических текстов на индейских языках. Эти записанные латиницей тексты появились в качестве документов, подтверждающих исторические права общин на земли. Речь идет о следующих документах:

- «Родословная Владык из Тотоникапана» (XIX в.)¹²;
- «Родословная Йаш и другие документы киче из Тотоникапана»¹³;
- «Анналы какчикелей» («Мемориал из Солоты»¹⁴ – предположительно датируется XVII в., опубликовано в XIX в.;
- «Пополь Вух» – предположительно датируется XVI в., обнаружен в XVIII в., опубликован в XIX в.¹⁵

В результате все «исторические реконструкции» сводятся к различным интерпретациям этих малопонятных для современных индейцев текстов. При этом сами киче, какчикели, кекчи и др. группы не понимают, являются ли они «майя» согласно этим документам, откуда появились их языки, не способны определить своего места в историческом прошлом, а также связи между своими предками и науаязычными захватчиками, появившимися после X в. Знания, почерпнутые из разного рода публикаций только усложняют самоидентификацию.

Математика

В данном случае речь идет о результатах обучения через многочисленные несложные популярные книги по «математике майя», опубликованные в последние десятилетия. Надо сказать, что вся математическая терминология, включая числительные после трех, заимствуется из испанского языка. Вся «древняя математика» сводится к освоению цифровой записи майя.

Астрономия

Этот тип знаний имеет исключительно практический характер, будучи применяемым для расчетов необходимых календарно-хозяйственных циклов. Попыток обратиться в древней астрономии не наблюдалось по причине отсутствия необходимости.

Календарь

Календарь, главной целью которого всегда было определение сельскохозяйственных циклов, отчасти вечен, так как, если утратить основы расчетов, община оказывается обреченной на голод.

Любопытно, что до настоящего времени дошло достаточно много локальных календарных систем, в которых активно используются древние термины и концепции (почерпнутые из литературы). Эти системы интерпретируются по-разному – но все функциональны.

Эпиграфика

Эта область представляет наиболее сложный раздел «мудрости предков», так как требует специфических знаний и академической подготовки. Однако вульгарная профанация этой области науки приводит к появлению бесконечного числа «интерпретаций», выдаваемых за чтение текстов.

Сами интерпретации бывают разного типа:

- знаков;
- текстов;
- псевдочтения;
- фальсификации.

Известны случаи, когда местные «ученые» начинают изобретать на основе рукописей майя фантазийные мировоззренческие системы, ориентированные на поддержание общинной идеологии. Люди, занимающиеся подобной работой, скорее напоминают жрецов, ориентированных на создание новой идеологии идентичности.

«Космогония»

Этот сюжет также возник благодаря работам антропологов и даже, скорее, эзотериков «new age» поскольку сам термин не имеет никаких соответствий в языках майя, будучи абсолютно «западным» по происхождению. Достаточно отметить, что для майя «космос» как таковой не существовал вовсе, поскольку картина мира предполагала двоичность пространства, поделенную между живыми («реальный» мир в современном определении) и мертвыми («потусторонний» мир). При этом концепты «реальный» и «нереальный» вовсе не существовали. Для них все, включая сверхъестественное, является реальностью, относящейся к разным пространствам единого вполне реального мира¹⁶. Предпринимаемые попытки «реконструкции космогонии майя», по сути, представляются созданием новой искусственной конструкции на основе современных эзотерических разнородных публикаций. Новые индейские идеологи начинают повторять, адаптируя к собственному пониманию, эти фантазийные сюжеты.

Цели новых исторических построений

Реконструкции, которую декларируют индейские общины, представляют собой некую утопическую попытку вернуться к продолжению собственных научно-технических традиций, исключив весь долгий период «западного» развития. Лейтмотивом в устных текстах стариков («песнях») является идея о «сохранении традиций предков», что, якобы, обеспечит счастливую жизнь – совсем как в далекие мифологические времена.

Однако цель, толкающая общины к поискам собственной истории, определяется необходимостью исправить чудовищную для современности ситуацию с социальной маргинальностью и образованием, которая становится все более очевидной для общин майя в силу все более открытого доступа к информации.

Надо отметить, что в официальной истории Гватемалы, да и Мексики, практически не отводится места для истории коренных этнических групп, так как до колонизации не существовало государственного пространства. Поэтому история стран Латинской Америки начинается фактически с колонизации и излагается с точки зрения евроцентризма истории колонизатора. Тогда как доколумбову периоду отводится краткое, в основном археологическое введение¹⁷.

Заключение

Традиция реконструкции «знаний предков» является у групп майя неким аналогом «исторической памяти», включенной в современный контекст. И потому относится и к прошлому, и к настоящему, и к будущему.

Возникает проблема социальной ответственности историков, которые должны принимать во внимание необходимость оказания помощи общинам майя в реконструировании прошлого, традиций и духовных представлений. Возможно, есть необходимость создания реестра данных, относящихся к нематериальному наследия древней цивилизации.

Важной задачей для общества в целом становится поиск новых форм интегрирования индейской молодежи в общецивилизационное пространство, чтобы обрести выход из состояния экономической отсталости с опорой на собственные силы и ресурсы. Все это должно помочь молодежи майя преодолеть сформированное на протяжении пяти веков чувство социальной неполноценности, обрести майязычным группам идентичность и на этой основе полноценно интегрироваться в современное пространство мировой культуры.

- ¹ UNO Universidad de Oriente. [Электронный ресурс] URL: <http://uno.edu.mx> (дата обращения: 04.12.2017).
- ² Universidad Maya Kaqchikel. [Электронный ресурс] URL: <http://universidadmayakaqchikel.weebly.com> (дата обращения: 04.12.2017).
- ³ Instituto de Estudios Interdisciplinarios Rafael Ayau. [Электронный ресурс] URL: <http://ieira.edu.gt> (дата обращения: 04.12.2017).
- ⁴ Akkeren, van R. Xib'alb'a y el nacimiento del nuevo sol: Una visión posclásica del colapso maya. Ciudad de Guatemala: Ed. Piedra Santa, 2012.
- ⁵ Ершова Г.Г. Феномен родства в системе социальной организации древних майя. М.: РГГУ, 2017.
- ⁶ Ershova G. Epigrafía maya. Introducción al método de Yuri Knórosov. СЕМУК, Ciudad de Guatemala: ARA. 2013.
- ⁷ USAID (United States Agency for International Development) – Агентство США по международному развитию.
- ⁸ Ershova G. La Cultura cívica como efector de la estabilidad del antroposistema: A 50 años de la cultura cívica. Pensamientos y reflexiones. En honor al profesor Sydney Verba. Seminario internacional. México: UNAM, 2011. P. 311–322.
- ⁹ Ершова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. М.: РГГУ, 2003.
- ¹⁰ Esquivel Vasquez A. El Achiote en la gastronomía q'eqchi', estudio en el municipio de Chanal, Alta Verapaz // Tradiciones de Guatemala (77). Ciudad de Guatemala, 2012. P. 27.
- ¹¹ Scholles F., Adams E. Don Diego Quijada. Alcalde mayor de Yucatan: 1561–1565. 2 Tomos. México: José Porrua, 1938.
- ¹² Пополь-Вух / Родословная владык Тотоникапана / Пер. с яз. киче; Изд. подгот. Р.В. Кинжалов; Отв. ред. Ю.В. Кнорозов; Ред. изд-ва В.А. Браиловский. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 133–156.
- ¹³ El título de Yax y otros documentos quichés de Totonicapán / Carmack, R.M. y Mondloch, J.L. (ed.) Universidad Nacional Autónoma de México, Instituto de Investigaciones Filológicas, Centro de Estudios Mayas. Ciudad de Guatemala: UNAM, 1989.
- ¹⁴ Memorial de Sololá, Anales de los Kaqchikeles; Título de los Señores de Totonicapán / Ed. A. Recinos. Ciudad de Guatemala: Piedra Santa, 1998.
- ¹⁵ Пополь-Вух / Родословная владык Тотоникапана. С. 7–132.
- ¹⁶ Ершова Г.Г., Черноswiftов П.Ю. Наука и религия: новый симбиоз? СПб.: Алетейя, 2003.
- ¹⁷ Polo Sifontes F. Historia de Guatemala. Séptima Edición. Ciudad de Guatemala: Nueva Guatemala de Asunción, 2006.

XXII летние олимпийские игры 1980 г.: новые историографические тенденции

Двадцатое столетие коренным образом изменило значение спорта во всех сферах общественной жизни. При этом профессиональные российские историки до сих пор не воспринимают данную область в качестве полноценной темы для научного исследования. Олимпийские игры 1980 г. в Москве, ставшие одним из важнейших спортивных событий в истории СССР, в последние годы привлекают всё больше внимания со стороны специалистов в различных отраслях гуманитарного знания. Историографический анализ существующих работ показывает, что, несмотря на маргинализацию темы, российские историки в настоящее время также готовы приступить к ее полноценному изучению.

Ключевые слова: Олимпиада-80, российская историография, спортивная история, спорт в СССР, олимпийское движение.

В XX в. спорт стал неотъемлемой частью экономики Запада, а в социалистических обществах выполнял функцию физического и морального оздоровления каждого человека, являясь при этом одним из инструментов государственной пропаганды. С изобретением оружия массового поражения, которое исключило возможность начала масштабных вооруженных конфликтов между сверхдержавами, на спорт начали «экстраполироваться психосоциальные мотивы войны»¹.

При этом долгое время историческая наука не воспринимала область физкультуры и спорта в качестве полноценной темы для научного исследования. В особенно отчетливых формах это выразилось в России, где подобные вопросы зачастую считались сферой интересов специалистов в области физического воспитания, чьи интерпретации традиционно не выходят за рамки специфической профессиональной проблематики.

Олимпийские игры 1980 г. как одно из крупнейших спортивных событий в отечественной истории упоминались в пропаган-

дистской литературе советского времени исключительно в связи с внешнеполитическим кризисом конца 1970-х – начала 1980-х гг. Традиционно дискуссия развивалась вокруг выяснения обстоятельств бойкота Олимпиады и поиска его виновников, а экономические, социальные и культурные аспекты этого события не попадали в исследовательское поле специалистов². В 1990-х гг. данная проблематика практически не обсуждалась, а трактовки советского периода не претерпели серьезных изменений.

Возвращение интереса Российского государства к организации крупных спортивных турниров сделало тему актуальной уже в новом столетии, в связи с чем многие исследователи вернулись к традиционной дискуссии о виновниках бойкота, зачастую копируя выводы советской пропаганды 1980-х гг.³ Другие работы являлись скорее публицистическими, и их авторы не претендовали на научный анализ⁴. В литературе часто содержались радикальные выводы, которые вызывают мало доверия.

Однако за последние пятнадцать лет произошли и важные положительные сдвиги в изучении проблемы. Во-первых, были осуществлены издания работ западных исследователей, где открыто звучит призыв к включению спортивной проблематики в область современных исторических исследований. Например, в статье К. Айзенберг, опубликованной на русском языке в 2009 г., автор делает краткий экскурс в историю изучения спорта на Западе и утверждает, что спортивная история должна окончательно оформиться в рамках исторической науки, расширить методологическое, эмпирическое и тематическое поле исследования⁵. Важным событием также стала публикация на русском языке монографии историка искусств М. О'Махоуни, в рамках которой советский спорт рассматривается в широком контексте культуры и искусства⁶. Новый взгляд на роль спорта как культурного феномена в СССР, предложенный английским исследователем, вызвал определенную реакцию в российском научном сообществе⁷. Знакомство с достижениями западной науки в этой области привело и к попыткам историографического осмысления проблемы⁸.

Во-вторых, началось постепенное открытие архивных документов, связанных с подготовкой и проведением Олимпиады-80. В 2011 г. М.Ю. Прозуменщиков вместе с Н.Г. Томиловой и Т.Ю. Коновой осуществили публикацию 303 документов из архива РГАНИ, связанных с подготовкой Олимпиады-80, с целью санкционировать научное исследование проблемы⁹. Во вводной статье авторы на базе источников подробно проследили обстоятельства происхождения идеи об организации игр в СССР, указали на особенности ее реализации¹⁰. М.Ю. Прозуменщиков

начал разработку темы еще в 2004 г., когда опубликовал обобщающую работу о связи спорта и власти в СССР¹¹. Тем самым автор, с одной стороны, остался в рамках тенденции к изучению спорта в его связи исключительно с политической сферой, с другой, – продемонстрировал первый пример серьезного научного исследования в данной области, указав на необходимость тщательного изучения важнейших событий, и в первую очередь – олимпийских игр в Москве¹².

Еще одним положительным сдвигом в научном осмыслении Олимпиады-80 стал интерес к ней со стороны представителей других гуманитарных дисциплин. Наиболее важных достижений в этой области добились российские историки туризма и сервиса. Разработка проблемы началась с коллективной монографии под редакцией В.Э. Багдасарян, опубликованной в 2007 г.¹³ В ней историки пришли к выводу, что период проведения олимпийских игр в Москве является апофеозом «холодной войны» в туризме, когда Москва была фактически превращена в витрину коммунизма, а осторожная пропагандистская работа с иностранными гостями велась наиболее тщательно¹⁴. С точки зрения исследователей, в этот период наиболее явно проявилась особая советская форма взаимодействия с иностранцами – «шпиономания»¹⁵. Годом позже, результаты исследования особенностей туризма в период проведения олимпийских игр в Москве были представлены В.Э. Багдасарян в отдельной статье¹⁶.

Большой вклад в изучение влияния Олимпиады-80 в экономической сфере внес А.Д. Попов. Исследователь обосновывает вывод, что подготовка к играм явилась попыткой модернизации постиндустриального типа, которая проводилась традиционными для советского общества мобилизационными методами и была успешной лишь временно¹⁷. Свои утверждения автор иллюстрирует статистическими данными, которые свидетельствуют о действительно серьезных достижениях в реформировании сферы услуг и туристической инфраструктуры во всей европейской части государства. В другой статье А.Д. Попов показывает, что организация олимпийских игр стала периодом послабления в экономической политике СССР, своеобразной «репетицией капитализма», в рамках которой уже в конце 1970-х гг. проявились такие неприятные особенности российского бизнеса, как волонтаризм в принятии решений и коррупция¹⁸.

Новый взгляд на проблематику XXII летних олимпийских игр предложили и специалисты социологи, антропологи, психологи и урбанисты. Так, О. Чепурная и Р.В. Милованова предложили рассматривать Олимпиаду-80 с точки зрения западной концепции

«мегасобытия» – применимой к современным спортивным состязаниям высокого уровня, в рамках которых реализуется транснациональное сотрудничество и конкуренция¹⁹. Несмотря на желание по-новому определить степень влияния игр на советское общество, исследователи соскальзывают к традиционной дискуссии о виновниках политической конфронтации, указывая, что бойкот был в некоторой степени выгоден и советской стороне²⁰.

М. Вагина впервые оценила значение XXII летних олимпийских игр в развитии Москвы. В своей работе автор показывает, что уровень изменений, произошедших в городе в связи с подготовкой к Олимпиаде, сопоставим с теми новшествами, которые были привнесены в Москву со строительством первых линий метро в 1930-х гг. и других крупных проектов XX в.²¹ Автор утверждает, что игры стали поводом для совершения в Москве «урбанистического прорыва», который серьезно повлиял на дальнейшее развитие города.

Интересное исследование провел психолог А.В. Бабайцев, изучивший геометрические построения актеров во время церемоний открытия и закрытия игр с точки зрения транслируемых символов²². Автор считает, что символический ряд Олимпиады-80 был специально выстроен таким образом, чтобы через обращение к архетипам человеческого сознания создать образ мощного, но в то же время мирного и гостеприимного государства у жителей других стран, а также подарить нечто многообещающее жителям СССР, тем самым оправдав несостоявшийся прогноз на построение коммунистического общества²³.

Помимо перечисленных работ историографический интерес вызывают статьи С.Н. Долгова, Д. Воинова, В. Ищенко и Т. Райтель, которые рассмотрели некоторые частные аспекты из истории московских олимпийских игр²⁴. Впрочем, они носят скорее описательный характер, нежели аналитический, и не содержат новых методов исследования проблемы.

Несмотря на благоприятные условия, в современной российской науке до сих пор нет крупных исследований, посвященных изучению Олимпиады-80 в качестве полноценного исторического явления, имевшего большое значение в политическом, экономическом, культурном и социальном аспектах, что во многом связано с маргинализацией спортивной тематики в рамках научного дискурса. Как следствие, в современной литературе, посвященной олимпийским играм в Москве, продолжают занимать важное место трактовки советской пропаганды 1980-х гг. На смену им приходят либо спекулятивные заявления публицистов, зачастую незаинтересованных в качественном научном исследовании, либо

отрывочные попытки изучить данную проблематику с новых позиций, которые нуждаются в открытой дискуссии и историографическом осмыслении.

Примечания

- ¹ *Багдасарян В.Э.* Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е гг. М.: ФОРУМ, 2007. С. 210.
- ² См., например: *Новиков И.Т.* Олимпийский меридиан Москвы. М.: Физкультура и спорт, 1983; *Гуськов С.И.* Олимпиада-80 глазами американцев. М., 1982; *Заседа И.И.* Кто, как и почему борется против Олимпиад. Киев, 1983.
- ³ См., например: *Строганов Д.А.* Модернизационные процессы в обществе и возрождение олимпийских игр: политический аспект // Модернизационные процессы в обществе: философско-теоретические, исторические, социально-практические. Тверь, 2003. С. 119–120; *Он же.* Перспективы исследования политического аспекта олимпийских игр в контексте изучения отечественной истории // Культура и власть. Пенза, 2003. С. 164–166; *Он же.* Степень изученности роли политического фактора в истории Игр XXII Олимпиады 1980 г. в Москве в отечественной историографии // Сборник трудов аспирантов и соискателей Курганского государственного университета (гуманитарные науки). Вып. 4. Курган, 2003. С. 41–42; *Пуховская Н.Е.* Олимпийские игры 1980 и 2014 гг.: взаимосвязь спорта и политики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69). С. 149–152.
- ⁴ См., например: *Хлобустов О.М.* Олимпиада-80: «команда Андропова» против иностранных спецслужб. [М.]: Чекист.ру: информ.-аналитич. изд., сор. 2002–2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.chekist.ru/article/1727> (дата обращения: 15.10.2017); *Он же.* Олимпиада под грифом «Секретно» Электрон. дан. [М.]: Agentura.ru, сор. 2000–2011. Режим доступа [Электронный ресурс] URL: <http://www.agentura.ru/culture007/history/olimpiada> (дата обращения: 15.10.2017); *Митрохин Е.А., Теплухин Е.И., Юдин Д.С.* Проблемы и трудности организации XXII Олимпийских игр в г. Москве // Олимпиада-80: взгляд со стороны. Новосибирск, 2015. С. 74–79; *Теплухин Е.И., Юдин Д.С.* История летних олимпийских игр 1980 г. в Москве // Там же. Новосибирск, 2015. С. 69–74; *Иванов И.В., Петунина Н.Н.* Олимпиада-80: подготовка и безопасность // Там же. С. 33–37.
- ⁵ *Айзенберг К.* Открытие спорта современной исторической наукой // Логос. 2009. № 6 (73). С. 92–93.
- ⁶ *О'Махоуни М.* Спорт в СССР. Физическая культура – визуальная культура. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- ⁷ *Чепурная О.* Рецензия на книгу М. О'Махоуни // Laboratorium. 2011. № 3. С. 177–180.

- ⁸ *Баишев Н.И.* Спортивная повседневность в СССР как историографическая проблема // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 150–154.
- ⁹ Пять колец под кремлевскими звездами: Документальная хроника Олимпиады-80 в Москве / науч. ред. Н.Г. Томилина. М.: МФД, 2011.
- ¹⁰ Там же. С.5–32.
- ¹¹ *Прозуменищikov М.Ю.* Большой спорт и большая политика. М.: РОССПЭН, 2004.
- ¹² Там же. С.208.
- ¹⁴ *Багдасарян В.Э.* Указ. соч.
- ¹³ Там же. С.164.
- ¹⁵ Там же. С.197.
- ¹⁶ *Он же.* Олимпиада-80 и олимпийский туризм через призму «Холодной войны» // Современные проблемы сервиса и туризма. 2008. № 3. С. 10–27.
- ¹⁷ *Попов А.Д.* «Марафон гостеприимства». Олимпиада-80 и попытка модернизации советского сервиса // *Cashiers du monde russe*. 2013. Vol. 54. №1–2. С. 265–295.
- ¹⁸ *Он же.* Репетиция капитализма? Международная коммерческая деятельность Оргкомитета «Олимпиада-80» (1975–1980 гг.) // Вестник Харьковского Национального Университета им. В.Н. Каразина. 2014. Вып. 49. С. 129–143.
- ¹⁹ *Чепурная О.* «Олимпиада-80»: советское мегасобытие в контекстах «холодной войны» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 5 (70). С. 39–54; *Милованова Р.В.* Мегасобытие «Олимпиада-80»: Информационно-пропагандистский инструментарий советской дипломатии // Управление в современных системах. 2016. № 3. С.49–57.
- ²⁰ *Чепурная О.* «Олимпиада-80» ... С. 52.
- ²¹ *Вагина М.* Олимпийские игры 1980 г. как урбанистический прорыв // Время, вперед! Культурная политика в СССР. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 243–259.
- ²² *Бабайцев А.В.* Московская олимпиада: торжественный марш архетипов // Человечество. № 3. М.: Наука, 2005. С. 137–144.
- ²³ Там же. С.140–141.
- ²⁴ См., например: *Ищенко В., Райтель Т.* Олимпийские игры в Москве 1980 г. // Россия – Германия. Вехи совместной истории в коллективной памяти. Т. 3: XX в. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2015. С.317–329; *Воинов Д.* Типологизация влияния политики на современные олимпийские игры // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 5 (70). С.21–39; *Долгов С.Н.* Развитие структур государственной власти и общественных организаций СССР по подготовке и проведению Олимпиады-80 // Власть. 2014. № 1. С. 141–143.

Историческое образование: зарождение, становление, перспективы развития

Е.И. Пивовар, А.Б. Безбородов,
Т.И. Хорхордина

Зарождение и становление отечественного высшего историко-архивного образования: 1930-е – первая половина 1940-х гг.

В статье рассматривается становление отечественного историко-архивного образования, начало которому было положено созданным в 1930 г. Институтом архивоведения (с 1932 г. - Историко-архивный институт). В то же время отмечается преемственность научно-методических традиций, заложенных Петербургским и Московским археологическими институтами, готовившими архивистов. Анализируется процесс становления исторических и архивоведческих кафедр, а также разработки авторских учебных программ, придавших своеобразие вузу и способствовавших формированию широко образованного профессионала.

Ключевые слова: историко-архивное образование, Институт архивоведения, Историко-архивный институт, историческая наука, архивоведение, образовательная деятельность, архивный документ, источник.

В апреле 2016 г. отмечался 85-летний юбилей со дня начала деятельности нынешнего Историко-архивного института, в 1991 г. давшего начало Российскому государственному гуманитарному университету. Эту статью мы посвящаем всем, чьи имена навсегда вписаны в историю жизни и деятельности института периода его становления, тем, кого нет уже с нами. Благодарная память о тех, кто отдал Историко-архивному образованию свои знания, талант, силы, составляет нравственную основу процесса воспитания всех поколений наших выпускников.

3 сентября 1930 г. постановлением ЦИК и СНК СССР, принятым на основании ходатайства заведующего Центральным архивным

управлением СССР М.Н. Покровского, был создан Институт архивоведения, положивший начало отечественному историко-архивному образованию.

Формально Институт архивоведения (с 1932 г. получил название Историко-архивный институт, официально закрепленное в Уставе института в 1933 г.) был открыт 1 января 1931 г., однако обучение студентов началось в апреле. Первым директором был назначен Рейнгольд Карлович Лицит, который и провел подготовительную работу по организации института¹.

Уже в мае заместитель заведующего ЦАУ СССР В.В. Максаков предлагал срочно приступить к детальной проработке программ архивоведческих дисциплин на основе учебного плана, который необходимо было сформировать в тесной связи учебных занятий с архивным производством.

В сентябре 1931 г. Институт возглавил ученый секретарь ЦАУ Сергей Михайлович Абалин (1901–1956)². Новое руководство пополнило штат преподавателей, переработало учебный план и ввело производственную практику. Начальный период деятельности Института отмечен поисками действенных методов подготовки будущих архивистов: преподаватели искали наилучший подход к построению учебного процесса, пытаясь определить круг дисциплин, которые должны входить в учебный план³.

В первом, 1931/32 уч. г., был установлен двухлетний срок обучения. Вскоре, однако, выяснилась недостаточность такой продолжительности цикла для фундаментальной подготовки архивиста. Поэтому уже в 1933/34 уч. г. срок обучения увеличился до трех лет.

В учебный процесс были введены чтение систематических курсов лекций, проведение семинаров, экзаменов, защита дипломных работ. Такой классический формат обучения и контроля знаний заменил существовавший прежде бригадно-лабораторный метод.

В 1933 г. были созданы основное отделение для подготовки специалистов для государственных и ведомственных архивов и отделение партийных архивов.

Отнюдь не случайно Институт архивоведения был переименован в Историко-архивный институт (далее – ИАИ): победила преемственность научно-методических традиций, без опоры на которые оказалось невозможным подготовить специалиста с широким культурным и историческим кругозором. Образованный как единственный в стране вуз историко-архивоведческого профиля, Институт воспринял гуманитарные традиции отечественного высшего образования, заложенные прежде всего Московским и Петербургским археологическими институтами.

В октябре 1933 г. на учебно-производственной конференции В.В. Максаков отметил: «Архивист должен быть историком-архивистом. Для этого программы исторических дисциплин должны быть не формально, а по существу связаны с вопросами архивного дела»⁴.

В 1934/35 уч. г. срок обучения в Институте увеличивается до четырех лет. Перед кафедрой архивоведения была поставлена задача подготовить учебные программы по источниковедению, делопроизводству, истории архивного дела за рубежом. В это же время руководство Института начало продвигать идею приглашения лучших историков и архивистов страны. Был принят на работу репрессированный по «Академическому делу» Ю.В. Готье, вернувшийся из ссылки в 1934 г. В ИАИ были приглашены ученые, олицетворявшие живую связь с дореволюционной архивной практикой. К их числу без сомнения можно отнести одного из первых выпускников Московского археологического института И.Ф. Колесникова. Он преподавал в Историко-архивном институте до 1952 г., как бы воплощая не пресекающуюся связь традиций отечественного академического архивоведения⁵.

В 1934 г. был приглашен А.Н. Сперанский, будущий основатель кафедры вспомогательных исторических дисциплин. На кафедре архивоведения известный архивист А.А. Покровский преподавал основы палеографии и дипломатики. Среди других ученых дореволюционной школы необходимо упомянуть Н.П. Чулкова – крупного специалиста по генеалогии П.Г. Любомирова, читавшего лекции по источниковедению; пришедшего в институт после смерти Любомирова М.Н. Тихомирова, который вместе с С.А. Никитиным создал новый курс источниковедения истории СССР дореволюционного периода; С.Б. Веселовского, выступавшего с лекциями для аспирантов⁶.

Таким образом, в 1930-е гг. задачу по привлечению ярких ученых и крупных специалистов на кафедры удалось в значительной степени решить. Архивоведческие дисциплины вели В.В. Максаков, М.С. Вишневецкий, С.Ф. Айнберг-Загряжская, Б.И. Анфилов, О.Е. Карноухова, А.М. Рахлин, А.А. Сергеев, А.А. Шилов, чуть позже к ним присоединились выпускники аспирантуры института К.Г. Митяев, А.В. Чернов, М.Н. Шобухов. В вузе преподавали также В.И. Пичета, С.К. Богоявленский, Е.В. Тарле, П.П. Смирнов, И.И. Любименко, Н.В. Устюгов. Их трудами формировались программы дисциплин, готовились учебные пособия, на основе которых уже в 1940-е гг. появились обобщающие учебники. К 1934–1935 гг. институт уже имел ряд основательно разработанных и утвержденных учебных программ дисциплин.

Постепенно из массы разнородных дисциплин выкристаллизовались те, которые в полной мере отвечали идее формирования широко образованного, культурного профессионала. По мере развития ИАИ, в нем начинают складываться научные традиции и школы. В условиях жесткой цензуры велись горячие споры о направлениях развития архивного образования, еще не ставшего в полной мере «историко-архивным». Так, А.Н. Сперанский и М.С. Вишневецкий призывали к выходу за рамки узко цехового подхода к подготовке архивистов.

Именно в это время все больше утверждается установка на выпуск не узких специалистов, а историков-архивистов, к чему призывал В.В. Максаков.

Для ИАИ/МГИАИ изначально характерной особенностью было повышенное внимание к архивному источнику/документу как основе исторического знания. Ученые института исходили из того, что узкая специализация вырастает на широкой гуманитарной основе.

1938 г. можно считать началом нового этапа истории ИАИ, этапа, связанного с сопротивлением и попытками отстоять честь науки перед лицом всей мощи репрессивной государственной машины.

В мае 1938 г. директором ИАИ становится Константин Степанович Гулевич (родился в 1898 г., расстрелян в 1939 г.), на годы службы которого пришелся пик репрессий в ИАИ⁷.

К.С. Гулевич продолжил начатую его предшественниками традицию приглашения крупных ученых и специалистов. После включения архивной системы и ИАИ в ведомство НКВД СССР в 1938 г. институт, как это ни парадоксально, казался островком безопасности за пределами внимания верхов. Сюда потянулись профессора из других, более престижных вузов, оказавшихся под более жестким идеологическим прессом. Гулевич не только игнорировал доносы, оставляя их без внимания, но и, зная о «неблагонадежности» будущего сотрудника, принимал на работу преподавателей, уволенных по политическим соображениям из других учреждений⁸.

Для подготовки специалистов без отрыва от производства в 1938 г. при Институте было открыто заочное отделение.

С приходом К.С. Гулевича в структуре вуза начали происходить изменения, последствия которых ощущались на протяжении 1940–1950-х гг. В 1938 г. кафедра архивоведения, которой ранее руководил М.С. Вишневецкий (умер в возрасте 48 лет в сентябре 1938 г.; его раннюю кончину ускорило предстоявшее в связи с «дворянским происхождением» его увольнение из института⁹), была разделена на две самостоятельные архивоведческие кафедры – теории и техники архивной работы, и истории и организации архивного дела.

Объединение в рамках одной кафедры широкого набора дисциплин побудило В.В. Максакова в июне 1939 г. представить «Замечания к учебному плану ИАИ», в которых он, среди прочего, отмечал целесообразность выделения вспомогательных исторических дисциплин в самостоятельную кафедру¹⁰. Так, в 1939 г. из кафедры истории и организации архивного дела выделилась кафедра вспомогательных исторических дисциплин, на которую было возложено также преподавание истории государственных учреждений. Основал и возглавил кафедру А.Н. Сперанский. Под руководством Н.В. Устюгова на кафедре начал свою работу студенческий кружок.

Стараниями К.С. Гулевича в 1939 г. было издано учебное пособие А.А. Шилова «Руководство по публикации документов XIX и начала XX в.». В 1939 г. была основана серия «Труды Историко-архивного института». Выпуск «Трудов...» был инициирован Советом ИАИ, по мнению которого институт, ставший центром архивоведческой и исторической мысли, должен иметь собственный научно-исследовательский общеисторический периодический сборник.

Центром же наиболее интенсивной и плодотворной работы в институте, без сомнения, оставалась кафедра вспомогательных исторических дисциплин, где к концу Великой Отечественной войны сформировалось целое поколение ученых, чьи имена на долгие годы стали «визитной карточкой» ИАИ.

Благодаря опоре на архивистику и привлечению к научной работе крупнейших ученых в ИАИ сформировался тип ученого-исследователя и педагога-воспитателя, который умеет работать с текстом, документом, источником в самом широком их понимании, и способен передавать это знание следующим поколениям специалистов. Из многочисленных дискуссий родились авторские программы воспитания профессионалов, сохранявшие своеобразие взглядов специалистов Историко-архивного института, которые привнесли в институт тягу к фундаментализации, или, выражаясь современным языком, гуманитаризации архивного образования. Эта подвижническая деятельность дала свои результаты – уже в 1940-е гг. публикуются полноценные фундаментальные учебники. В 1940 г. увидели свет фундаментальные учебники, не потерявшие своего научного значения: «История и организация архивного дела в СССР» А.В. Чернова, в 1941 г. «Очерки по истории архивного дела в СССР» И.Л. Маяковского.

В августе 1939 г. директором ИАИ был назначен Иван Иванович Мартынов, который, докладывая о результатах работы института в 1939/40 уч. г., не без гордости отмечал: «...несмотря

на то что наш вуз уникальный, малоизвестный молодежи и молодой... на 20 июля с. г. мы имеем уже на 100 вакантных мест 210 заявлений»¹¹.

Годы Великой Отечественной войны – трагический и героический период как для страны в целом, так и для ИАИ, когда благодаря личной инициативе историка Павла Петровича Смирнова, написавшего обращение в правительство с изложением программы занятий и собравшего в опустевших аудиториях преподавателей, аспирантов и студентов, Институт был сохранен и возвращен к жизни. С 12 ноября 1941 г. по 15 мая 1942 г. П.П. Смирнов был директором института (преподавал в нем до самой кончины 1947 г.).

В отделе редких книг Научной библиотеки РГГУ хранится машинописная копия воспоминаний П.П. Смирнова «Война и Историко-архивный институт в 1941 г.» – бесценный источник, рассказывающий, как в тяжелейших условиях обороны Москвы он нашел в себе силы и мужество «сберечь любимое детище от окончательного погрома»¹² и возобновить учебный процесс.

С.М. Воскобойник, поступившая в ИАИ в 1940 г., вспоминает, что уже 6 июля 1941 г. в числе добровольцев – членов санитарной дружины института, на полуторках они «выехали на фронт в сторону Вязьмы...»¹³. Студентки, организовавшие санитарную дружину, строили оборонительные рубежи, в конце августа ставшие линией фронта.

В октябре 1941 г. на страницах центральной печати и по радио прозвучало сообщение о том, что ИАИ продолжает работу по законам военного времени. Помимо занятий в учебных аудиториях, преподаватели и студенты патрулировали улицы города, сбрасывая с крыш фашистские зажигательные бомбы, выступали с лекциями и концертами в подшефных госпиталях и школах. Многие юноши с первых дней войны ушли на фронт и отдали жизнь за родину. В память о них в 25-ю годовщину битвы под Москвой в ИАИ была установлена бронзовая мемориальная доска. Добровольцами ушли на фронт и достойно проявили себя на полях сражений многие студенты, аспиранты, преподаватели и выпускники института¹⁴.

Из воспоминаний П.П. Смирнова видно, как в годы войны сформировался коллектив педагогов и ученых с мировыми именами. «Так, вопреки панике и паникерам, среди воздушных и всяких иных тревог... снова раскрылся и расцвел наш милый Историко-архивный институт», – читаем в рукописи воспоминаний Смирнова (1943. С. 13).

Вскоре, в мае 1942 г. уже под руководством нового директора Павла Борисовича Жибарева институт практически возобновил

полноценную научно-учебную деятельность. В годы войны Совет института получил право принимать к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по дисциплинам специальных кафедр. Сократившийся с началом войны срок обучения в 1942/43 уч. г. был восстановлен до четырех лет. В 1943 г. коллективом института было собрано 22,5 тыс. руб. на строительство танковой колонны «Москва», за что он был удостоен благодарственного письма от председателя ГКО СССР¹⁵. В 1942 г. десятки студентов под руководством преподавателя К.Г. Митяева работали на заготовке дров для заводов, фабрик, больниц, школ.

В мае 1942 г. под руководством А.Н. Сперанского возобновил работу научный студенческий кружок при кафедре вспомогательных исторических дисциплин (далее – ВИД), прекративший на время свое существование с уходом на фронт в начале войны Н.В. Устюгова. А.Н. Сперанский предложил членам кружка сбор материала по истории Великой Отечественной войны. В июне 1943 г. на Всесоюзной конференции историков-архивистов эта идея была подхвачена В.В. Максаковым, выступившим за общенациональный сбор документов, отражающих события военных лет¹⁶.

9 января 1943 г. умер А.Н. Сперанский. Так студенческий кружок при кафедре ВИД вновь остался без руководителя. Лишь в 1946 г. он возобновил работу как кружок источниковедения истории СССР под руководством А.И. Андреева и Л.В. Черепнина, а с весны 1950 г. бессменным руководителем кружка стал С.О. Шмидт.

В июне 1943 г. заведующим кафедрой ВИД был назначен ученик Н.П. Лихачева и А.С. Лаппо-Данилевского А.И. Андреев, деятельность которого преследовала цель сохранить научную преемственность советской высшей школы как составной части отечественной дореволюционной и мировой науки¹⁷.

В феврале 1943 г. разработан новый план подготовки кадров, в преамбуле которого отмечалось, что институт выпускает историков-архивистов – научных работников архивов, имеющих «широкую основательную историческую подготовку». При этом указывалось, что учебный план преподавания исторических дисциплин практически совпадает с планами исторических факультетов университетов и педагогических вузов. Вместе с тем подчеркивалось, что специфика ИАИ заключается в изучении специальных наук, в том числе вспомогательных исторических, и истории государственных учреждений¹⁸.

В первой половине 1940-х гг. в Институт приходят Н.Ф. Бельчиков, С.Н. Валк, И.А. Голубцов, Е.И. Каменцева, В.К. Лукомский, О.М. Медушевская, А.Ц. Мерзон, И.А. Миронова, А.Т. Николаева,

В.К. Никольский, А.А. Новосельский, П.Г. Софинов, М.Н. Черноморский, В.К. Яцунский. В то десятилетие здесь также начали преподавать В.Е. Иллерицкий, М.М. Себенцова, Е.М. Тальман, К.И. Рудельсон, Н.В. Бржостовская, Е.А. Луцкий, Д.М. Эпштейн, М.Т. Панченкова, Н.П. Ерошкин и многие другие замечательные ученые.

В мае 1942 г. по инициативе Л.В. Черепнина при кафедре ВИД решено создать кабинет-музей. Позднее коллекцию рукописных и старопечатных книг передал на кафедру И.Ф. Колесников¹⁹.

Вспоминая то время, В.А. Черных рассказывал (во время записи беседы с ним 18 июня 1996 г.²⁰), что в военные и первые послевоенные годы Институт представлял собой некое подобие огромного улья, в котором непрерывно, с раннего утра до поздней ночи гудела жизнь. Не помешал духу студенческого братства и бурный ремонт, затеянный летом 1947 г. в преддверии 800-летия Москвы. Здесь проводились интереснейшие студенческие вечера, на которые стремились попасть ребята из других вузов. Так «из камерной науки архивоведение становилось широко востребованным»²¹. В апреле 1947 г. П.П. Смирновым был основан студенческий научный кружок отечественной истории, средневековья и нового времени. После кончины создателя, до 1963 г., кружком руководил Н.В. Устюгов.

Подлинный расцвет института приходится на труднейшие военный и послевоенный периоды, когда в стенах ИАИ работала плеяда историков, не мыслящих свою исследовательскую деятельность вне архивов. К ним относятся А.И. Андреев, А.А. Зимин, И.Ф. Колесников, В.К. Лукомский, И.Л. Маяковский, П.П. Смирнов, А.Н. Сперанский, Л.В. Черепнин и многие другие носители лучших достижений мировой и дореволюционной отечественной исторической и архивоведческой школ.

Директором ИАИ с октября 1944 г. был назначен защитивший в 1939 г. в аспирантуре Института кандидатскую диссертацию Дмитрий Сергеевич Бабурин.

В 1946 г. вышел из печати второй том «Трудов Историко-архивного института», в 1947 г. – третий. Однако ограниченные издательские возможности института не позволяли выпустить подготовленные следующие тома²².

В 1946–1947 гг. предпринята попытка реорганизации факультета историко-архивоведения с выделением из него факультетов исторических архивов и архивов Октябрьской революции. Эта попытка оказалась неудачной ввиду возникавшего хронологического разрыва в преподавании специальных дисциплин, который не способствовал всесторонней подготовке студентов.

Из объединенной кафедры архивоведения в 1946 г. были вновь выделены самостоятельные подразделения: кафедра теории и практики архивного дела под руководством И.Л. Маяковского и кафедра истории и организации архивного дела под руководством В.В. Максакова.

Сразу после войны, в 1946 г. был опубликован учебник «Теория и практика архивного дела» К.Г.Митяева, сыгравший значительную роль в профессиональной подготовке историков-архивистов.

Таким образом, именно с этого времени начинается расцвет отечественного историко-архивного образования, подготовленного трудами преподавателей Историко-архивного института в предшествующие полтора десятилетия.

Примечания

- ¹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 11. Д. 64. Л. 1, 1 об.; *Штраус В.П.* О первом директоре Историко-архивного института Р.К. Лиците // Вестник архивиста. 2004. №5 (83). С. 377–389.
- ² ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 11. Д. 62. Л. 4.
- ³ Там же. Л. 7. Подробнее см.: *Хорхордина Т.И.* Гуманитарный университет в Москве: история идеи. М.: РГГУ, 2012. С. 38–43.
- ⁴ ЦМАМ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 36. Л. 1, 1 об.
- ⁵ Памяти Ивана Филипповича Колесникова // Труды МГИАИ. Т. 7. М., 1954. С. 227–236.
- ⁶ *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 11.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 354.
- ⁸ *Хорхордина Т.И.* Гуманитарный университет в Москве... С. 50–54.
- ⁹ *Крылов В.В., Хорхордина Т.И.* Михаил Станиславович Вишневецкий: Судьба архивиста // Вестник архивиста. 2002. № 4–5 (70–71). С. 406–421; № 6 (72). С. 306–315; 2003. № 1 (73). С. 332–315.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 1380. Л. 23–39.
- ¹¹ ЦМАМ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 122. Л. 137, 138.
- ¹² *Ковальчук Н.А.* «Историко-архивный институт стал моим родным домом...»: Воспоминания Н.А. Ковальчук о годах учебы в институте (1940– 1947) // Отечественные архивы. 2003. № 4. С. 71; *Козлов В.Ф.* Материалы заседания Ученого совета МГИАИ, посвященного памяти профессора П.П. Смирнова // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 243–247; *Безбородов А.Б., Хорхордина Т.И.* Историко-архивный институт: прошлое и настоящее // Вестник архивиста. 2001. № 3(63). С. 122, 123.
- ¹³ *Воскобойник С.М.* Юность, опаленная войной // История Государственного архива Российской Федерации: Документы. Статьи. Воспоминания. М., 2010. С. 426.

- ¹⁴ Хорхордина Т.И. Гуманитарный университет в Москве: история идеи. М.: РГГУ, 2012. С. 38–43.
- ¹⁵ Безбородов А.Б. Посвящено юбилею // Советские архивы. 1979. № 2. С. 95, 96.
- ¹⁶ Хорхордина Т.И. Возникновение и развитие школы документоведения и делопроизводства // Делопроизводство. 2014. № 2. С. 20–28; № 3. С. 21–29.
- ¹⁷ Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 23.
- ¹⁸ Стрекопытов С.П., Сенин А.С. Кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций: Краткий очерк организации и деятельности, 1952–2002. М., 2002. С. 24.
- ¹⁹ Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 13.
- ²⁰ Личный архив Т.И. Хорхординой.
- ²¹ Батаева Т.В. «Наш набор 1945 г. был первым послевоенным...» // Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 98.
- ²² ЦМАМ. Ф. 535. Оп. 1 Д. 336. Л. 32.

А.Б. Безбородов

Московский государственный
историко-архивный институт
во второй половине 1940-х – 1991 гг.:
вглядываясь в людей и дела минувших лет

В статье в основных чертах освещается история Московского государственного историко-архивного института с 1947 г., когда он был передан из системы МВД в подчинение Министерству просвещения СССР. Раскрывается место МГИАИ в системе гуманитарного образования в России и превращение его в центр подготовки специалистов архивного дела с широким культурным и историческим кругозором. В конце 1970-х гг. развитие Института пошло путем перехода к модели высшего учебного заведения широкого гуманитарного профиля. Институт стал фундаментом созданного в 1991 г. Российского государственного гуманитарного университета. В истории российской высшей школы Историко-архивный институт по праву может считаться первым вузом, в котором трудами выдающихся ученых, которые работали в нем, была успешно реализована новая модель университетского гуманитарного образования.

Ключевые слова: Московский государственный историко-архивный институт, историческая наука, историография, архивоведение, научно-педагогические школы, архивный документ, историк-архивист, архивоведческая мысль, гуманитарное образование.

В 1947 г. Историко-архивный институт был передан из системы МВД в ведение Министерства высшего образования СССР и подчинен Главному управлению университетов. Историко-архивный институт стал называться Московским государственным историко-архивным институтом (далее – МГИАИ). Послевоенные годы отмечены активной научно-педагогической и студенческой жизнью, хотя Институт и не миновало «закручивание гаек» в области идеологии.

В период начавшейся борьбы с «космополитизмом» Н.А. Елистратов, назначенный директором МГИАИ в конце 1947 г., вынудил покинуть вуз А.И. Андреева и Л.В. Черепнина, организовав кампанию по их травле¹. Л.Н. Простоволосова и А.Л. Станиславский отмечали: «Вероятно, никогда в МГИАИ не преподавало так много ученых первой величины, как в 1930–1940-е гг. ... Блестящие специалисты, являвшиеся украшением нашей науки, они подвергались публичным проработкам невежд, их заставляли калечить лекционные курсы, учебники и учебные программы. Можно только удивляться, что в таких условиях они смогли воспитать несколько поколений квалифицированных историков-архивистов»². Это были наиболее трудные, но достойные страницы в истории кафедры, борьба за свободу научной мысли. И все же члены кафедры продолжали сохранять высокий уровень преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

В 1950 г. МГИАИ возглавила А.С. Рослова, время директорства которой отмечено явственным осознанием необходимости перемен. О периоде ее руководства Институтом С.О. Шмидт говорит: «Анна Сергеевна... сумела в сталинские времена создать обстановку непреследования: она не терпела доносы. Она сумела и в этом плане уберечь институт»³. Сходное мнение высказал и А.Д. Степанский, учившийся в Институте в 1950-е гг.: «...Для своего времени институт был во многих отношениях счастливым исключением»⁴.

Во второй половине 1940-х гг. в Институт пришли молодые кандидаты наук А.А. Зимин и С.О. Шмидт, ставшие выдающимися учеными и педагогами.

В 1949/50 учебном году был введен пятилетний срок обучения.

Целый ряд учебных дисциплин, преподававшихся в МГИАИ, не имел аналогов в программах других вузов страны. Так, в 1952 г. была образована единственная в стране кафедра истории государственных учреждений и делопроизводства, которую возглавил А.В. Чернов, объединившая две группы преподавателей – специалистов в области делопроизводства – К.Г. Митяева, В.Л. Бушуеву, Л.И. Вартаняна; и специалистов по истории государственных учреждений – А.В. Чернова, Н.П. Ерошкина, Б.Г. Слицана, Ю.В. Куликова, А.А. Нелидова, В.А. Цикулина.

В 1957 г. была создана кафедра археографии под руководством М.С. Селезнева, костяк которой составили сотрудники кафедры теории и практики архивного дела Е.М. Тальман, Д.М. Эпштейн, Т.В. Ивницкая (Батаева) и Л.И. Арапова. На кафедре в это время сложился сильный преподавательский состав – Н.А. Павлова, М.Ф. Петровская, М.Н. Шобухов, Н.А. Ковальчук, Н.А. Орлова, Л.Г. Сырченко, А.А. Кузин, К.И. Рудельсон. Начало изучению

технических архивов на кафедре положил А.А. Кузин. Позже в эту работу включились Н.Г. Филиппов, К.Б. Гельман-Виноградов, П.С. Преображенская и Л.М. Рошаль. Не менее сильный преподавательский костяк сложился на кафедре истории и организации архивного дела – В.В. Максаков, А.В. Чернов, Н.В. Бржостовская, В.И. Вяликов, Г.А. Дремина, Н.А. Ивницкий Ю.Ф. Кононов, И.П. Козлитин.

Каждая кафедра Института может дополнить этот список наших духовных и профессиональных учителей и наставников. Именно благодаря таким людям Историко-архивный из ведомственно-отраслевого вуза вырос в учебно-методический и научный центр отечественной гуманитарной мысли.

Во второй половине 1940-х – 1950-е гг. шел процесс расширения номенклатуры учебных дисциплин. Список сложившихся в предшествующий период лекционных курсов пополнился исторической географией, историей зарубежных архивов, технических и кинофотофоноархивов, микрофотокопированием⁵.

В 1953 г. издательский отдел МГИАИ вошел в структуру издательства МГУ, что позволило уже в следующем году выпустить сразу три тома «Трудов МГИАИ», в 1957 г. из печати вышли еще три тома. Десятый том представлял собой сборник студенческих научных работ под редакцией С.О. Шмидта. В 1958–1962 гг. было опубликовано еще шесть томов «Трудов МГИАИ».

В 1955 г. был создан заочный факультет, на который принимались преимущественно работники архивов.

Кафедрами были подготовлены и изданы такие фундаментальные учебники и учебные пособия, как «Теория и практика архивного дела в СССР» (М., 1958), «Методическое пособие по археографии» (М., 1958), «История и организация делопроизводства в СССР» К.Г. Митяева (М., 1959), «Технические архивы» (М., 1956) и «Кинофотофоноархивы» (М., 1960) А.А. Кузина, «Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России» Н.П. Ерошкина (М., 1960), «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» под ред. В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева (М., 1961), «История государственных учреждений СССР в 1917–1936 гг.» А.А. Нелидова.

Большую работу в области разработки теоретических и практических проблем документо- и архивоведения провел К.Г. Митяев, руководивший кафедрой теории и практики архивного дела. Результаты его научных изысканий представляют интерес и сегодня, так как автор уже «в 1958 г. многое предвидел из того, чем будет делопроизводство для Историко-архивного института»⁶. Митяев

создал стройную теорию организации системы делопроизводства, от зарождения документов до передачи в госархив. Он разработал механизм взаимодействия архивных служб с делопроизводственными отделами госучреждений. Затем он пошел дальше, перекинув мостик к управлению, т. е. к звеньям, создающим потоки документной информации. Это было понято и описано Митяевым еще в 1940-е гг., тогда как «большинство эту очевидную истину осознали намного позже»⁷.

Под началом Митяева в 1960 г. возникла первая в стране кафедра советского делопроизводства, выделенная из состава кафедры истории государственных учреждений и делопроизводства. Т.В. Кузнецова отмечала, что создание кафедры было «связано с усилением в стране внимания к вопросам совершенствования управленческого аппарата и началом разработки в стране Единой государственной системы делопроизводства»⁸, что и послужило отправной точкой для подготовки кадров в области государственного делопроизводства в МГИАИ с 1 октября 1960 г. Годом ранее, в 1959 г., Митяевым было издано первое учебное пособие «История организации делопроизводства в СССР»⁹.

Еще в июне 1960 г. на Всесоюзном совещании А.С. Рослова подчеркнула, что Институт готов взять на себя подготовку специалистов в области делопроизводства. постановлением Совета министров РСФСР «Об увеличении средств механизации делопроизводства и улучшении подготовки кадров по делопроизводству» перед МГИАИ ставилась задача создания факультета государственного делопроизводства, который открылся в 1964 г. С 1969 г. специальность получила название «документоведение и организация управленческого труда и делопроизводства в государственных учреждениях». Как о талантливом исследователе заявил о себе Н.П. Ерошкин, автор классических работ по истории российской государственности, учитель таких ставших позднее известными ученых, как Т.П. Коржихина (1932–1994), А.Д. Степанский, Т.Г. Архипова, А.С. Сенин и многие другие.

В июне 1962 г. к руководству МГИАИ пришел выпускник исторического факультета МГУ, доктор исторических наук Л.А. Никифоров, инициатор создания кафедры научно-технических архивов под руководством А.А. Кузина. В 1976 г. была образована кафедра научно-технической информации под руководством П.И. Никитина. Это направление деятельности Института завершилось введением в 1977 г. новой специальности – документовед-организатор научно-технической информации. При факультете архивного дела (до 1969 г. – факультет историко-архивоведения) было образовано отделение научно-технической информации.

Н.П. Ерошкиным в 1975 г. создана самостоятельная кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций.

Однако в стране наступали другие времена: демократизация общественно-политической жизни, порожденная импульсами XX съезда КПСС, завершилась. В 1968 г. Пражская весна в Чехословакии усилила консервативные традиции во внутривнутриполитическом курсе советского руководства. Некоторые члены коллектива МГИАИ оказались среди тех, кто остро публично реагировал на чехословацкие события. В ответ власти «укрепили» руководство вуза.

В 1968 г. ректором назначен выпускник Высшей партийной школы при ЦК КПСС, доктор исторических наук С.И. Мурашов, который, черпая административное вдохновение в недалеком советском прошлом, решительно принялся приводить институтскую жизнь в соответствие с новой идеологической жесткой линией КПСС. Возросла негативная роль первичной партийной организации. Из Института были уволены, вынужденно ушли или подверглись притеснениям многие профессора и преподаватели. В 1976 г. С.И. Мурашову был объявлен строгий выговор, и он был снят с поста ректора¹⁰.

Новым руководителем стал Н.П. Красавченко, при котором духовно-нравственная атмосфера в Институте улучшилась.

К числу заслуг Красавченко относится стремление вернуть в Институт ушедших при Мурашове профессоров и преподавателей.

Его отличало внимательное отношение к славному опыту Института. В 1981 г. Красавченко инициировал торжественное празднование полувекового юбилея МГИАИ, к которому было приурочено награждение Института орденом «Знак Почета».

К числу существенных достижений относится открытие первого в СССР технического факультета в гуманитарном вузе – факультета научно-технической информации. Стоявший у истоков его создания первый декан факультета В.Р. Серов отмечал, что «Историко-архивный институт выполнил свою историческую роль, приняв на себя первый шквал новой информационной эры»¹¹.

Был расширен факультет архивного дела, укреплен факультет государственного делопроизводства, переехавший в здание на улице Забелина. Рядом открылся лабораторный корпус, где появилась большая ЭВМ. Долгие годы МГИАИ оставался единственным вузом в стране, готовившим специалистов в области документационного обеспечения управленческой деятельности. «Николай Прокофьевич сразу оценил уникальность, актуальность и перспективы этого направления, всячески его поддерживал и способствовал его развитию», – вспоминала Т.В. Кузнецова¹².

В 1978 г. было создано подготовительное отделение – рабфак, ставший основой современного Центра довузовского образования, для создания которого много сделала воспитанница Института И.С. Шинкарук. Наряду с рабфаком были открыты вечерние подготовительные курсы для молодых сотрудников архивных органов. В 1978 г. был образован факультет повышения квалификации работников архивных учреждений.

По инициативе ректора было возведено 16-этажное студенческое общежитие квартирного типа. Начал работу факультет защиты информации – совершенно новое направление высшего специального образования. В результате Институт превратился в комплексное учебное заведение, осуществлявшее подготовку и переподготовку кадров для всех видов и форм работы с документами. Впервые в Институте была открыта докторантура.

Красавченко принадлежит и идея создания музея Историко-архивного института, руководителем которого стал В.З. Дробижев. В 1986 г. Николаю Прокофьевичу исполнилось 70 лет, с поста ректора он ушел на пенсию.

В декабре 1986 г. ректором МГИАИ был назначен Ю.Н. Афанасьев, при котором вуз обрел на волне «перестройки» второй половины 1980-х гг. совсем иное академическое и общественно-политическое лицо Историко-архивного института: учебному процессу стали присущи – большая академическая свобода для студентов; прозрачность границ между отдельными научно-образовательными программами; их разнообразие и полидисциплинарность; рост профессиональной состязательности с созданными в рамках образованного РГУ новыми структурами (факультетами, учебно-научными центрами, институтами и др.); значительное расширение международных контактов. К уже имевшимся связям с Украиной, Беларусью, Польшей ИАИ добавил надежное партнерское сотрудничество по академической линии с вузами США, Германии, Франции, Канады, Австралии, Швеции. Институт был принят в качестве коллективного члена в Международный совет архивов, стал участником Болонского процесса.

В это же время возросла политическая ангажированность Института. МГИАИ, а затем и созданный на его базе РГУ приобрели в СССР/РФ и за их пределами репутацию «либерального» вуза. Активная включенность в политические процессы наложила соответствующий отпечаток на содержание учебного процесса: идеологически крен стал все определеннее делаться в сторону чисто западных духовных и образовательных ценностей. И все же вузу в наибольшей мере удалось сохранить и развить оригинальные подходы в образовании и науке, сочетая их с современными инно-

вационными технологиями, осваиваемыми коллективом и отдельными структурами Университета.

В 1987 г. в МГИАИ были организованы публичные чтения «Социальная память человечества», которые стали важным интеллектуальным событием в масштабах всей страны. В рамках чтений была прочитана Ю.С. Борисовым первая в годы перестройки публичная лекция о Сталине. Отчасти в продолжение развернувшейся на чтениях дискуссии было составлено письмо «Спасти службу социальной памяти – архивы» в редакцию газеты «Советская культура», опубликованное 31 мая 1988 г. за подписью «Ученый совет МГИАИ». Речь шла о восстановлении исторической правды и свободе научного творчества и научного слова.

В конце 1980-х гг. в МГИАИ начинается разработка новых учебных программ и планов в связи с намеченной реорганизацией Института и созданием на его основе гуманитарного университета: задавалась перспектива преобразования Института в университет, объединяющий в своих стенах академическую науку и преподавание классических дисциплин.

27 марта 1991 г. постановлением Совета министров РСФСР на базе Московского государственного историко-архивного института был создан Российский государственный гуманитарный университет (далее – РГГУ).

Став фундаментом РГГУ, Историко-архивный институт продолжил развиваться на качественно новой основе, являясь своего рода синтетическим вузом с опорой на исторические, археографические и архивоведческие дисциплины. В истории отечественной высшей школы Историко-архивный институт по праву может считаться первым вузом, в котором трудами выдающихся ученых своего времени был реализован новый взгляд, новая парадигма университетского гуманитарного образования.

Примечания

¹ ЦМАМ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 443. Л. 142, 143.

² *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 37.

³ *Шмидт С.О.* Истина познается в сравнении // Николай Красавченко и его университеты. Элиста, 2006. С. 177.

⁴ *Степанский А.Д.* Памяти Анны Сергеевны Рословой: Заседание в ИАИ РГГУ // Вестник архивиста. 2004. № 3–4 (81–82). С. 344.

- ⁵ *Хорхордина Т.И.* Гуманитарный университет в Москве: История идеи. М.: РГГУ, 2012.
- ⁶ *Стрекопытов С.П., Сенин А.С.* Кафедра истории государственных учреждений и общественных организаций: Краткий очерк организации и деятельности: 1952–2002. М., 2002. С. 53.
- ⁷ *Ковальчук Н.А.* «Историко-архивный институт стал моим родным домом»: Воспоминания Н.А.Ковальчук о годах учебы в институте (1940–1947) // Отечественные архивы. 2003. № 4. С. 74.
- ⁸ *Кузнецова Т.В.* Кафедре документоведения – 40 лет // Делопроизводство. 2000. № 2. С. 3–9.
- ⁹ *Хорхордина Т.И.* Возникновение и развитие школы документоведения и делопроизводства // Делопроизводство. 2014. № 2. С. 20–28; № 3. С. 21–29.
- ¹⁰ *Хорхордина Т.И.* Гуманитарный университет в Москве: История идеи. М.: РГГУ, 2012. С. 79–80.
- ¹¹ *Серов В.Р.* Первые шаги в новую цивилизацию // Николай Красавченко и его университеты. Элиста, 2006. С. 204.
- ¹² *Кузнецова Т.В.* Об одном эпизоде // Николай Красавченко и его университеты. Элиста, 2006. С. 210.

А.Б. Безбородов, А.В. Корчинский,
О.В. Павленко, П.П. Шкаренков

Историческое знание и профессиональное гуманитарное образование

В статье рассматриваются модели интеграции исторического знания и существующих практик профессиональной подготовки гуманитариев. Авторы исходят из представления о гуманитаристике как сфере, принципиально ориентированной на историзм в науке и историческое мышление в образовании. Анализируется современный научный контекст, в последние десятилетия характеризующийся многочисленными «поворотами» и тенденцией к междисциплинарности. Выдвигается идея о том, что на сегодняшний день является актуальным не столько введение истории как предмета в программы подготовки гуманитариев, сколько трансформация самой гуманитарной предметности на основе принципа историзма.

Ключевые слова: история, историзм, гуманитаристика, междисциплинарность.

Известно выражение, что XXI век – это столетие, в котором будет господствовать гуманитарное знание. Но даже если не заниматься предсказаниями, мы уже наблюдаем быструю экспансию гуманитаристики в самые «неподходящие» науки: появилась не только в качестве академического знания, но и как учебный предмет «гуманитарная география», блуждает слоган известного математика: «нет ничего более гуманитарного, чем высшая математика» и тому подобное. Нужно сказать о том, что в последние годы все острее сознается важность этого процесса. Все настоящее идет речь о том, что гуманитарный цикл – «свободные искусства» – должен занять свое достойное место в образовательной системе, т. е. должен присутствовать в ней на правах необходимой

© Безбородов А.Б., Корчинский А.В., Павленко О.В.,
Шкаренков П.П., 2017

Работа выполнена в рамках государственного задания, проект № 27.4310.2017/НМ

ступени независимо от того, какой будет дальнейшая специализация. Этот процесс можно рассматривать как общую тенденцию в построении современной образовательной системы, поскольку становится совершенно очевидно, что проблемы современного общества не могут быть решены без сохранения базовых гуманитарных ценностей.

Сущность гуманитарного образования можно определять по-разному. От этого будет зависеть понимание его широты, предметного наполнения, а также направленности составляющей его интеллектуальной работы.

Можно исходить из сложившейся структуры науки в той или иной ее национальной версии. Можно полагаться на некий идеальный тип гуманитария, сформированный культурой. Можно, проанализировав современный рынок труда, вывести содержание гуманитарной подготовки из характера той деятельности, которая предстоит будущему выпускнику.

Принимая во внимание логику развития отечественного научного знания, придется проводить границу не только между «науками о духе» и «науками о природе», но и между гуманитаристикой и социальным познанием. Но в таком случае, скажем, историческую науку придется разделить на две неравные части, бóльшая из которых, по-видимому, будет причислена к разряду дисциплин, изучающих «общество».

Универсальное представление о «гуманитарной культуре», скорее всего, склонит чашу весов в пользу того, что в основе ее воспроизводства лежит внимание к слову, работа с текстом как наиболее значимым способом хранения культурной традиции и ее передачи будущим поколениям. И хотя запросы современности становятся все более разнообразными, вводя в зону рассмотрения визуальные, пространственно-пластические и иные телесно-чувственные факторы существования культуры, язык и речевая коммуникация остаются основным объектом и средой деятельности гуманитариев.

Расширяющиеся и диверсифицирующиеся сегменты рынка, связанные с процессами производства и потребления информации, обеспечения культурного досуга больших городов и т. д. также в первую очередь стимулируют интерес работодателей к людям, умеющим говорить и писать в различных стилях и жанрах более чем на одном языке.

Создается впечатление, что ни одна из приведенных моделей не подразумевает, что серьезное знание и понимание истории сегодня играет решающую роль в гуманитарной подготовке.

Однако не только новейшие, но даже достаточно давние и стабильно воспроизводящиеся тенденции в современном гуманитарном

знании скорее говорят об обратном. Уже несколько десятилетий говорят о его принципиальной междисциплинарности. При этом, как сказано выше, дисциплинарная логика традиционных институций продолжает определять ситуацию как в науке, так и в образовании.

Эффективная реализация междисциплинарного образовательного потенциала гуманитарных наук требует достаточно радикального обновления образовательных технологий и программ, а также их методического обеспечения. Приоритеты должны исходить из установки на взаимопроникновение и взаимообогащение различных гуманитарных наук в интегративном процессе формирования будущего специалиста как гуманитария широкого профиля. Они направлены на формирование менталитета и ценностного горизонта личности, приобретающей гуманитарную профессию в современной мультикультурной ситуации столкновения и противостояния различных систем ценностей и одновременно в исторической толще отечественного и общечеловеческого культурного наследия. Ориентированность такого рода достигается на путях междисциплинарных гуманитарных технологий и способствует становлению ответственного субъекта социальных отношений.

Если понимать междисциплинарность не просто как эпизодическую научную кооперацию представителей различных дисциплин и обнаруживаемые в результате новые предметные области исследований, а как взаимную «настройку» исследовательских программ и образовательных подсистем гуманитаристики, то можно увидеть нарастающий интерес различных областей знания к исторической проблематике и повышение роли историзма как универсального принципа гуманитарного исследования. И если историки в последние десятилетия охотно говорили о «лингвистическом»¹, «культурном»², «социальном»³, «антропологическом»⁴ и др. «поворотах», то в других областях социально-гуманитарного знания вполне уместно говорить о «повороте» к *истории*.

Этот «поворот» заключается, например, в том, что сегодня в рамках многих дисциплин акцент от теоретических исследований и производства новых теорий⁵ смещается к поиску инструментов и языков исторического (например, историко-философского, историко-литературного, историко-социологического и т. п.) объяснения. Многие дисциплины сегодня обращаются к ревизии собственного теоретико-методологического наследия, рассматривая его, с одной стороны, как самостоятельный объект анализа, с другой стороны, как ресурс для современных изысканий⁶.

Этот «исторический поворот» в гуманитарном знании можно проиллюстрировать на конкретном примере. Наибольшим авторитетом в актуальных исследованиях пользуются подходы, принципиально ориентированные на рассмотрение изучаемого материала с исторической точки зрения. Если философы или историки культуры изучают языки философской мысли прошлого, то они чаще оперируют не столько подходами, выработанными в рамках логического анализа языка (аналитической философии), сколько, например, инструментами «археологии знания» М. Фуко, «истории понятий» Р. Козеллека⁷ или «истории дискурса» Дж.Г.А. Покока⁸. Если филологи интересуются культурным контекстом бытования литературных произведений, они отдают предпочтение не столько «когнитивному литературоведению», сколько историческому анализу культурных конвенций и норм в духе школы Ю.М. Лотмана, «новому историзму» С. Гринблатта, социологии литературы П. Бурдьё, учитывающей исторические условия существования литературы как социальной практики.

Исходя из этого, можно предположить, что внутри существующих институций науки, отводящей *истории как дисциплине* строго определенное место, развивается (а вернее – возвращается или заново изобретается⁹) понимание *историзма как базового принципа* гуманитарного знания во всех его разновидностях. Постепенно эта идея начинает проникать и в образование.

На сегодняшний день можно констатировать сосуществование трех версий «вхождения» истории в профессиональные образовательные программы подготовки гуманитариев.

Во-первых, история рассматривается как важная и неотъемлемая часть гуманитарного образования. Наряду с профильными (например, лингвистическими, психологическими и т. п.) и непрофильными курсами она входит в базовую часть учебных планов, являясь дисциплиной среди других дисциплин. Такой подход сегодня преобладает.

Второй вариант подразумевает более значительный «вес» истории как дисциплины в рамках гуманитарной подготовки: она подробно и внимательно изучается как один из «китов» гуманитарной подготовки наряду с общегуманитарной теорией и предметной специализацией. В этом случае история по-прежнему мыслится как отдельная дисциплина (причем это может быть не только традиционная политическая история, но и курсы по культурной и социальной истории, исторической антропологии, культуре повседневности различных эпох и т. п.), но в образовательных программах ей отводится настолько существенное место, что профильная учебная информация воспринимается

обучающимися «на историческом фоне», а компетенции, полученные в рамках изучения истории, до известной степени синтезируются с профессиональными компетенциями выпускника. Этот сценарий, по-видимому, наиболее точно соответствует искомой сегодня преемственности вузовской гуманитарной подготовки с принципами школьного историко-культурного стандарта. Эти принципы лежат в основе образовательных программ Института филологии и истории и некоторых других институций РГГУ. Роль истории в этой модели весьма велика, но принципы ее сочетания с профильной подготовкой не эксплицируются, и, следовательно, не вполне осознаются и поддаются качественному анализу и измерению.

Третья возможная модель – когда гуманитарная подготовка изначально и принципиально рассматривается как историческая. Это подразумевает такой способ проектирования образовательной программы, когда изучение профессиональных дисциплин осуществляется в форме исторической рефлексии об их происхождении, трансформации, меняющихся социокультурных условиях бытования науки и практик, эволюции научных языков и т. д. Современное состояние знания при таком подходе рассматривается не как метапозиция или финальная точка развития, а как момент в истории соответствующей профессиональной и – шире – социокультурной среды, который сложился под влиянием определенных факторов и изменится в будущем. Исходя из этого обязательный компонент такой модели – критический анализ возможностей и ограничений текущей интеллектуальной парадигмы, способов понимания источников, включая освоение навыков работы с профильной научной информацией, с архивными документами, электронными базами данных и различными медиа. В таком виде история оказывается не дисциплиной, а эпистемологической оптикой гуманитарного образования. Полагаем, что на данный момент подобный подход в российской гуманитаристике в полной мере не воплощен, хотя его элементы уже присутствуют, например, в рамках магистерских программ по филологии, культурологии, искусствам и гуманитарным наукам и другим направлениям подготовки, реализуемым в РГГУ и некоторых других университетах.

В качестве одного из путей перехода от второй модели гуманитарной подготовки к третьей мы рассматриваем разрабатываемую в настоящий момент в РГГУ научно-методическую концепцию учебного модуля по истории России для вузов, реализующих образовательные программы подготовки бакалавров по гуманитарным направлениям.

В основе концепции лежат актуальные для современного исторического знания представления о принципах и критериях научности, достоверности и подлинности исторических источников, процедурах выдвижения и обоснования гипотез, верификации данных и аргументации. Это распространяется и на сказанное о принципе историзма в освоении «неисторических» профессиональных дисциплин (хотя, строго говоря, «неисторических» дисциплин в гуманитарном знании не существует).

С другой стороны, мы живем в обществе, в силу сосредоточенности на огромных потоках актуальной информации в значительной мере отрезанном от переживания и осмысления истории, что делает крайне насущной трансляцию достоверного исторического знания в публичное поле. Эта задача и связанная с ней компетенция связана отнюдь не только с просветительской работой. Будущие профессионалы-гуманитарии – это не только учителя и преподаватели, но и политологи, журналисты, психологи, литераторы, аналитики и т. п. Иными словами, это создатели самого разного культурного контента. А чтобы этот контент был качественным, чтобы он соответствовал современной научной картине мира, необходимо осознание его адекватности историческому моменту, исторической обоснованности выводов и предложений. В этом смысле не только академическая (о чем говорилось выше), но и прикладная историко-гуманитарная подготовка понимается шире, чем историческая наука в ее дисциплинарных границах.

Кроме того, сегодняшние массовые представления о прошлом подвергаются разного рода обработке – от политических манипуляций до рыночной и разного рода культурной мифологии. В частности, таким сложным полем борьбы интерпретаций и культурных значений является *коллективная память* о прошлом. Выпускники-гуманитарии должны сегодня понимать механизмы ее существования в современном обществе, осознавать ее отличие от профессионального исторического знания, уметь критически анализировать разнообразную культурную продукцию, оказывающую влияние на изменение образов исторической памяти общества.

Эта перспектива делает более сложной воспитательную функцию, всегда тесно связанную с гуманитарным образованием. С одной стороны, гуманитарная подготовка как историческая в своей основе формирует уважительное отношение к общему культурному прошлому общества, является важным элементом гражданского воспитания. С другой стороны, сегодня это воспитательное воздействие гуманитаристики должно быть сопряжено с формированием *критического мышления*, соотносящим коллективные представления (например, образы публичной истории)

с научными данными, исследованиями памяти, исторической политики и т. д., чтобы распознавать и дезавуировать прагматику тех или иных попыток «использования» истории.

Один из важнейших элементов критического инструментария современного гуманитария – умение анализировать исторические понятия. В том, как мы именуем различные явления прошлого, используя те или иные исторические имена («русская культура» или «русская цивилизация», «народ» или «нация», «нигилисты» или «прогрессивные силы» и т. п.), зачастую уже содержится моральная или идеологическая оценка. Поэтому критический анализ исторических форм языка (в частности, языка гуманитарных наук и языка «общественности») – основа того, что «текст культуры» будет адекватно прочитываться как в академических аудиториях, так и на площадках публичных дискуссий.

История является существенным фактором социальной коммуникации, основой для диалога поколений, для выработки культурной общности самых разных людей, объединенных единым историческим опытом поражений и побед, общими героями и подвизниками, узнаваемыми и знаковыми именами и образами прошлого. Наблюдаемый сегодня всплеск интереса к прошлому выводит историю в публичное пространство, делает исключительно востребованными и интересными для самой широкой и разнообразной аудитории выводы и экспертные оценки профессионалов гуманитарной сферы. *Коммуникативные компетенции, составляющие основу гуманитарной подготовки в вузе, навыки аргументации, публичных выступлений и владения различными жанрами письма* формируются в рамках предлагаемого модуля на широком историческом материале.

Структура разрабатываемого учебного модуля по отечественной истории для гуманитариев подразумевает последовательное знакомство обучающихся с основными фактами и событиями истории России Средневековья (IX–XVII вв.), Нового времени (XVIII – начало XX в.) и новейшего времени (XX в.), с проблематикой современной истории России (XX–XXI вв.).

Наряду с хронологическим при проектировании модуля должен учитываться и проблемный подход. Модуль нацелен на понимание ключевых тенденций, процессов и явлений, характерных для разных исторических периодов. Он дает представление о принципах анализа исторических текстов, об основных проблемах, терминах и понятиях истории России. Рассмотрение предпосылок, причин и этапов исторических событий и процессов помогает адекватному восприятию истории современности, ее политических и экономических реалий, социально-культурного своеобразия, особенностей

и перспектив развития общества. История России вписывается и в сравнительно-исторический контекст, что позволяет рассматривать русскую историю в тесной взаимосвязи с тенденциями и векторами европейского и мирового развития в прошлом и настоящем.

Научно-методическая концепция модуля предполагает, что обучающиеся работают не только с новейшими учебниками и учебными пособиями, которые содержат историческое знание «в готовом виде», но и непосредственно с источниками, историографией, артефактами эпохи. Это отвечает основной цели модуля, которая состоит не только в усвоении знаний и овладении рядом компетенций, но и в формировании исторического мышления¹⁰ студентов-гуманитариев.

Одна из содержательных линий модуля – анализ потенциала культурных образцов исторического прошлого, лежащего в основе исторических проекций, параллелей и аналогий как наиболее продуктивных моделей публичной истории и коллективной памяти. Например, одним из стереотипов массового исторического сознания является культ властителей и воинских побед. Но не только эти факты политической истории содержат в себе ценность исторического опыта для современности. Гражданское мужество, культурное и гуманистическое подвижничество, этическая бескомпромиссность – не менее важные созидательные факторы в истории нашей страны. Студентам необходимо учиться понимать и неоднозначные фигуры нашего прошлого во всей их сложности – как для исторической, так и для актуальной современности. Революционеры-радикалы и консерваторы-охранители, «новаторы» и «архаисты» должны быть рассмотрены как сложные культурные типы в конкретном историческом контексте вне зависимости от текущих ценностных приоритетов, которыми руководствуемся мы в нашей культурной ситуации.

Поэтому *культурно-антропологический анализ* исторического материала – один из главных методологических принципов при построении модуля, способствующий пониманию роли человека в истории. Для гуманитариев является особенно ценным смещение акцента с больших исторических событий на «медленные» культурные процессы, микроисторические сюжеты, «жизненный мир», ценностный горизонт и ментальные установки человека изучаемой эпохи, включая как «героев своего времени», так и «рядовых» людей.

Следующая ключевая задача модуля – стимулировать обучающихся к получению исторических знаний из разных видов источников, а также – способствовать овладению приемами поиска и анализа информации, распознавания риторических стратегий текста.

Круг источников, с которыми работают студенты, включает себя не только официальные документы, но и источники личного происхождения (мемуары, дневники, письма), а также произведения художественной литературы и визуальные образы – такие, как миниатюры средневековых летописей, древнерусские иконы, лубочные картинки, произведения русских художников, фотографии и кино. Это способствует взаимной «настройке» разных видов дисциплинарного гуманитарного знания: филологи или искусствоведы учатся воспринимать художественные тексты не только как явление особого языка искусства, но и как важнейший источник по культурной истории страны.

Базовый принцип гуманитарного образования – понимание исторических явлений в открытой смысловой перспективе, диалог эпох и культур. В учебном модуле широко представлены так называемые трудные вопросы отечественной истории, подразумевающие серьезный анализ ситуации с разных, порой противоположных точек зрения и формирование сложной и в то же время ценностно ясной и обоснованной картины той или иной эпохи. Главная образовательная задача – формирование критического отношения к упрощенным моделям восприятия истории в спектре от вульгарно-позитивистского («как было на самом деле») до вульгарно-телеологического и «прагматического» («это привело к многочисленным жертвам, но было необходимо»). Альтернатива этим редуционистским подходам – установки на понимание смысла событий и действий исторических лиц в рамках исторического сознания конкретной эпохи, что соответствует принципу историзма как основы профессиональной гуманитарной подготовки.

Примечания

- ¹ *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001. С. 284–294; *Кукарцева М.А.* Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 44–55; *Репина Л.П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей: Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 25–38.
- ² *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2007. С. 354–356; *Бёрк П.* Что такое культуральная история? М.: Высшая школа экономики, 2015.
- ³ *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI веков. М., 2011. С. 61–118.
- ⁴ *Бёрк П.* Указ. соч. С. 53–81.
- ⁵ *Смирнов И.П.* Кризис современности. М., 2010. С. 176–203.

- ⁶ Сошлемся на обсуждение положения в современной филологии: *Козлов С.* Осень филологии // Новое литературное обозрение. 2011. № 110. С. 15–22; Десять отзывов на статью Сергея Козлова // Новое литературное обозрение. 2011. № 110. С. 23–114.
- ⁷ См., например: *Персональность: Язык философии в русско-немецком диалоге* / под ред. Н.С. Плотникова, А. Хаардта. М., 2007.
- ⁸ *Атнашев Т., Велижев М.* «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // Новое литературное обозрение. 2015. Т. 134. № 4. С. 21–44.
- ⁹ Историзм изначально был присущ всем формам гуманитарного знания. Например, традиционная филология всегда была исторической наукой о текстах, культурология возникла из исторических исследований культуры и т. д.
- ¹⁰ *Троицкий Ю.Л.* Понимание текста как базовая компетенция // В поисках смыслов и ценностей: Сб. науч. статей // На путях к новой школе: спец. выпуск. М., 2014. С. 27–29; *Он же.* Эго-история // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М., 2014. С. 541–543; *Образовательные системы современной России: Справочник* / под ред. Ю.Л. Троицкого. М.: РГГУ, 2010.

А.Б. Безбородов, А.В. Корчинский,
О.В. Павленко, П.П. Шкаренков

Культурная история как основа исторического образования гуманитариев

В статье изложена концепция экспериментального учебного курса, адресованного будущим культурологам и рассчитанного на освоение студентами методов и инструментов анализа различных феноменов русской культуры в историческом аспекте. Предлагаемый авторами подход основывается на принципах современной культурной истории. Анализируются сильные и слабые стороны данного подхода. Обосновывается принцип историзма как один из базовых принципов профессиональной подготовки гуманитариев.

Ключевые слова: культурная история, гуманитаристика, культурология, студенческие компетенции.

Преподавание истории в рамках неисторических направлений подготовки всегда сопряжено с проблемой содержательной интеграции соответствующих курсов или модулей в целое образовательной программы. Особенно сложной эта проблема оказывается при подготовке гуманитариев – культурологов, искусствоведов, филологов, психологов, философов и т. д. С одной стороны, для того, чтобы быть профессионалом в каждой из этих областей, необходимо понимать, как предметное знание соотносится с историческим контекстом и закономерностями исторического развития человека, общества, культуры. С другой стороны, в логике научных и образовательных дисциплин эти сферы гуманитаристики оказываются жестко отграниченными от того круга тем и проблем, которые ассоциируются с историческими исследованиями.

Но в современном гуманитарном знании есть целый ряд научных направлений, которые помогают скорректировать этот изъян

© Безбородов А.Б., Корчинский А.В., Павленко О.В.,
Шкаренков П.П., 2017

Работа выполнена в рамках государственного задания, проект
№ 27.4310.2017/НМ

институциональной системы университетской науки, не разрушая ее устоявшихся дисциплинарных границ, а осуществляя ее внутреннюю перенастройку. Одно из таких направлений – культурная (культуральная) история. Некоторые авторы считают ее господствующей сегодня парадигмой гуманитаристики¹. Вопрос о статусе данного исследовательского поля лежит за рамками настоящей статьи², остановимся лишь на возможных положительных эффектах, на которые позволяет надеяться применение этого подхода в образовании.

Истоки культурной истории обнаруживаются уже в XIX веке – в самом начале становления современных гуманитарных наук, когда была осознана необходимость иного взгляда на исторический процесс, альтернативного тому, который отождествляет историю исключительно с политической и – отчасти – экономической историей общества. Различные области культуры – от искусства до повседневной жизни – стали изучаться не как изолированные сферы, развивающиеся по собственным законам, а как то, что тесно связано с историческими формами мышления как конститутивного фактора для всех социокультурных подсистем. Но почти целое столетие культурная история занимала относительно скромное место одного из сегментов исторического знания, хотя труды Я. Буркхардта, А. Варбурга, Э. Гомбриха, Э. Панофски, Й. Хейзинги и др. сыграли решающую роль в возникновении сегодняшних форм междисциплинарного взаимодействия внутри социально-гуманитарного знания. В частности, они предвосхитили «культурный поворот» в исторической науке 1960–80-х гг. и синхронный ему «исторический поворот» в других дисциплинах. Примерами такого взаимодействия могут служить историческая антропология, вырастающая из исследовательских практик «школы Анналов»; историография неомарксизма, перенесшего акцент с жесткого экономического детерминизма на изучение культурных факторов существования социальных классов; «новая культурная история» Л. Хант и Р. Шартье; семиотика культуры московско-тартуской школы; «новый историзм» в филологии; целый ряд направлений в социологии и антропологии (подходы И. Гофмана, П. Бурдье, М. Фуко, М. де Серто, К. Гирца и др.).

Культурная история подразумевает рассмотрение исторических процессов как следствия воспроизводства и изменения культурных практик. С этой точки зрения важными оказываются не только политические и социально-экономические события, но и повседневный жизненный мир людей, ментальные трансформации, функционирование и эволюция символических систем в истории общества. Сами политика и экономика рассматриваются как

часть культуры. Например, политические изменения основаны не только на внутренней логике соответствующих институтов (логике политической борьбы), но и на воздействии моральных, религиозных, риторических и даже эстетических факторов, обуславливающих поведенческие и коммуникативные нормы сообществ и групп, вовлеченных в политику.

Однако использование принципов культурной истории при построении курсов или модулей по истории (например, по истории России) для гуманитариев не должно сводиться к экстенсивному расширению круга тем, отражающих различные культурные аспекты прошлого. Во-первых, в рамках профессиональной подготовки важным, но непрофильным блокам не может быть отведено столько учебного времени, сколько необходимо для детального изучения всех аспектов. Во-вторых, увеличение фактологического охвата вряд ли способно изменить сам взгляд на историю. Исходя из этого предлагается при построении базовых курсов (модулей) по отечественной истории для гуманитарных направлений подготовки уделять внимание прежде всего теоретико-методологическим и инструментально-аналитическим составляющим исторического образования. Ниже будет представлен один из возможных подходов к разработке курса с применением оптики культурной истории.

Речь пойдет об экспериментальном курсе, адресованном будущим культурологам и рассчитанном на освоение студентами методов и инструментов анализа различных феноменов русской культуры в историческом аспекте.

Основное внимание в курсе уделяется русской словесности как одной из наиболее значимых символических подсистем, исторические изменения которой отражают развитие других культурных институтов и практик, связанных с жизнью государства, общества, социальных групп и отдельных людей. При этом словесность понимается предельно широко – как система устных и письменных дискурсивных практик, эволюционирующая во времени. С этой точки зрения существенно корректируется представление о «литературоцентризме» русской культуры, поскольку предполагается историческая трансформация самого поля словесности от фольклора и древневнерусской книжности к нововременной парадигме, в которой литературе делегируются специфические функции в рамках становления современных институций (они, в свою очередь, также существенно эволюционируют).

Курс строится по проблемно-хронологическому принципу. Самая общая понятийная рамка – осмысление различий между двумя культурными системами: культурой Древней Руси как культурой традиционного общества и культурой России Нового

и Новейшего времени. В центре внимания – процессы социокультурной модернизации, в российской истории начинающиеся с петровских реформ и наиболее интенсивно протекающие в XIX–XX вв.

При изучении раздела «Традиционная культура Руси» рассматриваются такие категории, как «дописьменная/письменная культура», «дневная/ночная культура», «канон», «правда», «святость», «кошунство» и т. д., основные жанры фольклора и письменности, динамика смены культурных эпох. Обсуждаются проблемы формирования и становления современного общества в России. Изучаются основные исторические понятия современности («государство», «общество», «нация», «гражданин», «литература» и др.), прослеживаются процессы культурных заимствований и трансферов, анализируется специфика культурных кодов и норм российского общества и их исторических трансформаций.

Следует обратить внимание, что композиция курса необычна. Курс начинается с раздела, в котором исследуется проблема исторического изменения культуры. В качестве наиболее радикальной трансформации в российской культурной истории рассматривается аналитический кейс «Культура “переломного времени”»: модернизация в России в XVIII–XIX вв. Методология изучения, суть процесса и основные тенденции». На этом материале студенты осваивают основные понятия, аналитические приемы и исследовательские принципы культурной истории. В качестве конкретных инструментов анализа берутся следующие:

- семиотика культурной нормы и социального поведения (подход Ю.М. Лотмана на примере исследования повседневной жизни образованного общества XVIII–XIX вв.)³;
- историческая семантика (история понятий и социальных языков) Р. Козеллека, К. Скиннера, Дж. Покока и др. в версиях, адаптированных для исследования российской культуры⁴;
- историческая социология литературы⁵ как подход, дающий представление об изменении социальной природы литературы, институции авторства, роли читателя, функциях литературы как арены публичной полемики и т. д.;
- исторический дискурс-анализ, в частности, подходы, ориентированные на исследование литературы как идеологической подсистемы⁶.

Данный раздел позволяет студентам яснее осознать проблему смены культурных эпох и исторического развития России, понять критерии дифференциации обществ традиционного и современного типа и в этом смысле предваряет изучение следующих частей курса. По мере освоения раздела студенты составляют тезаурус,

в котором дают самостоятельные дефиниции как историческим понятиям, так и аналитическим терминам, с помощью которых исследователи анализируют модернизационные процессы в русской культуре. Изучение раздела завершается написанием исследовательского эссе на тему «Как изучение литературы помогает изучать историю культуры и общества?».

Последующие разделы курса («Традиционная культура Руси: основные нормы и категории» и «Российская культура в эпоху модернизаций») дают диахронную развертку культурной истории России от Средних веков до современности, выполненную также на основе принципа проблемного изложения.

Осваивая первый из названных разделов, студенты знакомятся с основными категориями русской средневековой культуры, изучают фольклорную картину мира в сопоставлении с картиной мира человека эпохи книжности, критерии разграничения «дневной» и «ночной» культур, трансформации, связанные с началом книгопечатания, социальных функций древнерусской словесности, различных темпах исторического развития разных подсистем культуры и т. д. На основе анализа одного из ключевых текстов эпохи обучающиеся готовят эссе «Древнерусская литература и средневековое сознание».

В третьем разделе курса, посвященном культурной истории России XVIII–XXI вв., более детально проблематизируется опыт российских модернизаций, рассматриваемых в широком культурном контексте (а не только как серия государственно-политических проектов). Подробно рассматриваются возникающие с ходом времени признаки современного общества, а также сопутствующие им процессы архаизации и гибридизации, сохранения или реорганизации старых социокультурных институтов в контексте новых эпох.

Согласно избранной оптике, в данной части курса особое внимание уделяется роли литературы в контексте общественных изменений. Например, она рассматривается как значимый механизм выдвижения русской интеллигенции в течение XIX в. как новой социальной группы, ставшего частью более масштабных социальных трансформаций. Русская литература XVIII–XX вв. играет важнейшую политическую роль – не только с точки зрения стандартной проблемы «художник и власть», но и как мощный инструмент формирования гражданской позиции и новых акторов политического процесса (декабристы, славянофилы, народники, русские консерваторы конца XIX – начала XX века, соцреализм как политико-идеологический проект и т. д.). На завершающем этапе освоения раздела, подводящем итоги по курсу в целом, студенты пишут эссе на одну из тем по выбору (примеры: «Обще-

ственная роль литературы в русской культуре», «Русская литературная классика как социальный институт», «Модерн по-русски: “национальная деформация”?», «Литература и социокультурная идентичность в современной России», «Наступила ли в России “постсовременность”» и т. д.).

На наш взгляд, подобный курс может стать частью исторического блока любой программы подготовки гуманитариев в высшей школе. Предлагаемый подход позволяет гибко и весьма разнообразно варьировать аспекты изучения (вместо литературы призмой рассмотрения культурной истории может стать повседневный быт, религиозные практики, политическая культура, история становления публичной сферы, те или иные устойчивые социальные ритуалы и т. д.). Проблемный и инструментальный характер курса обеспечивает формирование таких студенческих компетенций, которые позволят выпускникам в дальнейшем не только самостоятельно пополнять свой багаж исторических знаний, но также анализировать и интерпретировать различные явления истории, опираясь в том числе на специальные профессиональные навыки.

Примечания

- ¹ Бёрк П. Что такое культуральная история? М.: ВШЭ, 2015. С. 82–85.
- ² См.: Корчинский А.В. Блеск и нищета культурализма // Новое литературное обозрение. 2016. № 138. С. 314–321.
- ³ Тексты, включенные в список обязательной литературы: Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25–74; Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Ученые записки Тартуского гос. университета. 1977. Вып. 411. С. 65–69.
- ⁴ Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В.М. Живова. М.: ЯСК, 2009; «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода: В 2 т. / Под ред. А. Миллера, Д. Сдвижкова, И. Ширле. М.: НЛО, 2012; Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Под ред. В.М. Живова, Ю.В. Кагарлицкого. М.: ЯСК, 2012.
- ⁵ Рейтблат А.И. Русская литература как социальный институт // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: НЛО, 2014. С. 11–32.
- ⁶ Зорин А.Л. «Кормя двуглавого орла...»: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: НЛО, 2001.

Международные интеграционные процессы: социокультурные и экономические аспекты

М.А. Гордеева

Вызовы европейской интеграции

Статья посвящена анализу перспектив европейской интеграции и возможным тенденциям дезинтеграции Европейского Союза (далее ЕС). Автор рассматривает современные подходы к пониманию интеграции и выявляет основные сценарии развития Европы как единого региона в будущем. Анализ основных вызовов европейскому сообществу проведен на основе системных факторов и понятий региональной и политической интеграции.

Ключевые слова: Европейский союз, интеграция, дезинтеграция, идентичность, лояльность.

Европейская интеграция на протяжении целого ряда десятилетий развивается по принципу цикличности, где периоды прорывного развития сменяются этапами стагнации. Последние во многом становятся импульсом к пересмотру законодательства и институциональной структуры союза. Идея европейской интеграции во многом возникла, как ответ на разрушения после двух мировых войн. И совершенно не случайно сотрудничество сначала развивалось в своем экономическом и техническом аспекте, отсрочив на определенное время политическую интеграцию. Дальнейшая же интеграция в значительной степени зависела от создания европейской политической системы, которая позволяла бы реализовывать необходимые политические решения, основанные на компромиссе и согласовании интересов европейских государств, а также давала бы возможность выражать несогласие и публично отстаивать свои позиции.

Понимание процессов дезинтеграции связано с анализом основных механизмов интеграции и тех рисков, которые возникают в случае возникновения разногласий между участниками. Рассмотрим основные подходы к пониманию наиболее значимых составляющих евроинтеграции и возможных вызовов единой Европе.

Анализ европейской интеграции с позиции структурного реализма связан с понятием геополитической или военной угрозы как основного фактора, определяющего ее динамику. Тот факт, что Европа, сохраняя единство, достаточно безболезненно пережила окончание холодной войны, по мнению специалистов, связан с продолжающейся доминантной ролью США в вопросах европейской безопасности и определении внешних угроз. Увеличение недоверия европейских стран друг другу связано в большей степени с развитием экономической сферы. Международные проблемы с точки зрения данной парадигмы могут объединить европейские государства только на короткий или средний по продолжительности период времени и не являются системными императивами для интеграции.

Отталкиваясь от подхода неореализма и изучения практик межправительственного взаимодействия, европейская дезинтеграция проистекает из экономического и торгового сотрудничества (того, что часто называют политикой на низком низовом? уровне), а не интеграцией в вопросах внешней политики и безопасности (политика высокого вышем? уровня). Исследователи, придерживающиеся этих парадигм, не пришли к единому мнению относительно того, что составляет основу евроинтеграции — системные факторы (с точки зрения С. Хоффмана¹) или внутривнутриполитические соображения (А. Моравчик²). степень заинтересованности государств предопределяет судьбу интеграции всего региона. С этой точки зрения будущее единой Европы вызывает массу опасений, потому что в последнее время евроскептицизм провоцирует все больше дифференциации между отдельными государствами ЕС, который сопровождается достаточно радикальными решениями, такими как оказался британский «Брексит». Франко-Германское экономическое сотрудничество также подвергается достаточно сильным изменениям и усилением Германии. С позиции межправительственного взаимодействия именно разрыв партнерства двух лидеров может стать основным триггером дезинтеграции.

С точки зрения институционализма, политические институты могут быть крайне успешны, если их деятельность основывается на общих интересах участников, что нивелирует не только разногласия, увеличивает стабильность системы, но и даже снижает ее затратность. С этой точки зрения, момент, когда интересы основных участников перестают реализовываться на ожидаемом ими уровне, является началом дезинтеграции системы.

Еще в 1970-е годы исследователи неофункционалистского направления выдвинули идею о том, что создавший единую Европу эффект «разлива» («spill-over effect») может иметь и обратный

вектор движения. Это может выражаться в частичном выходе государств из ряда договоренностей, что, с одной стороны, наносит ущерб интеграции, а с другой может просто изменять ее направленность.

С точки зрения неоинституционалистов, такое обратное движение просто невозможно, потому что, раз сложившись, система приобретает внутреннюю динамику развития, которая все больше втягивает своих участников в единую рамку взаимодействия и создает потребности, которые государства могут решить только через более широкую рамку регионального управления³. С их точки зрения даже мощный финансовый кризис может замедлить интеграцию только ненадолго.

Представители направления сравнительного федерализма, например, Дэниел Келеман, считает, что любые федерации обладают не очень большим запасом прочности⁴. Для того, чтобы избежать подобной судьбы ЕС необходимо иметь сильные элементы, поддерживающие уровень внутренней интеграции на стабильно высоком уровне. Основными элементами такого порядка могли бы стать сильные общеевропейские политические партии, общая идентичность и политическая культура. Одна из основных проблем на данный момент с его точки зрения заключается в том, что на протяжении ряда лет практически нет никакого прогресса в продвижении общеевропейской идентичности и будущие возможности этого постоянно сокращаются из-за нарастающих экономических и миграционных проблем.

Одним из современных подходов к пониманию интеграции является работа Ханса Волларда⁵ и Стефано Бартолини⁶. Следуя логике С. Бартолини, процессы дезинтеграции начинаются тогда, когда прекращается ее развитие, когда ослабевают общие для всех участников стандарты поведения и контроль за их соблюдением. Случаи выхода из ЕС резко ослабляют гомогенность границ союза и снижают значимость его ценностных приоритетов.

Дезинтеграция во многом также является отражением невозможности эффективно заявлять позиции и право быть несогласным⁷, тем самым воздерживаясь от радикальных действий по выходу из организации, которые в итоге оказываются чрезмерно затратными для каждой из сторон.

Такая ситуация выражается в том, что практически не удается предсказать, когда и при каких условиях страна может принять решение по выходу из ЕС. Это можно сделать исходя только из общей логики политического поведения участников, где лидеры системы могут быть более радикальны в своих решениях, а более слабые и, соответственно, зависимые от ряда программ ЕС страны будут более осторожны и предсказуемы в своих решениях.

Вариант полного реверса интеграции невозможен, но дифференцированная интеграция, основанная на определенной архитектуре взаимодействия ряда участников, исходя из решения их основных интересов, очень вероятна.

ЕС во многом является уникальным проектом региональной интеграции, который изначально возникал с очень высокой степенью централизации, очень большом количестве участников и обширных полномочиях центра⁸.

Особого внимания заслуживает подход А. Хиршмана⁹, который уделял большое внимание принципам поведения недовольных членов организации. Его основная идея состояла в том, что увеличение количества недовольных создает мощный резонанс, который, оказывая давление на руководящие институты и политиков, формирует запрос на реформирование всей организации. Как правило в таких ситуациях члены организации используют две возможные стратегии – публичное высказывание несогласия с конкретным решением организации или прибегают к радикальному решению – выходу из организации. Выбор одной или другой стратегии поведения может быть предопределен целым рядом факторов. Очень часто значимой причиной выбора более мягкого варианта может быть чувство лояльности определенным идеям, которые данная организация выражает, или же просто невозможность для нее выхода из союза, например, по экономическим причинам. Еще одним фактором, пересиливающим желание отдельных участников покинуть организацию может быть высокая цена за выход из нее¹⁰. С. Бартолини определяет само понятие верности организации как привязанность к организации, основанная на доверии и общей идентичности ее участников¹¹. Более того, механизмы лояльности включают в себя психологический аспект, оказывающий значимое влияние на поведение актора. Очень распространены ситуации, когда при сохранении общей лояльности организации, высказывается резкая критика или несогласие с позицией большинства по определенным вопросам¹². Сложность может только возникать с определенным «накоплением» количества вопросов, вызывающих несогласие.

Результаты исследований А. Хиршмана¹³ были в дальнейшем развиты в работах Штайна Роккана¹⁴, который добавил в схему понимания поведения сторон в рамках организации системный факторы (территориальные вопросы, доступ к определенным ресурсам, политические соображения и так далее). С. Бартолини¹⁵ называет эти составляющие лояльности «построением системы» лояльности, куда входит единая идентичность, доверие, социальный капитал и институты и культурная интеграция.

С точки зрения Ш. Рокана, можно выстраивать интеграцию наращивая значение одного из перечисленных компонентов.

В целом выбор стратегии поведения отдельных членов организации зависит от общего «климата» в системе. Наличие институциональной возможности публично заявлять и обсуждать позиции сторон увеличивает стабильность функционирования системы в целом. Наличие взаимозависимости членов организации, четкая отстройка от других организаций по ценностям и руководящим принципам деятельности дает возможность четко удерживать внешние границы организации, а также ее внутреннюю структуру, обеспечивая развитие. Внутренняя логика интеграции идет очень часто посредством создания коалиций. Определенная политика же складывается из агрегированных интересов участников, а независимые и зависимые переменные в данной схеме постоянно меняются и нужны для того, чтобы показывать приоритетность тех или иных вопросов для данной общности¹⁶.

Таким образом, один из сценариев развития евроинтеграции состоит в сохранении сильного национального уровня и ограничения роли Брюсселя, что связано с постоянным расширением географических границ ЕС и стран «партнеров».

Следующий вызов европейской интеграции в будущем будет связан с экономическими факторами и наличием или отсутствием мобильности граждан и возможностями для маневра на уровне государств. Серьезные осложнения в национальных экономиках привели к резкому снижению мобильности ряда государств в принятии политических решений. Стала вырисовываться прямая зависимость самостоятельности в принятии политических решений от макроэкономических вопросов (особенно это характерно для таких стран, как: Греция, Кипр, Испания и Португалия). Проблема усугубляется не только необходимостью значительных вливаний в экономики более слабых стран, но и тем, что Европейская интеграция, будучи замещенной на принципе постоянного согласования позиций стран-участниц, а также принципах солидарного поведения стран (*federal solidarity*) и пропорционального распределения ресурсов (*distributive justice*), очень слабо сочетается с логикой функционирования современных финансовых рынков. Именно это и стало главным вызовом европейской политической интеграции во время последнего экономического кризиса. Так как европейские рынки, очевидно, не являются частью системы взаимных политической договоренностей и системы европейских «сдержек и противовесов», то их регулирование весьма осложнено и ЕС очень быстро доходит до пределов своих возможностей по управлению макрофинансовыми процессами. Применение

к финансовым рынкам опыта политических согласований невозможно в значительной степени и из-за необходимости быстро принимать решения и потому, что всегда существует риск финансовой некредитоспособности отдельных стран-членов ЕС¹⁷. Более того, логика функционирования рынка такова, что вмешательство одного, пусть и очень сильного актора, не может существенно изменить структуру взаимодействия и снизить высокую степень контактов многочисленных участников рынка или же предотвратить решение отдельных сторон по выходу из невыгодных им сделок. Такая ситуация обладает большим дезинтеграционным потенциалом и экономической нестабильностью, что противоречит политическим интересам ЕС.

Социальный капитал, которым обладает ЕС, определено оказался недостаточным для регулирования финансовых рынков и защиты отдельных государств-членов Союза в период кризиса и после него. Нежелание ряда сильных государств поддерживать более слабых на начальном этапе кризиса было впоследствии преодолено рядом политических решений не применять статью 125 торгового и финансового статута ЕС (так называемый “*po-bailout-clause*”). Косвенным признаком проблем с экономической интеграцией являются «плывущие» ставки по кредитам внутри единого европейского рынка¹⁸. Таким образом, свободный рынок, не достигший необходимого уровня гомогенности, противоречит европейским принципам, связанным с сокращением экономических барьеров и созданием единого экономического пространства. Однако тот факт, что эта идея является все еще очень популярной и входит с число основных для европейской интеграции¹⁹, говорит о том, что у власти в ЕС остаются «транснациональные» элиты²⁰, но у политических институтов не хватает потенциала для того, чтобы преодолеть экономическую дезинтеграцию, проистекающую из разного уровня экономического развития отдельных государств.

Примечания

¹ *Hoffmann C.* Obsolete or obsolete? The fate of the nation-state // *Debates on European Integration*. Palgrave Macmillan, Houndmills Basingstoke, 2006. P. 134–159.

² *Moravcsik A.* Negotiating the Single European Act: National interests and conventional statecraft in the European Community // *International Organization*. 1991. Vol. 45(1). P. 19–56.

- ³ *Haas E.* Turbulent fields and the theory of regional integration // International Organization. 1976. Vol. 30(2). P. 173–212.
- ⁴ *Marks G.* Europe and Its Empires: From Rome to the European Union // Journal of Common Market Studies. 2012. Vol. 50(1). P. 1–20.
- ⁵ *Vollaard H.* Explaining European Disintegration // Journal of Common Market Studies. 2014. Vol. 52(5). P. 31–57.
- ⁶ *Bartolini S.* Restructuring Europe: Centre Formation, System Building and Political Structuring between the Nation-State and the European Union. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- ⁷ *Ibid.* P. 53.
- ⁸ *Warleigh-Lack A., Van Langenhove L.* Rethinking EU studies: the Contribution of Comparative Regionalism // Journal of European Integration. 2010. Vol. 32(6). P. 544.
- ⁹ *Hirschman A.O.* Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations and States. Cambridge: Harvard University Press, 1970. P. 93.
- ¹⁰ *Idem.* P. 93.
- ¹¹ *Bartolini S.* Op. cit. P. 31.
- ¹² *Dowding K.* Exit, Voice and Loyalty: Analytic and Empirical Developments // European Journal of Political Research. 2000. Vol. 37. P. 36.
- ¹³ *Hirschman A.O.* Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations and States. Cambridge: Harvard University Press, 1970.
- ¹⁴ *Rokkan S.* State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe: The Theory of Stein Rokkan. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- ¹⁵ *Bartolini S.* Old and New Peripheries in the Processes of European Territorial Integration // Restructuring Territoriality: Europe and the United States compared. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 31.
- ¹⁶ *Bartolini S.* Restructuring Europe... P. 4.
- ¹⁷ *European Disunion: Between Sovereignty and Solidarity.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012.
- ¹⁸ *Schimmelfenning F.* The euro crisis and differentiated integration // Democratic Politics in a European Union under Stress. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- ¹⁹ *Zielonka J.* European Disintegration? Elusive Solidarity // Journal of Democracy. 2012. 23(4). P. 54–61.
- ²⁰ *Münch R.* Solidarity and Justice in the Extended European Union // Europe in Motion. Social Dynamics and Political Institutions in an Enlarging Europe. Berlin, 2006. P. 79–95.

ЕАЭС: противоречия интеграционного взаимодействия

Статья посвящена процессу Евразийской экономической интеграции в условиях экономической турбулентности в глобальной экономике. Рассматриваются положительные тенденции и ограничения интеграции стран-участниц, а также перспективы долгосрочного взаимодействия. Акцентируется внимание на необходимости оптимизации системы управления и разработки механизмов согласования хозяйственных процессов при бюрократических процедурах принятия решений. Оценивается экономический эффект от интеграционного взаимодействия.

Ключевые слова: ЕАЭС, экономическая интеграция, экономическое развитие, Евразийская экономическая комиссия, механизм принятия решений.

Процесс интеграции ЕАЭС в своем развитии достиг определенного положительного уровня межгосударственного взаимодействия при наличии имеющихся противоречий в модели формирования Евразийского экономического союза: 1) реализация принципа свободной торговли; 2) формирование Таможенного союза (2010); 3) создание единого экономического пространства (2012); 4) формирование Экономического союза (2015). Единое экономическое пространство государств: России, Казахстана и Беларуси реализует экономические интересы заинтересованных стран на основе 17 базовых соглашений и 52 нормативных правовых актов, вступивших в силу 1 января 2012 г. Принятые документы способствуют:

- реализации «четырех свобод»: свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы;
- гармонизации и унификации норм хозяйственного регулирования в ключевых сферах (в области конкуренции, субсидирования, госзакупок, технического регулирования деятельности субъектов естественных монополий, защиты интеллектуальной собственности и др.);

- проведению согласованной макроэкономической и валютной политики;
- формированию интегрированных отраслевых рынков.

Присоединение к ЕАЭС Армении и Кыргызстана в 2015 г. потребовало внесения уточнений в компетенции наднациональных органов Союза, связанных с процессами антимонопольного регулирования, налогообложения, защиты прав потребителей, интеллектуальной собственности и др. При этом обе страны пока испытывают серьезные трудности во взаимодействии с интеграционным объединением, обусловленные недоработками как самого Бишкека и Еревана, так и действиями других стран – участниц союза, которые стремятся защитить свои рынки.

Единым наднациональным органом ЕАЭС является Евразийская экономическая комиссия, постоянно действующий регулирующий орган Евразийского экономического союза, созданный в 2011 г. Основной задачей ЕЭК является обеспечение условий функционирования и развития Евразийского экономического союза, Таможенного союза и Единого экономического пространства, выработка предложений в сфере интеграции в рамках этих объединений.

В настоящее время ЕЭК выработала соглашения о требованиях, направленных на упорядочивание торговли услугами и инвестициями, создание условий для обеспечения свободного движения капитала, а также предусмотрены направления, порядок и сроки гармонизации национальных законодательств в финансовой сфере. Основными целями ЕЭК являются: формирование единого финансового рынка; взаимное признание лицензий; обеспечение недискриминационного доступа на финансовые рынки; совершенствование контроля и надзора на финансовом рынке. Завершение процесса гармонизации к 1 января 2025 г.

При всех очевидных положительных результатах работы ЕЭК, механизм принятия решений утяжеляет систему управления и усложняет бюрократические процедуры принятия решений, а это, в свою очередь, требует регулярного мониторинга норм управляемости и ревизии стандартов и процедур. Причем процесс формирования ЕЭК, до сих пор, не в полной мере учитывает национальные интересы всех участвующих сторон, так, например, есть определенное доминирование российской стороны в наднациональных органах управления. Кроме того, механизм формирования Коллегии Комиссии недостаточно прозрачен и усугубляется недостаточной проработкой остальных факторов: несовершенством институциональной инфраструктуры, огромным количеством выработанных различных урегулирований (проблема бюрократизации), неоправданным увеличением количественного состава Комиссии, отсут-

твием юридически закрепленной ответственности должностных лиц за принятие неэффективных решений и др. ЕЭК за период своей работы, с одной стороны, обеспечила высокий уровень интеграционного взаимодействия, а с другой – не преодолела тех указанных ограничений для выработки эффективных механизмов обеспечения баланса национальных и наднациональных интересов.

Согласование механизмов регулирования интеграционными процессами в ЕАЭС и, прежде всего, пересмотра институциональных механизмов Союза, касающихся ключевых факторов улучшения эффективности ЕЭК, при максимальной открытости и прозрачности всех процессов, имеет все основания на получение положительного результата.

В этой связи, экономический эффект от интеграционного взаимодействия, на наш взгляд, характеризуется следующими положительными тенденциями:

- широким использованием потенциала внешней торговли, реализуемого при устойчивых взаимовыгодных контактах между странами Союза;
- процессом диверсификации внешней торговли, в частности в направлении Греции и Вьетнама;
- сокращением административных расходов, связанных с осуществлением торговых операций, и улучшением условий торговли с третьими странами;
- углублением международного разделением труда, открывающего новые возможности для промышленной кооперации и специализации производства;
- концентрацией и централизацией производства и капитала, характеризуемого реализацией эффекта масштаба и экономией издержек производства;
- мобильностью факторов производства в условиях общего рынка, что ведет к росту национальных экономик внутри интеграционного объединения;
- расширением взаимного доступа к технологиям и ресурсам, увеличением инвестиций в перспективные отрасли, определяющих научно-технический прогресс и научные исследования и разработки;
- увеличением притока иностранных инвестиций;
- усилением конкуренции, что стимулирует внедрение новых технологий, повышением качества продукции, разработкой новых ее видов, снижением издержек производства и цен;
- развитием инфраструктуры (транспорт, телекоммуникации, поставки энергии и др.);
- снижением рисков предпринимательской деятельности;

– расширением возможностей совместного решения социально-экономических проблем и др.

Основными проблемами и ограничениями ЕАЭС на современном этапе экономического развития являются следующие:

- опережающий экономический рост в сопредельной стране, обусловленный доминирующим положением партнера по интеграции;
- приобретение более затратных товаров у партнера по интеграции в силу изменения таможенной политики у традиционного внешнего торгового партнера;
- усиление экономического неравенства стран-участниц, вследствие привилегированного положения одного из партнеров и неравномерного распределения выгод и издержек экономической интеграции;
- увеличение зависимости воспроизводственного цикла страны-участницы интеграционного процесса, уменьшение свободы принятия хозяйственных решений и присвоения их результатов;
- рост издержек, связанных с гармонизацией и унификацией экономической политики;
- неравные условия конкуренции по определенным категориям товаров, в частности, товаров пищевой промышленности России, Казахстана и Кыргызстана;
- системные и структурные противоречия в ЕАЭС, в частности разное концептуальное видение цели объединения привели к активизации альтернативных направлений: повороту Казахстана на юг и восток, Беларуси – на запад;
- влияние конфликтов геоэкономического и протекционистского характера на ведение «торговых» и «валютных» войн между партнерами по интеграции и др.

О степени эффективности и успешности ЕАЭС можно судить по макроэкономическим показателям интеграционных процессов.

Так, начиная с 2013 г., взаимная торговля между государствами – членами ЕАЭС демонстрировала отрицательную динамику. Наиболее сложная ситуация была отмечена по итогам 2015 г. Объем взаимной торговли в стоимостном выражении по сравнению с 2014 г. сократился на 25,5 %. В 2016 г. падение объемов взаимных поставок существенно замедлилось и по итогам 2016 г. сокращение составило 6,7 %¹.

В 2017 г. взаимная и внешняя торговля Евразийского экономического союза демонстрирует рост на протяжении первой половины года. По сравнению с первым полугодием 2016 г. торговля внутри и снаружи ЕАЭС выросла на 27,8 %. В денежном отношении рост торговли составил 63,5 млрд долларов. В ЕЭК отмечают,

что такая тенденция говорит об устойчивом экономическом росте в странах объединения. Торговый оборот государств ЕАЭС с третьими странами в первом полугодии 2017 г. достиг 292,2 млрд долл., в том числе экспорт – 182 млрд долл., импорт – 110,2 млрд долл. Объем взаимной торговли Евразийского экономического союза за январь – июнь 2017 г. составил 25,1 млрд долларов².

Как показывает практика интеграционного взаимодействия стран-участниц ЕАЭС, имеющиеся сложности в развитии Союза, во-первых, обусловлены особенностями внутреннего развития государств-членов, несовпадением их экономических интересов, стремлением защитить внутренний рынок и отечественных производителей. Аналогичные сложности можно наблюдать и в условиях интеграционного ЕС. Во-вторых, они связаны с особенностями экономической турбулентности в глобальной экономике, большой волатильностью финансовых и энергетических рынков, сложной внешнеполитической конъюнктуры, что в условиях высокой взаимозависимости особенно болезненно отражается на развивающихся экономиках³.

Ожидается, что наряду с достижением главной цели интеграции ЕАЭС - создание условий для развития собственных экономик и повышение их конкурентоспособности в мировой и региональной экономической системе, - участие государств-членов в интеграционных процессах в долгосрочном периоде будет также осуществляться в целях либерализации доступа их продукции на мировые рынки, а также улучшения предпринимательского климата для привлечения инвестиций. В 2015 г. Высшим Евразийским экономическим советом были определены основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 г., среди которых были обозначены следующие⁴:

1. Обеспечение макроэкономической устойчивости.
2. Создание условий для роста деловой активности и инвестиционной привлекательности, что необходимо в связи с дальнейшим усилением международной конкуренции и ограничением доступа на рынки.
3. Инновационное развитие и модернизация экономики должны достигаться повышением уровня научно-технического потенциала и развитием наукоемких отраслей, увеличением доли высокотехнологичного экспорта.
4. Обеспечение доступности финансовых ресурсов и формирование эффективного финансового рынка Союза.
5. Инфраструктурное развитие и реализация транзитного потенциала критичны для успешного функционирования единого рынка и обеспечения четырех свобод.

6. Развитие кадрового потенциала вызвано необходимостью перехода к инновационной экономике, развитию высокотехнологичных секторов в условиях дефицита высококвалифицированных трудовых ресурсов.
7. Сотрудничество в целях ресурсосбережения и повышения энергоэффективности связано с повышением требований к качеству выпускаемой продукции и необходимостью конкурентного доступа на внутренний рынок и рынки третьих стран, а также задачей снижения нагрузки на окружающую среду.
8. Региональное развитие (межрегиональное и приграничное сотрудничество).
9. Реализация внешнеторгового потенциала диктуется необходимостью диверсификации торговых потоков в условиях нарастающей конкуренции, необходимости сокращения транзакционных издержек и минимизации влияния внешнеполитической конъюнктуры на экономическое развитие стран.

По оценкам экспертов в перспективе до 2025 г. в рамках ЕАЭС запланировано создание нескольких общих рынков и пространств:

- создание общих рынков энергоресурсов, в частности общего рынка газа, общего рынка нефти и нефтепродуктов, а также формирование общего электроэнергетического рынка Союза⁵;
- единого транспортного пространства⁶;
- скоординированной агропромышленной политики⁷;
- устранение имеющихся преград в движении товаров и рабочей силы;
- формирование единого финансового рынка ЕАЭС⁸.

Таким образом, достижение долгосрочных положительных эффектов интеграционного взаимодействия в ЕАЭС определяется возможностью формирования и реализации потенциала полноценного общего рынка, стабильность которого позволит обеспечить положительную экономическую динамику в долгосрочном периоде на основе увеличения масштабов производства, модернизации структуры хозяйства, развитием экономической деятельности, посредством перспективных и глубоких форм производственной кооперации.

- ¹ Доклад «О состоянии взаимной торговли между государствами – членами Евразийского экономического союза в 2015–2016 гг.» // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс] URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/report/Report_2015-2016.pdf (дата обращения: 11.11.2017).
- ² Статистика внешней и взаимной торговли товарами. Департамент статистики ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс] URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx (дата обращения: 11.11.2017).
- ³ Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 г. (РСМД). М., 2017.
- ⁴ Решение высшего Евразийского экономического совета № 28 «Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 г.» от 16 октября 2015 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/15vr0028/> (дата обращения: 11.11.2017).
- ⁵ Мансуров Т. Создание общих рынков энергоресурсов Евразийского экономического союза. [Общий электроэнергетический рынок союза] // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс] URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Documents/Статья%20Т%20А%20Мансурова%20в%20Энергорынок.pdf> (дата обращения: 11.11.2017).
- ⁶ Транспортный потенциал Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс] URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/Транспорт.pdf> (дата обращения: 11.11.2017).
- ⁷ Согласованная агропромышленная политика в Евразийском экономическом союзе // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс] URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/agroprom/Pages/default.aspx (дата обращения: 11.12.2017).
- ⁸ К середине 2017 г. ЕЭК подготовит Концепцию формирования общего финансового рынка ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс] URL: <http://news.21.by/economics/2016/10/29/1256718.html> (дата обращения: 11.11.2017).

Роль внутригерманского сопротивления в борьбе против нацизма

(Рецензия на книгу: *Хавкин Б.Л.* Германский национал-социализм и антигитлеровское Сопротивление. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2017. 377 с., 23 с. вкл.)

Изучение истоков возникновения и развития германского национал-социализма и движения антигитлеровского Сопротивления (1933–1945 гг.) востребовано в научном и общественно-политическом плане. Эта проблематика и в начале XXI в. вызывает большой общественный резонанс, связанный с ролью истории Второй мировой и Великой Отечественной войн в формировании исторической памяти. Книга Б.Л. Хавкина, подготовленная на основе его докторской диссертации¹, посвящена этой важной и чрезвычайно дискуссионной теме.

О научной актуальности рецензируемой работы свидетельствует возрастающий интерес как российских, так и германских исследователей к изучению тем, связанных с совместной историей двух стран. Немецкое антигитлеровское Сопротивление стало одной из таких проблем. Интенсифицируется изучение истории борьбы с нацизмом коммунистов и социал-демократов, пацифистов, религиозных кругов, молодежи, представителей традиционных элит. Если в ФРГ главное внимание исследователей в основном уделялось участникам антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г., а роль коммунистов в Сопротивлении игнорировалась, то в СССР долгое время традиционно преобладало изучение антифашистской борьбы Коммунистической партии Германии (далее – КПГ) и истории Национального комитета «Свободная Германия» (далее – НКСГ), что, в свою очередь, создавало предпосылки к недооценке значения деятельности военной и национально-консервативной оппозиции нацизму. Конструктивные изменения в историографических реалиях, произошедшие в постсоветской России, во многом связаны с многолетней плодотворной научно-исследовательской деятельностью автора рецензируемой книги².

Исследуемая Б.Л. Хавкиным тематика находится на стыке трех отраслей исторических знаний: истории международных отношений, всеобщей и российской истории (с. 6). Автор доказывает, что планы и активность немецкого антигитлеровского Сопротивления оказывали влияние на взаимоотношения «большой тройки» антигитлеровской коалиции, в частности усиливая имевшиеся подозрения в готовности каждого из союзников пойти на сепаратный мир с Германией. В свою очередь, участники немецкого антигитлеровского Сопротивления не могли не учитывать позиции СССР, США и Великобритании как по вопросу прекращения войны, так и по поводу перспектив послевоенного устройства Германии. Следовательно, (этот тезис находится в центре авторской концепции) немецкое антигитлеровское Сопротивление было значимым фактором международных отношений в годы Второй мировой войны.

Работа состоит из введения, трех глав, разбитых на параграфы и подпункты, заключения, списка источников и литературы, именного указателя и фотоиллюстративного ряда. Введение (с. 6–24) знакомит читателя с целями и задачами монографии, историографическим обзором по теме исследования, характеристикой базы источников. Б.Л. Хавкиным предложено и обосновано собственное определение центрального понятия «Сопротивление» (с. 9–11). В качестве ключевых критериев названы два параметра: проявление активного неприятия господствующего режима и противодействие правящей системе. Исследователь отмечает, что всех участников немецкого Сопротивления объединяла общая цель: уничтожение Гитлера и свержение нацистской диктатуры. Данное автором определение позволяет сохранить смысл понятия «антигитлеровское Сопротивление», избежать расширительного употребления этого термина.

Первая глава монографии кратко знакомит читателя с сущностью германского национал-социализма (с. 25–47). В ней последовательно сопоставляются сходные черты и принципиальные различия понятий «фашизм» и «нацизм». Анализ большого объема источников и литературы позволяет Б.Л. Хавкину дать свой ответ на дискуссионный вопрос: что такое фашизм и нацизм с точки зрения политической и исторической наук (с. 26–28)? Обстоятельно рассмотрены причины возникновения нацизма в Германии (с. 29–33). Отдельный параграф посвящен «Пивному путчу» 8 ноября 1923 г. и его последствиям (с. 33–35, см. также: с. 174–175). Логическим продолжением темы стали параграфы «Путь нацистов к власти» (с. 35–37) и «Третий рейх» (с. 37–43). В соответствующем параграфе историк характеризует расизм и антисемитизм в качестве государственной идеологии и преступной прак-

тики нацистского государства: в гитлеровском рейхе расизм стал не просто государственной политикой, но и самой основой государства, целью которого было господство «арийской расы» (с. 43). Темы военной экспансии гитлеровской Германии и неизбежного краха нацистского режима объединены в завершающем параграфе первой главы (с. 46–47).

Во второй главе «Германское антигитлеровское Сопротивление» (с. 48–231) рассмотрены история и историография германского антигитлеровского Сопротивления на примере выделенных автором основных тематических комплексов: «Коммунистическое Сопротивление», «Красная капелла», «НКСГ», «Консервативная оппозиция и заговор против Гитлера». Как доказывает Б.Л. Хавкин, именно эти организации и группы играли в немецком Сопротивлении ведущую роль.

КПП представлена как фактор антигитлеровского Сопротивления 1933–1941 гг. – от прихода в Германии к власти национал-социалистов до развязывания ими агрессии против СССР. Монография вносит значительный вклад в исследование стратегии и тактики антифашистской борьбы КПП (с. 51–58). В работе показано, что тактика «тройного коня» себя не оправдала, усилия коммунистов по созданию народного фронта в итоге оказались тщетными во многом из-за недоверия, которое питали к КПП представители других антифашистских сил.

Широкий международный резонанс приобрели разоблачения коммунистами подготовки гитлеровской агрессии (с. 58–62, 176–177). В монографии подробно проанализированы представления коммунистов о путях свержения гитлеровского режима. В частности, на примере трудов Э. Генри (Л.А. Хентова) продемонстрировано, что отдельные участники коммунистического Сопротивления не всегда беспрекословно разделяли позицию своей партии о ходе будущей германо-советской войны (с. 59–62). КПП оказалась заложницей внешней политики И.В. Сталина, о чем красноречиво свидетельствует судьба лидера немецких коммунистов Э. Тельмана (с. 62–74, 321). В 1939–1941 гг. Сталин предпочел освобождению Тельмана «дружбу» с Гитлером. После 11 лет заключения в нацистских тюрьмах Тельман был расстрелян в концлагере Бухенвальд 18 августа 1944 г.

Для определения роли и значения немецкого антигитлеровского Сопротивления важным представляется анализ взаимодействия СССР с «немецкими партнерами по антифашистской борьбе» (с. 77, 321), действовавшими на территории Германии. Этому аспекту посвящен третий и четвертый параграфы второй главы. Их содержание убедительно доказывает, что главное место среди немецких

борцов Сопротивления занимала «Красная капелла», которая была группой убежденных антифашистов, преследовавших собственную цель (создание миролюбивой демократической Германии) и стремившихся к равноправному сотрудничеству с советской стороной (с. 76–77). Драматическая история «Красной капеллы» воссоздана автором на основе тщательного изучения архивных материалов Федеральной службы безопасности и Службы внешней разведки России, их критического сопоставления с опубликованными источниками и литературой (с. 75–78, 81–111).

Цели, задачи и деятельность немецких антифашистских организаций, учрежденных в 1943 г. в СССР – НКСГ и «Союза немецких офицеров» (далее – СНО) – раскрываются автором в пятом параграфе монографии (с. 111–168). НКСГ рассматривается не только как центр коммунистической пропаганды, но и как важная составляющая немецкого антигитлеровского Сопротивления. В специфических условиях военного плена и политической эмиграции для немецких антифашистов НКСГ и СНО были попыткой создания немецкой антигитлеровской коалиции – направленного против Гитлера объединения немцев различных политических и религиозных убеждений, социального положения, профессий и возрастов – с важнейшими внутри- и внешнеполитическими целями: освобождение Германии от преступного нацистского лидера и его режима, немедленное заключение мира, создание «свободной демократической Германии» (с. 113). Кроме того, отмечается, что немецкие антинацистские организации в СССР были средством политического давления на США и Великобританию с целью побудить союзников к скорейшему открытию Второго фронта в Западной Европе и сделать их более сговорчивыми в других вопросах (с. 111). Б.Л. Хавкиным выявлена очевидная связь между сообщениями советской разведки о планах западных союзников и созданием НКСГ (с. 323).

Историк показывает, как шел долгий процесс мировоззренческой эволюции генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, какие усилия прилагала советская сторона по его привлечению к работе НКСГ и СНО (с. 121–125, 129–135, 325). Роль президента СНО генерала артиллерии В. фон Зайдлица, его разногласия с Ф. Паулюсом по ряду военно-политических вопросов, в частности на покушение на Гитлера 20 июля 1944 г., также не остались без внимания автора (с. 114–125, 141–148).

В отдельных параграфах рассматривается реакция США и Великобритании на создание НКСГ. Несмотря на предпринятые усилия, ни англичанам, ни американцам не удалось создать своего «антикомитета», альтернативного образованному в СССР

(с. 158). Невзирая на определенные успехи движения «Свободная Германия» на Западе, работа «комитетов» за пределами СССР все больше подвергалась критике союзнических властей. Как отмечает Б.Л. Хавкин, «комитеты» не соответствовали взглядам союзников на послевоенный порядок в Европе, что в итоге привело к свертыванию их деятельности (с. 168).

Возможности консервативной политической оппозиции внутри Германии и военного заговора против Гитлера проанализированы в завершающем, шестом параграфе второй главы (с. 168–231). Автором последовательно описаны причины, характер, линия поведения германских консервативных элит в отношении национал-социализма – от зарождения движения после Первой мировой войны до безоговорочной капитуляции Германии (с. 172–186). Историк фокусирует внимание на формальном совпадении общих целей консерваторов и национал-социалистов, на истоках симпатий многих видных представителей германской консервативной элиты к нацистской партии, на причинах сотрудничества «старой» бюрократии и армии с государством Гитлера. Делается попытка разъяснить, почему в целом оппозиция представителей консервативных элит в Третьем рейхе потерпела поражение.

Опираясь на документы, автор знакомит читателя с участниками заговора против Гитлера, находившимися между двумя идеологическими полюсами – СССР, с одной стороны, и США и Великобританией – с другой (с. 186–213). Показано, что среди военно-консервативной оппозиции были как сторонники прозападной ориентации, так и те, кто выступал за взаимовыгодные германо-советские отношения. Б.Л. Хавкин подчеркивает, что и те и другие, несмотря на внутренние разногласия, сходились в том, что после устранения фюрера и верховного главнокомандующего было необходимо немедленно заключить компромиссный мир; отвести германские войска на территорию рейха; образовать временное германское правительство; разъяснить немцам преступную роль Гитлера и его элиты; провести всеобщие демократические выборы в рейхстаг, после чего определить основные формы управления страной и направления политики (с. 213, 270, 328, 330). Такие цели противоречили договоренностям «большой тройки», стремившейся к безоговорочной капитуляции рейха. Тем не менее направленный против Гитлера военно-консервативный заговор объективно способствовал победе антигитлеровской коалиции.

Новую страницу в изучении истории подготовки в 1943–1944 г. группой немецких военных и чиновников государственного переворота против Гитлера открыли документы майора генерального штаба сухопутных сил вермахта И. Куна, опубликованные автором

рецензируемого издания. Для российского читателя представляют интерес не только описанные Куном обстоятельства подготовки покушения 20 июля 1944 г. (вместе с другими офицерами Кун приобретал и прятал взрывчатку для устранения нацистского диктатора), но и тот факт, что этот участник заговора был осужден как в Третьем рейхе, так и в СССР: Гитлером как «заговорщик и перебежчик», Сталиным как «военный преступник» (с. 214, 217–221, 225–231, 327). Уникальные документы из Центрального архива ФСБ России, которые Б.Л. Хавкин цитирует или приводит полностью (с. 222–225, 275, 294, 298, 299), вводятся в научный оборот впервые и существенно расширяют источниковую базу изучения антинацистского Сопротивления. Кроме того, автор по-новому интерпретирует ранее опубликованные источники по теме исследования.

Тщательным образом написаны биографии антифашистов, внесших чрезвычайно ценный личный вклад (в большинстве своем – собственную жизнь) в историю Сопротивления немцев диктатуре Гитлера. В виде отдельных сюжетов они составляют третью, завершающую главу книги (с. 232–318). Антифашистские убеждения изначально лежали в основе сотрудничества ряда немцев с СССР. «Глубоко симпатизирующий России» еще со времен Русско-японской войны 1904–1905 гг. В. Леман, «уникальный разведчик-одиночка», немецкий националист и в то же время идейный противник нацизма Р. Рёсслер поставляли советской внешней и военной разведке ценную информацию, которая, как подчеркивается автором, не всегда эффективно использовалась военно-политическим руководством СССР. Кроме того, Р. Рёсслер, как утверждается, играл роль посредника не только между немецкой консервативной оппозицией и Лондоном, но и между немецким Сопротивлением, Лондоном и Москвой (с. 258, 323).

Историк приходит к выводу, что внешнеполитические цели «штатского сектора» антигитлеровской оппозиции определялись империалистическими амбициями его лидеров и менялись в зависимости от хода военных действий на фронтах Второй мировой войны, и прежде всего на германо-советском (с. 328). Однако последовательный сторонник сотрудничества с СССР немецкий дипломат и в 1934–1941 гг. посол Германии в Москве граф Ф.В. фон дер Шуленбург оставался верным политике «ориентации на Восток». Связанный с заговорщиками Шуленбург был казнен 10 ноября 1944 г. в берлинской тюрьме Плётцензее (с. 272–275).

Неоднозначно выглядит образ одного из главных действующих лиц оппозиции немецких военных на Восточном фронте генерал-майора Х. фон Трескова (с. 279, 289, 283, 327). По мнению ряда

немецких исследователей, именно он мог явить собой персональную основу так называемой армейской оппозиции (с. 280). Противоречие личности Трескова и его единомышленников состояло в том, что неприятие ими гитлеровского режима находилось в постоянном остром конфликте с обязательствами перед армией (прежде всего группой армий «Центр»), частью которой они являлись. Как отмечает автор, Тресков был противником режима, которому служил (с. 281). После провала покушения на Гитлера Тресков не стал дожидаться ареста: он отправился на передовую и подорвал себя гранатой.

Б.Л. Хавкин ярко описывает судьбу главы Федеральной службы защиты конституции ФРГ О. Йона, который в канун 10-летия антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г. оказался в ГДР (с. 301–318). Решить загадку, что же это было – инициативный поступок убежденного антифашиста или операция советских спецслужб по похищению руководителя политической контрразведки ФРГ, – и тем самым удовлетворить читательский интерес позволит завершающий, пятый параграф третьей главы книги.

В заключении нашли отражение выводы монографии, которые сформулированы автором самым тщательным образом. В качестве главного из них Б.Л. Хавкин определяет историческое значение антигитлеровского Сопротивления: оно, прежде всего, имеет моральное значение, состоящее в спасении чести немецкого народа. Кроме того, Сопротивление имело политическое значение для развития концепций послевоенного мироустройства и будущего Германии. Эти идеи были разработаны немецким антигитлеровским Сопротивлением.

Рецензируемое научное издание, подготовленное с привлечением разнообразных и обширных документальных материалов, по сути само представляет собой важнейший источник по проблемным темам истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. Б.Л. Хавкин справедливо рассматривает свое исследование в качестве импульса к развитию германо-российских отношений в области науки, воспитательной работы, образования и культуры памяти. Монография соединяет между собой современную российскую и немецкую исторические науки, включает и дополняет достижения как российской, так и германской историографии. В то же время в ней существенно конкретизируются российские исторические исследования, ярко выражен отход от оценок и обобщений, которые были продуктами холодной войны и после ее окончания еще долго присутствовали в историографии.

Монография, разумеется, не лишена некоторых недостатков. Так, автор зачастую повторяет свои выводы. Вероятно, причиной

тому стала избранная им структура изложения материала. Имеют место досадные опечатки (с. 180, 185, 241, 266, 272, 291, 303). Это, однако, не умаляет значения и новизны рецензируемого труда.

Книга профессора Б.Л. Хавкина – еще один аргумент в пользу того, что в исследовании исторического феномена германского национал-социализма и его «извечного оппонента» – антигитлеровского Сопротивления – рано ставить точку. Новая монография автора станет дополнительным поводом к возобновлению дискуссии, а значит, инициирует продолжение интересных научных изысканий в изучаемой сфере исторического знания.

Примечания

-
- ¹ *Хавкин Б.Л.* Немецкое антигитлеровское Сопротивление 1933–1945 гг. как фактор международных отношений: Дис. ... д-ра ист. наук / Российский государственный гуманитарный университет. М., 2015. 440 с.
- ² *Бланк А.С., Хавкин Б.Л.* Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М.: Патриот, 1990; *Хавкин Б.Л.* Фельдмаршал Паулюс и генерал артиллерии Зайдлиц в советском плену // Россия и Германия. Вып. 3. М., 2004; *Chavkin B.* Verflechtungen der deutschen und russischen Zeitgeschichte. Aufsätze und Archivfunde zu den Beziehungen Deutschlands und der Sowjetunion von 1917 bis 1991. Stuttgart, 2007; *Хавкин Б.Л.* Россия и Германия: 1900–1945. Сплетение истории. М.: Новый хронограф, 2014; *Он же.* Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера. М.: Алгоритм, 2014.

Перечитывая заново.
«Советская историография» 20 лет спустя

(Рецензия на сборник научных статей:
Афанасьев Ю.Н. Советская историография.
Серия: Россия XX век. М.: РГГУ, 1996. 590 с.)

Обращение спустя 20 лет к сборнику статей «Советская историография» под редакцией А.П. Логунова для историографического анализа может представляться странным и вызывать вполне естественные вопросы, если не учитывать по крайней мере два фактора.

Первый фактор связан с интерпретацией самого историографического процесса. В сегодняшнем историографическом пространстве сосуществуют по крайней мере несколько точек зрения. Первая заключается в том, что советскую историческую науку следует рассматривать, как вполне самостоятельный *научный* проект. Возникает вопрос: почему? Потому что это был уникальный случай в мировой историографической практике, когда всего за несколько десятилетий на базе принципиально новой (марксистской) методологии был переосмыслен весь исторический процесс от первобытных обществ до конца XX вв., и как бы мы ни относились к самому качеству этого переосмысления, важно признать, что ничего подобного мировые историографические практики не знали и не знают по сей день. Поэтому до сих пор опыт становления и развития советской исторической науки остается и уникальным, и научно значимым.

Вторая точка зрения заключается в том, что исследовательские практики, сложившиеся в советской исторической науке, были идеализированными, политизированными и, несмотря на внешнюю наукообразность, по существу не решали научных проблем, поэтому развитие современных исследований выстраивается прежде всего, как процесс преодоления советской историографической традиции. Если обратиться к анализу типичных авторефератов по исторической науке, то мы увидим, что молодые исследователи критично оценивают сам исследовательский опыт, накопленный в советский период¹.

Третья точка зрения состоит в том, что отношение к советской историографии является максимально дифференцированным. В ее пространстве создавались как настоящие научные шедевры, до сих пор представляющие серьезную научную ценность, так и идеологизированные, по сути, полупропагандистские произведения.

Бытование этих трех точек зрения не может не порождать внутринаучные и околонучные дискуссии по проблемам исторического научного творчества.

Второй фактор связан с тем, что начиная с 2000 г. наше общество (по крайней мере его значительная часть) ориентируется на переосмысление значимости советского прошлого, а оценка В.В. Путиным развала СССР, как крупнейшей гуманитарной катастрофы, не может не стимулировать смещение акцентов в отношении к научным практикам². Таким образом, проблема отношения современной исторической науки к советскому периоду развития актуализируется. И в этом контексте вышедший в 1996 г. сборник работ «Советская историография» не может не приковывать внимание исследователей.

В чем же специфика и характерные черты этого сборника?

Если смотреть на проблематику сборника и на состав авторов поверхностно, то может показаться, что он несколько эклектичен и фрагментарен. В сборнике объединились авторы различных научных школ, различных поколений и с различным опытом в исследовании конкретной исторической проблематики (О.М. Медушевская, например, ведущий и известный источниковед, А.Н. Сахаров один из наиболее ярких исследователей российского феодализма, Н.В. Стариков специалист по изучению региональной проблематики). И сами проблемы, которые вынесены, соединяют в себе анализ общетеоретических проблем (Ю.Н. Афанасьев, Н.В. Иллерицкая, А.П. Логунов), конкретных историографических (С.О. Шмидт, Н.Н. Маслов, М.И. Мельтюхов, В.М. Кулиш), архивоведческих вопросов (Т.И. Хорхордина, В.П. Козлов), тем не менее данный сборник обладает явными признаками монографичности. Все авторские тексты объединены вокруг решения одной глобальной проблемы – влияние государства на историческую науку.

Тон в постановке этой проблемы задает, бесспорно, статья Ю.Н. Афанасьева «Феномен советской историографии», в которой автор пытается понять феномен советской историографии, как явления огосударственной или государственной исторической науки. Постигание данного явления, по словам Ю.Н. Афанасьева, предполагает учет двух взаимозависимых измерений. Первое измерение автор называет внешним. К нему он относит вопросы о месте, роли и основных функциях исторической науки в советском

обществе. Второе измерение названо внутренним. К нему относятся вопросы о состоянии самой науки, ее структуре, правилах, тематике, методике и стиле. Проанализировав феномен советской историографии, автор приходит к выводу, что историческая наука советского периода является репрессированной наукой, а факторами влияния государства на науку являются репрессии ученых, репрессии идей и засекречивание архивов³.

Этот подход явно углубляется статьей А.П. Логунова «Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг.», которая сопоставляет общенаучные и государственные кризисы, что становится весьма значимым для пояснения существа проблемы. Автор констатирует сращивание государственно-политических институтов с наукой, что приводит не только к полной управляемости наукой со стороны государства, но и к тому, что при попытке реформации государственных и политических институтов не могла остаться незатронутой и наука⁴. Нельзя не согласиться с А.П. Логуновым и в том, что проблемы исторической науки в виде отсутствия проблемы исследования, единодушия и преобладающей роли больших исследовательских коллективов связаны непосредственно с государственными кризисами.

Весьма значимой является и статья Т.И. Хорхординой «Архивы в “Зазеркалье”»: архивоведческая культура тоталитарных режимов», которая сопоставляет государственную политику в сфере формирования исторической информации Германии и СССР. Исследовательница утверждает, что государственная политика в области архивного дела в Германии конца 30-х гг. и СССР отличается идентичными государственно-идеологическими решениями. Т.И. Хорхордина заключает, что вытеснение высококвалифицированных архивистов из данной области и их замена на некомпетентных чиновников является не просто признаком «огосударствления», а практически полным подчинением научно-исследовательских и культурно-просветительских аспектов деятельности архивистов государственной идеологии⁵.

М. Ферретти, которая привлекает внимание к современным процессам, происходящим в российском обществе. В своей статье «Сталин умер вчера... А действительно ли умер Сталин?» исследовательница ставит под сомнение то, что со сменой политического режима в науке и обществе произойдут качественные изменения⁶.

В.П. Козлов, который в своей статье «Публикация архивов и свобода архивной информации» исследует начало процесса деятельности молодого Российского государства в сфере архивных практик. Автор утверждает, что ситуация, происходящая в сфере

архивного дела, сопоставима с тем, что происходило с архивами в 20-х гг. в СССР. Новое государство готово раскрыть архивные материалы своих предшественников, но при этом ограничивает информацию о своей деятельности⁷. Таким образом В.П. Козлов показывает, что между созданием новой государственности и открытостью архивов нельзя ставить знак равенства.

Все это в совокупности и формирует представление о сложных механизмах взаимосвязи между государственными интересами и развитием науки. Для истории проблема идейного столкновения государства и науки является особо острой. Об этом так или иначе заявляет каждый автор своей статьи из сборника «Советская историография». По моему мнению, для развития науки предельно важен некоторый либерализм. Однако это не значит, что наука должна и обязана быть в стороне от государства, наоборот, она должна быть с ней в тесном контакте, но этот контакт должен происходить на основе диалога.

Второй характерной чертой является содержание историографического процесса. Появление в середине 90-х гг. этого сборника вызвало большой интерес историков и как позитивные, так и негативные оценки. Критики данного сборника увидели в нем два существенных недостатка. Недостаточное внимание к анализу позитивных достижений историков советского времени (отсутствовали оценки получивших мировое признание школ востоковедения, византиноведения и др.) и в известной степени опасность продвижения новых идеологем. Позитивные оценки очень часто поддерживали стремление авторов смело ставить и раскрывать наиболее болезненные темы отечественной историографии. Но, как мне представляется, в стороне оставалось одно из наиболее существенных качеств данного сборника – глубокий анализ содержания и характерных черт самого историографического процесса.

В статье, открывающей сборник, Ю.Н. Афанасьев указал, что в СССР сложился своеобразный треугольник: партийные органы, силовые структуры и академия наук. Это было очевидным, но это отнюдь не означало, что историографический процесс не развивался. Иное дело, что его развитие приобретало весьма своеобразные черты. Представляется почти бесспорным, что развитие научных исследований невозможно без внутреннего и внешнего диалога, и в этом плане чрезвычайно интересными и актуальными представляются статьи М.П. Мохначевой, А.Н. Сахарова, С.О. Шмидта⁸, М.И. Мельтюхова.

Так, М.П. Мохначева в своей статье «Советская историческая наука на международных научных форумах: истоки несостоявшегося диалога» отмечает положительную тенденцию идейно-интег-

рационального процесса, реализующегося в рамках сотрудничества исследователей на международных научных форумах. Еще одна значимая идея заключается в попытке позитивного переосмысления марксистской идеологии⁹. Автор пытается призвать научное сообщество оценивать не только негативные последствия применения данной методологии, но и позитивные.

В статье А.Н. Сахарова «Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки» представлен ряд аргументов, свидетельствующих о том, что при всей идеологизированности исторической науки существовали периоды ослабления государственного влияния, в рамках которых исследователи могли вступать в научный диалог, что, в свою очередь, привело к впечатляющим успехам на пути исследования конкретных проблем отечественной истории¹⁰.

Статья М.И. Мельтюхова «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол» интересна в первую очередь объективным взглядом на работу В. Суворова, во вторую очередь интерес представляет оценка российской критики «Ледокола»¹¹.

Анализируя работы авторов, нельзя не обратить внимание на то, что, если можно так выразиться, выстроилась своеобразная иерархия диалогов. Для ученых историков более значимым оказывался не диалог внутринаучный, не диалог на международной арене и даже не диалог с обществом, а диалог с властью. Так называемые общественные запросы формулировала и продвигала власть, и историки реагировали именно на эти запросы, при этом авторы обращают внимание на то, что в советский период власти удавалось гармонизировать так называемые общегосударственные и общественные запросы: и власть, и общество хотели знать о самих себе только позитивное, и историки профессионально удовлетворяли эти запросы.

Все это в конечном итоге и приводило к тому, что когда общество во второй половине 80-х гг. по-новому сформулировало свои запросы к историческому знанию, историки в значительной степени оказались к этому неподготовленными, о чем специально говорится в статье А.П. Логунова «Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг.». Единодушие исследователей и невозможность отчетливо видеть проблемный исторический материал сыграла с ними злую шутку. Государство нуждалось в истории, как в механизме, который может дать ответы на ряд вопросов и в то же время может быть эффективным инструментом идеологического воздействия на молодежь.

По словам А.П. Логунова, неготовность истории решать государственные задачи привела к давлению сверху. Общественные запросы также были не реализованы историками. В связи с этим автор обращает внимание читателя на идеи Ю.Н. Афанасьева, которые можно и нужно использовать для выстраивания науки, способной отвечать современным запросам¹².

Весьма значимой для этого сборника оказывается еще одна историографическая черта: стремление к проблематизации тем и вопросов, которые еще не принимались исторической наукой как значимые и считались решенными. В этой связи интерес представляют несколько статей сборника. Значимой является работа Н.В. Старикова «Эпоха «оттепели» и этапы сталинизма: вопросы историографии», который попытался проанализировать историографические реакции на изменения в исторической науке, происходившие в период оттепели. Исследователь выделяет ряд периодов в истории СССР, когда государство предъявляло к научным трудам определенные требования, в связи с такой серьезной дифференциацией возникает необходимость в актуализации задач историографической систематизации материалов¹³.

Бесспорно, сюда же следует отнести и статью А.Б. Безбородова «Историография истории диссидентского движения», в которой автор дал историографический анализ истории диссидентского движения, сама история которого вообще не представлялась научно значимой и требующей пристального внимания профессионалов-историков. Собственно говоря, усилиями А.Б. Безбородова, а затем его работами с Е.И. Пивоваром тема истории диссидентского движения получает научную определенность и историческую значимость. В своей статье он призывает активнее заниматься историей инакомыслия в Советском Союзе. А.Б. Безбородов считает, что скупое представление инакомыслия в рамках учебного процесса в школах и университетах, а также в учебной литературе связано с плохой изученностью послевоенного периода истории СССР¹⁴.

Еще раз особо хотел бы высказаться о содержании статьи В.П. Козлова, который, анализируя архивную цензуру советского времени, обращает внимание на новые элементы, появившиеся в практике работы с архивами уже в постсоветское время. К таким элементам автор относит полный запрет доступа к материалам, противоречащим Конституции РФ (материалы о религиозных и национальных движениях), сохранение диктата ведомств в отношении условий доступа к использованию документов, созданных в процессе их работы, и документов, уже хранившихся в архивах ведомств, появление монополизации рассекречиваемой информации

отдельными группами лиц и появление идей коммерциализации ее использования, классификация архивов, представленная в законодательстве РФ, которая предполагает закрытость определенных видов документов¹⁵.

Рецензируемый сборник статей в определенном смысле стал важнейшим фактом отечественной историографии. Авторам удалось поднять важные, оригинальные вопросы, которые на протяжении большого периода времени оставались в научной повестке, а взгляд на них спустя 20 лет позволяет судить о том, что сборник не утратил своей актуальности и по сей день. Вклад, который внесли в науку авторы статей, наиболее точно можно оценить только по прошествии времени. Ни одна диссертационная работа, посвященная проблемам советской историографии, не обходится без упоминания данного сборника или отдельно взятых статей. Можно смело заявить, что имена исследователей, принимавших участие в подготовке данного сборника, навсегда останутся в истории исторической науки.

Примечания

- ¹ *Ипполитов В.А.* Социально-политические аспекты деятельности сельского комсомола Центрального Черноземья в 1930–1935 годах: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов: ТГТУ, 2016. С. 4; *Крих С.Б.* Образ древности в советской историографии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань: КФУ, 2015. С. 3. *Шха-чемуков Р.М.* Процесс становления и развития исторического знания в Адыгее (середина XVIII – 80-е гг. XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп: АГУ, 2015. С. 4.
- ² Путин снова назвал распад СССР «безусловной трагедией» // РБК [Электронный ресурс]. 1995–2017. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/562913189a79477c0bb9d78a> (дата обращения: 25.11.2017).
- ³ *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 7–41.
- ⁴ *Логунов А.П.* Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80 – начала 90-х гг // Там же. С. 447–487.
- ⁵ *Хорхордина Т.И.* Архивы в «Зазеркалье»: архивоведческая культура тоталитарных режимов // Там же. С. 191–214.
- ⁶ *Ферретти М.* Сталин умер вчера... А действительно ли умер Сталин? // Там же. С. 429–446.
- ⁷ *Козлов В.Л.* Публикация архивов и свобода архивной информации // Там же. С. 522–536.

- ⁸ *Шмидт С.О.* Сергей Федорович Платонов и «Дело Платонова» // Там же. С. 215–239.
- ⁹ *Мохначева М.П.* Советская историческая наука на международных научных форумах: истоки несостоявшегося диалога // Там же. С. 78–123.
- ¹⁰ *Сахаров А.Н.* Дискуссии в советской историографии: убитая душа науки // Там же. С. 124–161.
- ¹¹ *Мельтюхова М.И.* Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол» // Советская историография. М., 1996. С. 488–521.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Стариков Н.В.* Эпоха «оттепели» и этапы сталинизма: вопросы историографии // Там же. С. 316–348.
- ¹⁴ *Безбородов А.Б.* Историография истории диссидентского движения // Там же. С. 401–428.
- ¹⁵ Там же.

Г.М. Нарсия

Толерантность как социокультурный проект

(Рец. на сб. ст.: *Медушевский Н., Гордеева М.*

Толерантность: От мировоззрения к идеологии. [Б. м.]:
Издательские решения, 2017. 164 с.)

Рецензировать сборник своих коллег всегда непросто. Однако статьи, подготовленные М.А. Гордеевой и Н.А. Медушевским, заслуживают внимания по нескольким причинам.

Во-первых, в РГГУ благодаря инициативе академика Е.И. Пивовара сложилось мощное направление по исследованию содержания и основ толерантных практик в современном мире. Это происходило не без дискуссий даже в самом университете. Ценности толерантности, культуры мира воспринимались как нечто непростое навязанное извне, но и не имеющее, сколько-нибудь, содержательных смыслов. Характерно, например, что один из наиболее ярких политических публицистов С.Ф. Черняховский неоднократно говорил о том, что даже европейская культура выростала из противопоставления варварству и нецивилизованной динамике развития. Более того, в самом европейском сообществе велись и ведутся непрекращающиеся дискуссии о том, насколько возможно ценности толерантности закладывать в основание социальных практик.

Тем не менее, концепт РГГУ как университета XXI в. строился на базе принятия того тезиса, что университет призван не столько отвечать на вызовы, сколько опережать их и формировать особую концепцию социального взаимодействия. Это важно не только для РГГУ как явного лидера российского гуманитарного знания, но и для многонациональной и многоконфессиональной России.

Во-вторых, в РГГУ сложился уникальный, пока не имеющий аналогов опыт гуманитарного образования в сфере толерантности и межкультурного взаимодействия. Лидером этого процесса, поддерживаемым Ученым советом РГГУ и ректоратом РГГУ, стала кафедра культуры мира и демократии, которая работает по программам Юнеско в области образования и культуры.

За годы существования на кафедре сложилось целое направление по исследованию содержания и принципов толерантности, межкультурализма и современных социальных практик гуманитарного взаимодействия. В условиях, когда религиозные и этнические конфликты, интенсивные миграционные потоки придали особую актуальность проблемам социального диалога для целого ряда экспертов, проблемы толерантности и мультикультурализма представляются надуманными и нереальными. Именно в этом контексте выход в свет сборника работ моих коллег представляется мне и актуальным чрезвычайно своевременным.

Не имея возможности презентовать все своеобразие сборника, я остановлюсь на некоторых его характерных чертах.

Первое. Обращает на себя внимание стремление авторов, сконцентрировать свои позиции вокруг дискуссий о самом понятии толерантности. Предваряя сборник, они отмечают, что на протяжении XX века «толерантность» чаще всех интерпретировалась как «терпимость», «принятие» и даже «смирение» (с. 3). (В известной степени, это связано, конечно, с пониманием «культуры большинства», о чем не однократно говорил А.П. Логунов). В современных же условиях содержание понятия толерантности интерпретируется через «консенсус», «уважение», «стремление к диалогу» (с. 3). Вполне очевидно, что понятие «терпимость» и «способность к диалогу» имеют совсем иное измерение. Одно дело «терпеть» даже в условиях неприятия, а другое быть способным к введению продуктивного диалога. Это различие не всегда, к сожалению, понимается критиками концепта толерантности, и в этом авторы сборника вполне категоричны.

Сам сборник состоит из введения, 12 статей, заключения, а также списка источников и литературы.

Сборник, появившейся в вполне конкретное время, в 2017 г. не мог не отобразить те проблемы, которые представляются наиболее значимыми для современного европейского общества (так или иначе этому посвящена статья, см. с. 12–15). Здесь при вдумчивом анализе текста наших коллег, я хотел бы высказать несколько суждений.

Во-первых, размышляя о концепте толерантности нельзя оставить в стороне, как мне представляется, их динамическое измерение. Вспомним хотя бы, как выстраивалась Большая Европа, принимавшая в себя страны так называемой Восточной Европы. По сути, *Новой Европе* было предложено принять в качестве аксиомы не только ценности, но и достигнутый уровень их реализации. При этом лидеры Большой Европы сами весьма дифференцированно подходили к оценкам степени реализации европейских

стандартов в общественной жизни внутри «Новой Европы». Например, ограничение прав русскоязычного населения в странах Балтии на получение образования на национальном языке воспринималась достаточно мягко как «болезнь роста». В то же время Турции предъявлялись более жесткие требования к их политике по отношению к национальным меньшинствам и в области правопорядка, и в области политических прав, в результате чего Турция оказывалась за границами ЕС на протяжении целого поколения. Но и данные подходы не позволили ликвидировать различия в динамике социально-культурного развития. Даже формально-неформальные лидеры ЕС (руководители Германии, Франции и Италии) вынуждены были признать, что сохраняются два типа динамики развития стран ЕС. Есть страны «больших скоростей» и страны «малых скоростей». Возмутители европейского спокойствия Польша и Венгрия оказались менее терпимыми и к проблеме миграции и к российскому кризису, и к проблемам национальных меньшинств.

Авторы сборника указывают, например, что негативное отношение к миграционному вопросу в Германии и во Франции выросло на 1–12 % (с. 57). Но на последних выборах и во Франции, и в Германии именно сторонники «мягкого миграционного курса» вновь оказались победителями. Планировавшийся эффект Мари Ле Пен оказался несостоятельным. А вот выборы в Австрии, спокойной и благополучной, дали несколько иные результаты. Молодой лидер Австрии Себастьян Курц завоевал большинство голосов избирателей именно на критике миграционной политики. (Хотя, будем предельно честны, понятие «европейского большинства» весьма условно. Большинство может быть и 30 %, и 25 % и...)

Все это заставляет меня размышлять не только о содержательных, но и динамических характеристиках социальных аспектов толерантности. Одно из последних заявлений министра образования Латвии Карлиса Шадурскиса о необходимости создавать политически единую нацию не взорвало Европу. Более того, прошло незамеченным. Чего невозможно представить ни в Германии, но во Франции, ни в Италии.

Две статьи сборника привлекают особое внимание: «Восточная Европа в противостоянии европейской интеграции» (с. 94–104) и «Западная историография социальной толерантности» (с. 129–144).

В первой статье анализируется процесс вхождения стран Восточной Европы в Европейский Союз и выделяются принципы европейской консолидации. Авторы характеризуют противоречивость данного процесса, которая стала следствием различных

типов восприятия принципов и ценностей большой Европы. Как мне представляется, излишне общая характеристика данного процесса не позволила выявить многие существенные черты данного процесса. Например, почти полностью проигнорирован фактор *времени*. Слишком быстрое решение о расширении границ ЕС привело к тому, что «новые страны ЕС» принимались часто на основе формальных показателей, которые не всегда учитывали адаптивные возможности и ментальные ценности государств и народов, входивших теперь в состав Большой Европы. Характерно, что в этом процессе ценности *толерантности* и готовности воспринимать иное, как нормальное и естественное, вообще не учитывались или, по крайней мере, отодвигались на дальнюю периферию.

Авторы сборника, к сожалению, не обратили внимание на конфликтогенный потенциал предыдущего политического опыта, что в конечном итоге привело к складыванию, так называемой Вышеградской группы стран. Весьма интересно, что в сборнике эта группа оценивается в качестве *нового центра силы*. Однако нет тщательного анализа силовых характеристик политических инициатив этой группы. Мне кажется, явно не хватает характеристики того, что сама идея Восточного партнерства родилась в среде именно новых стран Евросоюза. За попыткой привлечь Украину, Грузию, Молдову, Азербайджан и Белоруссию к иному качеству солидарного сотрудничества с ЕС стояло стремление создать новый барьер между Европой и РФ. Тем не менее, сама по себе эта статья весьма любопытна, так как отражает внутренние процессы динамики общеевропейского сотрудничества.

Статьи, посвященные анализу историографии толерантности, привлекают особое внимание. Собственно говоря, в сборник включены две историографические статьи: одна посвящена анализу «западной историографии» (с. 129–144), вторая – развитию «российской историографии» (с. 145–154). Само по себе подобное разделение процессов развития исследовательских практик по проблемам толерантности весьма интересна, поскольку позволяет выявить общее и особенное в развитии историографического процесса. Кстати, не часто в специальных политологических исследованиях уделяется особенное внимание анализу литературы.

Жаль, что авторы не сделали обобщающих сравнительных выводов. Тем не менее, первая статья вызывает особый интерес и одновременно возможности неоднозначного истолкования. Мне бы казалось, что выстраивание напрямую взаимосвязи между, например, античностью и современностью достаточно условно. Толерантность как ценность и социальный ориентир может

восприниматься скорее как культурно-целостный процесс применительно к каждому из цивилизационных проектов. И здесь трудно сопоставлять отношение к «варварам» древних греков с отношением к «мигрантам» жителей современной Европы. И все же обзор исследовательских практик проведенной весьма грамотно и квалифицированно (с учетом даже обзорного характера статьи) имеет самостоятельную научную ценность.

Сборник статей, подготовленный М.А. Гордеевой и Н.А. Медушевским, может занять свое значимое место в современной литературе, посвященной одной из наиболее сложных и значимых проблем – исследованию толерантности как социально значимого современного проекта.

Abstracts

A. Bakhturina

Changes in the administrative boundaries
of the Baltic provinces in the spring and summer of 1917

The article deals with the activities of the Provisional Government and Soviets of Workers 'and Soldiers' Deputies in the territory of the Baltic provinces in connection with the change in the administrative and territorial boundaries of the Estland and Lifland provinces in the spring and summer of 1917. The initiatives of various socio-political circles to change the boundaries of the provinces are considered. It shows the connection of the movement for new borders with the formation of new government bodies and the removal of the Baltic German nobility from power. The contradictions between the Soviets of the Baltic provinces and the North-Western region are analyzed in connection with the projects for the creation of regional associations of Soviets.

Keywords: The Baltic provinces, The Provisional Government, Estonia, Latvia, Administrative-territorial division, Regional Union of Soviets, Revolution of 1917.

A. Bezborodov

Moscow State History and Archives Institute
in the Second Half of the 1940s through 1991:
Contemplating the People and the Deeds of the Past Years

The article summarizes the history of the Moscow State Institute for History and Archives since 1947 when this higher educational institution was transferred from the Ministry of Internal Affairs to the Ministry of Education of the USSR. The paper specifies the position of the Institute in the system of Humanities education in Russia and shows how the Institute became the centre for training archivists with broad cultural and historical background. In the late 1970s, the development of the Institute caused the shift to the model of a higher educational institution of a comprehensive Humanities profile. The Institute served as the basis for the Russian State University for the Humanities which was founded in 1991. In the history of the Russian higher education, the Institute for History and Archives can claim to be the first one which,

through the efforts of its outstanding faculty, has implemented the new model of university Humanities education.

Keywords: Moscow State Institute for History and Archives, historical science, historiography, archival science, scientific educational schools, archival document, historian-archivist, archival thought, Humanities education.

*A. Bezborodov, A. Korchinskiy,
O. Pavlenko, P. Shkarenkov*

Historical knowledge and professional education in the Humanities

The article deals with models of integration of historical knowledge and existing practices of humanitarian education. The authors proceed from the notion of humanities as a sphere that is principally oriented towards historicism in science and historical thinking in education. The modern scientific context, which for recent decades has been characterized by numerous "turns" and a tendency to interdisciplinarity, is analyzed. The authors also propose an idea that for today it is not so much the introduction of history as an object in programs for training the humanities scholars, but rather the transformation of the very humanitarian objectness on the basis of historicism principle.

Keywords: history, historicism, humanities, interdisciplinarity.

*A. Bezborodov, A. Korchinskiy,
O. Pavlenko, P. Shkarenkov*

Cultural history as a basis for historical education in the humanities

The article outlines the concept of an experimental course addressed to future culturologists and designed to master the methods and tools of analysis of various phenomena of Russian culture in the historical aspect. The approach proposed by the authors is based on the principles of modern cultural history. The strengths and weaknesses of this approach are analyzed. The principle of historicism is justified as one of the basic principles of the professional training of humanitarians.

Keywords: cultural history, humanities, cultural studies, student competence.

V. Budanova

Historian Jordanes Gothicism. Formation and paradoxes of "Gothic myth"

The article considers peculiarities in formating the Gothic version of the world history, which was created in the middle of 6th century by Jordanes for claiming the viability of gotho-roman Ostgothic "kingdom" authority. The author analyses how "Getica" of Jordanes supplanted the "Roman myth" and completed formulating main provisions of the "Gothic myth". Attention is drawn to the fact, that in 20th century "Gothic myth" as a cognitive image became the basis for the history of Goths concept, created by L. Schmidt, it was recognized by researches and in hidden form began to express the mythology of modern gothicism.

Keywords: barbarians, civilization, Goths, Jordanes, "Getica", "Gothic myth", gothicism, the Great Migration.

V. Dumovtsev

Historical source as an object of nature and culture

The article studies the phenomenon of the constant "presence" of the ideas and principles characteristic of the nineteenth and early twentieth centuries in the latest scientific and research practices. In particular, it is an issue of the fundamental for historical and scientific knowledge ideas about historical sources, cultural information resources of historical studies. The historiographical significance of the continuity in theoretical approaches to historical material of the science is recognized. However, the development of global evolutionism ideas, the understanding natural laws historicity, as well as the successes of global and environmental history, make it possible to significantly expand traditional notions of sources of historical information.

Keywords: historiography, historical source, methodology of history, nature, culture, Leopold von Ranke, A.S. Lappo-Danilevsky, the School of the Annales

G. Ershova

The search of identity by contemporary Maya communities.
Back to origin?

The reconstruction of the intangible heritage of the ancient Maya became a social problem. The communities look for self-identification, based on “the grandfathers’ knowledge”, using only random publications. Independent development of the Mayan society was dramatically interrupted twice – in the 10th and 16th cc. There is a social request from the Mayan communities to revise their ancient history using disparate elements, random concepts and subjective interpretation. This phenomenon of people’s “historical reconstruction” is determined by social motives, causing the continuing attempts to prove the Mayan community rights to their historical lands, resources and social position.

Keywords: Mesoamerica, Maya communities, cultural tradition, self-identification, historical reconstruction, knowledge and technology.

M. Gordeyeva

Challenges of European integration

The article is devoted to the analysis of European integration prospects and possible tendencies of the European Union (EU) disintegration. The author focuses on modern approaches to understanding integration processes and identifies the main scenarios for Europe’s future as a unified region. Analysis of the main challenges to the European community is based on systemic factors and the concepts of regional and political integration.

Keywords: European Union, integration, disintegration, identity, loyalty.

N. Illeritskaya

The Great Russian revolution of 1917 in the works
of modern historians (historiography review)

This article is devoted to the analysis of changes in the modern historians interpretation of revolutionary events in 1917. As the main historiographic sources, the texts of well-known historians-professionals of general character are involved, since they are most representative from the point of view of summarizing the research results and

indicating the prospects for the development of topical problems in the history of Russia at the beginning of the 20th century. The author of the article sets himself the task of determining the presence of increment of scientific knowledge in the selected texts in the methodology of general historiography. The main focus is on the analytical and prognostic functions of historiography.

Keywords: the Great Russian revolution of 1917, professional historians, modern intellectual space, historiography sources, increment of scientific knowledge.

I. Korneev

1980 summer Olympics.
New historiographical tendencies

The 20th century drastically changed the significance of the sport in all spheres of social life. However, Russian professional historians still don't perceive this topic as deserving a fully-fledged scholarly attention. The 1980 Summer Olympics became one of the most important sport events in the USSR history. During the last few years the Games of the XXII Olympiad have been attracting more attention of specialists in various fields of different humanitarian disciplines. Despite the marginalization of the issue, the historiographical analysis of the relevant works demonstrates that nowadays, Russian historians are also ready for its meaningful research.

Key words: the 1980 Summer Olympics, Russian historiography, sportive history, sports in the USSR, Olympic movement.

E. Kosovan

"Everywhere they set as their goal the overthrow of Soviet power". Ukrainian emigration and protest movement in the Ukrainian SSR in the 1920s – the first half of the 1930s.

The article is analyzing the influence of the Ukrainian emigration in Europe on the protest movement in the Ukrainian SSR during the 1920s and early 1930s. The article considers stance of authorities in the Ukrainian SSR and USSR on the contribution of Ukrainian emigration to militant activity of counter-revolutionary underground as well as the support it has received from the Polish and Rumanian government institutions. Furthermore, the author supposes that its plans for toppling the Communist regime in Ukraine were strongly affected by the

French, British and German establishments. In view of this, the article analyzes activities of the above-mentioned illegal anti-Soviet organizations in the the Ukrainian SSR and their preparing for the “All-Ukrainian insurrection” (1921).

Keywords: Ukrainian SSR, emigration, insurrection, intervention, counter-revolutionary organization.

E.I. Pivovar, A.B. Bezborodov, T.I. Khorkhordina

The Origin and Development of National History and Archives Education in Russia, the 1930s – the Second Half of the 1940s

The article deals with the development of national history and archives education which started in 1930 with formation of the Institute of Archival Studies (since 1932 – the Institute for History and Archives). The paper also specifies the continuity in scientific and methodological traditions, set up by Petersburg and Moscow Archaeological Institutes that used to train archivists. The article analyses the formation of history and archives departments, it also observes the development of authorial curricula that attached singularity to the Institute and contributed to forming a broadly educated professional.

Keywords: history and archives education, Institute of Archival Studies, Institute for History and Archives, history studies, archival studies, educational activities, archival document, source.

N. Rostislavleva

Historical knowledge in Germany of 19th century: between philosophical challenges and historicism

The article is devoted to the features of cognition of the past by German historians in the 19th century. The author presents the influence of Enlightenment of 18th century at German historiography and overcoming the philosophy of Enlightenment. The author considers the method of Leopold von Ranke and explains, why it had the great prevalence in Germany and his historical school was the barrier to invasion of philosophy into the historical knowledge.

The article considers the discussion of the German academic community against positivist historian K. Lamprecht and its significance in the development of historical knowledge in Germany of the 19th century.

Keywords: historical knowledge in Germany of the 19th century, Heidelberg School, Ranke School, K. Lamprecht.

B. Shevchenko

The EEU: the contradictions of integration and interaction

The article is devoted to the European economic integration under economic turbulence conditions in the global economy. The positive trends and constraints of integration of the participating countries, and long-term interaction prospects are discussed in the article. The article also focuses on needs to streamline management system and develop mechanisms of business process coordination in bureaucratic decision-making procedures. Economic effect of integration interaction is also estimated in the article.

Keywords: Eurasian Economic Union, economic integration, economic development, the Eurasian economic Commission, decision making mechanism.

P. Shkarenkov

Representation of Imperial Power in the West
in the 2d-5th centuries. Rhetoric, ideology, politics

The evolution in the forms of representation of imperial power in the Roman Empire is characterized by the constantly growing influence of eastern ideas and elements. The acceptance of Christianity by Constantine and the founding of Constantinople as a new capital gave the eastern party a preponderance in the empire. This new political order is characterized by the dominant position of the Eastern world over the Western one, which then ceases to be the most dynamic part of the empire. To some extent it is justified to distinguish between the Eastern and Western concepts of the emperor, provided that we do not divide the empire on that basis into two ideologically opposing camps. The sense of belonging to a single solidary community persisted in the fourth and fifth centuries. The movement of ideas in this universe also knows no bounds. Thinkers in Latin and thinkers in Greek, pagans and Christians do not constitute homogenous closed groups and often disagree with regard to the vision of the empire and the emperor. The image of the empire and emperor, formed by Western authors of this period, is neither Christian nor pagan, it is purely Roman. To write about the Christian empire, Eusebius of Caesarea in the East, Ambrose of Milan and Augustine in the West developed a suitable language, found the right words and images. But the Christian empire, as a new

concept, did not penetrate into the Latin world. The emperor, of course, was a Christian, but at court the emperor remained the heir of Augustus. The emerging ideas will firmly enter the intellectual baggage of that part of the Roman aristocracy, the Italic and the provincial, which later will join the rulers of the roman-barbarian kingdoms.

Keywords: late Roman empire, latin rhetoric, Pliny the Younger, Ammianus Marcellinus, Claudius Claudian.

A. Usachev

Where were manuscripts for the Vologda archbishop Iona (Dumin) copied?

The article deals with the question of origin of manuscripts which were rewritten on the instructions of the Vologda archbishop Iona (Dumin) (1588–1603). On the basis of the analysis of colophons of manuscripts and other sources the author comes to conclusion that the most of them were written in monasteries of the Vologda diocese. The manuscripts for Iona could be also copied in the Chudov monastery in Moscow. It could be connected with the fact that its priors in the last quarter of the 16th century were related with the Vologda.

Keywords: manuscripts, book culture, Russian Church, 16th century, Vologda diocese, source study, textual criticism.

Сведения об авторах

Акрамов Александр Рустамович – заместитель декана по учебной работе, аспирант, ассистент кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, akramov.a@rggu.ru

Бахтурина Александра Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института РГГУ, a-yu-b@yandex.ru

Безбородов Александр Борисович – доктор исторических наук, профессор, исполняющий обязанности ректора РГГУ, заведующий кафедрой истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ, rsuh@rsuh.ru

Буданова Вера Павловна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра сравнительной истории и теории цивилизаций Института всеобщей истории РАН, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства Института всеобщей истории РАН, vrbudanova@yandex.ru

Гордеева Мария Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры культуры мира и демократии (ЮНЕСКО) факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, gordeevamaria@inbox.ru

Дурновцев Валерий Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения Историко-архивного института РГГУ, vdurnovcev@gmail.com

Ершова Галина Гавриловна – доктор исторических наук, профессор, директор Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова, факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, galkorgi@gmail.com

Иллеритская Наталия Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, natalia.v.illeritskaya@gmail.com

Корнеев Иван Евгеньевич – студент первого года обучения магистратуры, направление «История», магистерская программа «Историческая экспертиза инновационного социального проектирования» факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ vaniakorneev@mail.ru

- Корчинский Анатолий Викторович* – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания историко-филологического факультета Института филологии и истории РГГУ, korchinsky@mail.ru
- Косован Елена Анатольевна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ, ekkade@gmail.com
- Нарсия Гоча Мегонаевич* – старший преподаватель кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, xmasi@mail.ru
- Павленко Ольга Вячеславовна* – кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе РГГУ, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, pavlenko@rggu.ru
- Пивовар Ефим Иосифович* – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, президент Российского государственного гуманитарного университета, rggu@rggu.ru
- Ростиславлева Наталья Васильевна* – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Историко-архивного института РГГУ, директор Российско-германского учебно-научного центра РГГУ, ranw@mail.ru
- Тужилин Святослав Вячеславович* – кандидат исторических наук, г. Москва, svyatoslav.tuzhilin@yandex.ru
- Усачев Андрей Сергеевич* – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, asuuas1@mail.ru
- Хорхордина Татьяна Иннокентьевна* – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и организации архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, ioad@yandex.ru
- Шевченко Борис Иванович* – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института РГГУ, bshevchenko@inbox.ru
- Шкаренков Павел Петрович* – доктор исторических наук, профессор, проректор по непрерывному образованию РГГУ, заведующий кафедрой истории древнего мира РГГУ, shkarenkov.p@rggu.ru

General data about the authors

- Akramov Aleksandr R.* – Deputy Dean for Academic Affairs, postgraduate student, assistant, Department of Culture of Peace and Democracy, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, akramov.a@rggu.ru
- Bakhturina Aleksandra Y.* – Dr. in History, professor of the Department of History of State and Public-Service Institutions, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, a-yu-b@yandex.ru
- Bezborodov Aleksandr B.* – Dr. in History, professor, Acting Rector of the Russian State University for the Humanities, head, Department of Contemporary History of Russia, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, rsuh@rsuh.ru
- Budanova Vera P.* – Dr. in History, professor, Chief Researcher, Center of Comparative History and Theory of Civilizations, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, head, Laboratory of Research of Civilization and Barbarity, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, vpbudanova@yandex.ru
- Durnovtsev Valeriy I.* – Dr. in History, professor, head, Department of Source Studies, History and Archives Institute, Russian State University for the Humanities, vdurnovcev@gmail.com
- Ershova Galina G.* – Dr. in History, professor, director, Knorozov Mesoamerican Center, Faculty of History, Political science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, galkorgi@gmail.com
- Gordeyeva Mariya A.* – Ph.D. in History, associate professor, Department of Culture of Peace and Democracy, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, gordeevamaria@inbox.ru
- Illeritskaya Natalia V.* – Dr. in History, professor of the Department of History and Theory of History, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, natalia.v.illeritskaya@gmail.com
- Khorkhordina Tatyana I.* – Dr. in History, professor, head, Department of history and organization of archives, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, ioad@yandex.ru

- Korchinskiy Anatoly V.* – Ph.D. in Philology, associate professor, Department of Theory and History of the Humanities, Russian State University for the Humanities, korchinsky@mail.ru
- Korneev Ivan E.* – first-year master student in History, master's program “Historical examination of innovative social engineering”, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, vaniakorneev@mail.ru
- Kosovan Elena A.* – Ph.D. in History, associate professor, Department of Post-Soviet States, Russian State University for the Humanities, ekkade@gmail.com
- Narsiya Gocha M.* – senior lecturer, Department of Culture of Peace and Democracy, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, xmaci@mail.ru
- Pavlenko Olga V.* – Ph.D. in History, associate professor, vice rector for Research, Russian State University for the Humanities, head, Foreign Area Studies and Foreign Policy Department, Faculty of International Relations and Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, pavlenko@rggu.ru
- Pivovarov Efim I.* – Dr. in History, professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities, rggu@rggu.ru
- Rostislavleva Natalia V.* – Dr. in History, professor of the Department of World History, Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, director, Russian-German Center, Russian State University for the Humanities, ranw@mail.ru
- Shevchenko Boris I.* – Dr. in Economics, professor, professor of the Department of Regional Studies and Foreign Policy, Faculty of International Relations and Foreign Area Studies, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, bshevchenko@inbox.ru
- Shkarenkov Pavel P.* – Dr. in History, professor, vice rector for Continuous Education, Russian State University for the Humanities, head, Ancient History Department, Russian State University for the Humanities, shkarenkov.p@rggu.ru
- Tuzhilin Svyatoslav V.* – Ph.D. in History, Moscow, svyatoslav.tuzhilin@yandex.ru
- Usachev Andrey S.* – Dr. in History, professor of the Department of History and Theory of Historical Science, Faculty of History, Political Science and Law, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, asuua1@mail.ru

Художник серии *В.В. Сурков*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать 28.12.2017.

Формат 60 × 90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 12,1. Уч.-изд. л. 12,7.

Тираж 1050 экз. Заказ № 5

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «Политология. История. Международные отношения.
Зарубежное регионоведение. Востоковедение»
выходит 4 раза в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи без ограничений.

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»

ОАО Агентства «Роспечать» – 71127

Не забудьте своевременно подписаться на наш журнал!